

Психоллингвистика и лексикография

Продолжающееся научное издание

Выпуск 4

**Воронеж
2017**

Четвертый выпуск межвузовского сборника «Психолингвистика и лексикография» посвящен теоретическим и прикладным проблемам лингвистического и психолингвистического описания содержания языковых единиц.

Предназначен для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области психолингвистических и когнитивных исследований, лексикографии, семасиологии, межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

к.ф.н. Н.А.Козельская, д.ф.н. З.Д. Попова, к.ф.н. А.В. Рудакова –
научн.ред., д.ф.н. И.А. Стернин, д.ф.н. О.Н. Чарыкова

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова

Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – 228 с.

ISBN

© Коллектив авторов, 2017
© «Издательство РИТМ», 2017

ОТ РЕДАКТОРА

Четвертый выпуск межвузовского научного сборника «Психолингвистика и лексикография» подготовлен кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, Центром коммуникативных исследований ВГУ и Воронежской психолингвистической ассоциацией.

Многие исследования, представленные в данном сборнике, выполнены при поддержке гранта РГНФ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Данный выпуск является очередным в серии продолжающихся изданий, посвященных теоретическим и прикладным проблемам лингвистического описания содержания языковых единиц.

Издание отражает результаты исследований семантики единиц языка в рамках теоретико-лингвистической научной школы Воронежского государственного университета в области общего и русского языкознания, возглавляемой заслуженными деятелями науки РФ, докторами филологических наук Зинаидой Даниловной Поповой и Иосифом Абрамовичем Стерниным. В сборник также вошли работы ученых других научных коллективов вузов Воронежа и других городов России (Борисоглебска, Брянска, Волгограда, Калининграда, Калуги, Курска, Мурманска, Саратова, Симферополя, Смоленска, Твери, Тольятти, Тулы, Читы, Ярославля), а также Ирака, работающих в русле проблематики научной школы и тематики сборника.

В сборнике размещены как исследования докторов и кандидатов наук, аспирантов, соискателей, так и тех, кто делает только первые шаги в научных исследованиях (работы студентов и магистрантов).

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами психолингвистических, семантических и лексикографических исследований.

Электронный адрес редколлегии: a-rudakova@list.ru, sternin@phil.vsu.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Акованцева (Воронеж)

АССОЦИАТИВНЫЙ КЛАСТЕР «ОТДЫХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Ассоциативные поля, полученные разными методами, находятся друг с другом в определенных отношениях. Они частично совпадают, частично различаются, частично перекрещиваются, при этом со смысловой точки зрения они представляют собой определенную совокупность ассоциативного материала, взаимно детерминируемого в языковом сознании носителя языка.

Данная совокупность ассоциативных реакций на близкие, в частности, однокоренные стимулы представляет собой реальность языкового сознания и может быть обозначена как ассоциативный кластер, объединяемый единством лексических значений стимулов.

В нашей работе такой ассоциативный кластер образуют 10 ассоциативных полей, полученных разными методами на стимулы ОТДЫХ и ОТДЫХАТЬ. В кластер входят результаты двух свободных ассоциативных экспериментов со словами-стимулами ОТДЫХ, ОТДЫХАТЬ, и восьми направленных ассоциативных экспериментов: отдых – это..., отдых – какой?, отдых – где?, отдых – с кем?, отдыхать – что делать?, отдыхать – как?, отдыхать – где?, отдыхать – с кем?

Отдельные поля, дополняя друг друга в составе кластера, могут быть представлены как единое ассоциативное поле, в котором учтены все результаты, полученные разными ассоциативными методиками.

Ассоциативный кластер ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ представляет собой объединенное ассоциативное поле.

Оно имеет следующий вид (приводятся наиболее частотные реакции в порядке убывания):

ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ 7562: с друзьями 349; дома 237; на море 203; море 191; на природе 155; весело 146; с родными 142; с семьей 120; хороший 117; активный 114; спать 111; друзья 104; веселый 72; сон 71; с родителями 67; расслабляться 55; на даче 52; гулять 51; один 49; за границей, лето 47; в лесу 46; веселиться, с девушкой 43; дом 42; пляж, семья 40; загорать 39; природа, с любимым человеком 37; одному, спокойный, читать 35; активно, веселье 34; с любимым 33; красиво 29; расслабление, с детьми, с родственниками 28; на улице, на Юге, родители

27; в деревне 26; интересно, плавать 25; долго, ничего не делать, спокойно 24; купаться, пассивный, спорт 23; в одиночестве, на реке, одной, спокойствие 22; лес, приятный, развлекаться, смотреть телевизор 21; в клубе, долгий, интересный, отпуск, с мамой, солнце 19; в горах, девушка, каникулы, лежать, на диване, на пляже, одна, с подружкой, с приятелями, слушать музыку 18; развлечение, с близкими людьми 17; грустить, играть, полезный, путешествовать 16; классный, красивый, с мужем, с парнем, смена деятельности, танцевать, у моря 15; летний, приятно, радость, развлечения, расслабляющий, с другом 14; везде, горы, работать, с компанией 13; дача, запоминающийся, не работать, с близкими 12; в кафе, в кино, играть в компьютер, кровать, купаться в море, лежа, на курорте, общаться, расслабиться, с пользой, свобода, со знакомыми, Сочи 11; бездельничать, в гостях, диван, клевый, круто, любимый человек, познавательный, с женой, с удовольствием, Юг 10; клево, общаться с друзьями, путешествия, с книгой, спортивный, счастье, тишина, турбаза 9; беззаботно, в Сочи, долгожданный, думать, за городом, кафе, на речке, отлично, путешествие, радоваться, речка, родные, с душой 8; беззаботный, в компании, в театре, друг, загорать на пляже, заниматься любимым делом, заниматься спортом, кино, классно, лень, на свежем воздухе, покой, прогулка, разнообразный, река, с подружками, с самим собой, свободное время, тихий, шумный 7.

Анализ показывает, что обобщенное ассоциативное поле (кластер) выявляет в своей структуре все основные виды системных связей лексических единиц и, следовательно, выступает как лексическая группировка в ЛФС языка.

Ассоциативное поле выявляет в своем составе более частные лексико-фразеологические группировки (синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические и лексико-фразеологические группы, тематические поля), при этом соответствующие лексические группировки входят в состав ассоциативных полей неполностью, а только своей наиболее *актуальной для языкового сознания* частью; очевидно, это наиболее коммуникативно релевантные единицы.

Следовательно, применительно к ЛФС языка в целом ассоциативные поля пронизывают другие лексические группировки, интегрируя когнитивно, семантически и коммуникативно определенные лексические элементы в системе языка.

Таким образом, **ассоциативный кластер** – это объединение ассоциативных полей на однокоренные стимулы, полученных разными методами. Синоним – **объединенное ассоциативное поле**. Лемматизируются разные морфологические формы слова, но разные формулировки одного и того же смысла не обобщаются, даются отдельно.

Ассоциативный кластер – это тип лексической группировки в языковом сознании.

Возможно построение *интегрированного ассоциативного поля* – это объединение совпадающих по смыслу реакций, представленных в ассоциативном кластере, в одну с суммированием частотности интегрированных реакций.

Это конструкт исследователя на базе ассоциативного кластера, формулируемый для описания семантики стимула и других прикладных целей.

Интегрированное ассоциативное поле – это способ представления семантико-когнитивных признаков концепта слова-стимула.

Л.М. Борисова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ (на примере романа Кристи Вольф «Образы детства»)

Предметом нашего внимания являются аспекты текстопорождения в художественном произведении в свете концепции «Социопсихолингвистики» И.Н. Горелова: «Поскольку текст порождается и воспринимается человеком, процессы порождения и интерпретации текста могут быть описаны более или менее достоверно в неразрывной связи с психологией текстопорождения, текстоинтерпретации, текстофункционирования в целом, поэтому психолингвистика», – тематизировал И.Н. Горелов второй момент предложенного термина [6, с. 195]. В плане психологии текстопорождения нас интересует метакоммуникативный комментарий повествователя уже предпринятых им вербализаций.

Рассмотрим данную проблему на материале романа Кристи Вольф «Образы детства». По мнению Т.Л. Мотылевой, автобиографическая основа романа очевидна, «повествование сливается здесь с воспоминаниями и часто прерывается размышлениями писательницы». Особенностью романа является то, что в нем «совмещаются, переплетаются три повествовательных времени, и действие одновременно разворачивается в разных временных и сюжетных плоскостях» [5, с. 10]. В фокусе оказывается тема памяти, ее природа, исследуется «забвение как психологический и вместе с тем социальный феномен» [5, с. 11]. Особое звучание в этом контексте приобретает тема вины и ее преодоления.

Особого внимания заслуживает каскадная интерпретация лексемы *verfallen* в плане ее семантической многозначности, которая сводится в следующем примере к следующему смыслу: *стал подневольным с собственного полного согласия*.

Рассмотрим комментарии повествователя на уровне нарративной структуры повествовательного дискурса.

1. Verfallen-ein deutsches Wort.

Blick in fremde Wörterbücher: Nirgends sonst diese vier, fünf verschiedenen Bedeutungen. Die deutsche Jugend ist ihrem Führer verfallen. Der Wechsel auf die Zukunft ist verfallen. Ihre Dächer sind verfallen. Aber die ist doch verfallen-haben Sie das nicht gewusst.

Keine andere Sprache kennt „verfallen“ im Sinne von „unrettbar“, weil mit eigener tiefinnerster Zustimmung hörig“ [4, p. 375].

1a. **Verfallen – чисто немецкое слово**. *Заглянем в иноязычные словари: нигде больше не сходятся в одном слове эти четыре-пять разных значений. Немецкая молодежь полностью подпала под влияние фюрера. Verfallen. Срок векселя истек. Опять verfallen. Крыши у них обветшали. И здесь verfallen. Но она ведь так и зачахла, разве вы не знали? И тут то же слово.*

Ни в каком другом языке нет слова, которое, как verfallen, означало бы конечный, пропащий, ибо стал подневольным с собственного полного согласия [5, с. 308].

Wahrig Lexikon repräsentiert folgende Bedeutungen des Verfalls:
1. Baufällig werden, allmählich kaputtgehen (Gebäude); körperlich schwach werden; die geistige Kraft, Frische verlieren; die Gültigkeit verlieren, ungültig werden; allmählich die Lebenskraft und Wirksamkeit verlieren (Epoche).
2. jmdm. od. einer Sache verfallen – örig werden, von jmdm. od. einer Sache abhängig werden; dem **Alkohol**, dem Trunk, einem Laster verfallen; die **Gutscheine** verfallen nach vier Wochen; der **Kranke** verfiel in den nächsten Tagen zusehends; der **Wechsel** verfällt am 1. April. **3. auf** einen Gedanken verfallen – *auf einen (den anderen meist etwas wunderbarlich erscheinenden) G. kommen*; darauf verfallen, etwas zu tun – *plötzlich etwas tun wollen (meist etwas, das den anderen etwas verrückt vorkommt)*; wie ist er denn bloß darauf verfallen?; **in** einen Fehler verfallen – *sich unversehens einen Fehler aneignen*; In Melancholie, Trübsinn verfallen – *melancholisch, trübsinnig werden*; in tiefes Nachdenken verfallen **4. eine verfallene Burg**; er sieht ganz verfallen aus; ihre Einreiseerlaubnis ist bereits verfallen [3, p. 395].

При этом лексема **hörig** (Adj.) интерпретируется следующим образом:

an den vom Grundherrn verliehenen Grund und Boden rechtlich gebunden und zu Abgaben u. Frondienst verpflichtet; (fig.) an einen Menschen bis zur Selbstaufgabe innerlich gebunden, bes. durch sexuellen Reiz; jmdm. (sexuell) hörig sein [mhd.hoerec „auf jmdn. hörend, folgsam, leibeigen“; zu hören [3, p. 1883].

Verfallen. **1.1.** ein Gebäude, Bauwerk verfällt (*wird baufällig*); verfallene Häuser. **1.2. jmd. verliert körperlich, geistig an Kraft**: es war auffallend, wie er verfiel **1.3. etw. verliert seine Macht, Geschlossenheit, Wirksamkeit, gerät in Auflösung**: das Römische Reich verfiel; die Sitten verfielen mehr und mehr. **2. etw. wird ungültig**: der Passierschein verfällt am 1. 10., ist verfallen; verfallene Fahrkarten. **3. in einen bestimmten Zustand hineingeraten**: in

Schweigen, Nachdenken, immer wieder in den gleichen Fehler verfallen. 4. auf etw.verfallen – *einen (außergewöhnlichen) Einfall haben*: er verfiel auf einen sonderbaren Gedanken, die tollsten Ideen. 5. einer Sache, jmdm. Verfallen – *von einer Sache, jmdm. physisch, psychisch völlig abhängig werden*: dem Spiel, Alkohol verfallen; er war dieser Frau ganz und gar verfallen (*hörig geworden*). 6. *einer Institution, bes. dem Staat zufallen*: die beschlagnahmten waren verfallen dem Staat [1, p. 1240].

Анализ словарных дефиниций показывает, что контекстуально обусловленное значение лексемы *verfallen* приобретает дополнительные смыслы и коннотации, так как и пункт 2 словаря Wahrig и пункт 5 словаря Кемпке не содержат компонента «*unrettbar*»: 1) обреченный, пропащий; 2) *unrettbar verloren sein* – погибнуть безвозвратно [2, p. 1273]; при этом немецко-русские словари показывают и наличие лексемы *rettungslos*: 1) безнадежный; 2) *rettungslos verloren*-погибший, безвозвратно утеранный [2, p. 1145].

При этом следует отметить, что суффикс *los* означает невозможность выполнения чего-либо, отсутствие чего-либо в принципе. Суффикс *bar* означает возможность выполнения чего-либо. В тексте оригинала отрицание достигается с помощью префикса *un*, что превращает то, что можно было спасти в «пропадающее, обреченное».

Значимость предпринятой в романе формулировки, подобной которой нет, по мнению повествователя, в других языках, находит свое эксплицитное выражение и в тексте перевода, где переводчик намеренно вводит неоднократно во вторичный текст немецкую лексему *verfallen*, акцентируя ее многозначность в немецком языке, сопровождая ее эмоциональным комментарием, который не присутствует в тексте оригинала. Ср.: *Verfallen; опять verfallen; и здесь verfallen; и тут то же слово*; ср. также: *verfallen* – чисто немецкое слово. Дополнительно вводимый переводчиком текст обозначен нами в тексте перевода подчеркиванием.

Таким образом, лексема *verfallen* в тексте оригинала имеет дополнительное значение: не просто попасть полностью под влияние какого либо человека (по словарным дефинициям часто именно в плане сексуальной зависимости), а попасть под маховик тотально развернутой нацистской идеологической обработки, идентифицируемой с ее создателем (Führer), не суметь сразу распознать ее уничтожающую природу, принять ее как должную и прозреть не сразу, а только в результате страшного, необычайно болезненного собственного переживания чудовищных потрясений и последствий данной идеологии для всего мира и для немцев, в том числе. По замыслу автора романа повествователь перечисляет в структуре художественного дискурса значения данной лексемы именно, чтобы подчеркнуть этот, не находящий отражения в официальных словарных дефинициях аспект значения, соотносимый с трагическими

экстралингвистическими сущностями: воспитание с детского возраста молодежи Германии в духе фашистской идеологии, подпавшей в значительной мере под это влияние, прошедшей тяжелый путь прозрения и осмысления собственной вины, а также осознающей проблему памяти, которая не должна позволить повториться ужасам фашизма.

Следующее каскадное парафразирование репрезентирует эксплицитно процесс текстопорождения и сигнализирует одновременно значимость адекватной номинации релевантной в выше указанном контексте темы:

2. *Память. В теперешнем смысле:* «Сохранение ранее узнанного и соответствующая способность». **То есть** не орган, а деятельность и предпосылка к выполнению этой деятельности, **все в одном слове**. Без тренировки память утрачивается, более не существует, обращается в ничто – гнетущая, тревожная картина. Значит, надо развивать способность к сохранению, к воспоминанию [5, с. 31].

3. Чувство вины, спутник противоестественных поступков, ему обеспечено: ведь естественно для ребенка иное – на всю жизнь сохранить в памяти благодарность родителям за счастливое детство и не выискивать в нем изъянов... Сохранить в памяти... В памяти? **Язык по всем правилам услужливо подсказывает однокоренной ряд:** «мнить», «помнить», «вспоминать», «памятовать». Вот и получается, что пытливое воспоминание и чувство, неизбежно его сопровождающее, **но, заметьте, обделенное пока названием, можно в крайнем случае посчитать** «изъявлением благодарственных помыслов». Да только инстанции, которая официально подтвердит, что крайний случай действительно имеет место, опять-таки не существует [5, с. 46].

Предпринимаемые повествователем комментарии формулировок и в целом стилей повествования на метакоммуникативном уровне репрезентируют философские размышления о жизни и повествовательных уровнях при передаче структуры переживаний:

4. Бегство против воли – *этими тремя словами тоже можно определить жизнь*. («Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен его повторять».)

В идеале структуры переживания и структуры повествования должны были бы совпасть. А это обеспечило бы искомую всеми фантастическую точность. **Но нет, нет способа перевести невероятно запутанный жгут**, нити которого сплетены друг с другом по строжайшим законам, **на линейный язык и притом серьезно не испортить**. Рассуждать о пластах, наслаивающихся один на другой, – «повествовательных уровнях» – **значит прибегать к неточным наименованиям и фальсифицировать реальный процесс**. Ведь реальный процесс, «жизнь», никогда не останавливается; застать ее на самом что ни на есть последнем рубеже – желание по-прежнему неутолимое, может быть, даже недозволенное [5, с. 291].

Ревизией предпринятой формулировки является метакоммуникативный комментарий в следующем примере, за которым следует эксплицитная психоэмоциональная оценка предпринятой более точной формулировки одним из главных персонажей романа:

5. *Нелли уже сникла, и ее охватила грусть, которой она боялась и в которой не хотела себе признаваться. Нельзя же так, нельзя, чтобы мгновения наивысшего счастья, ради которых она и живет, каждый раз кончались пустотой, если не сказать разочарованием, но это слово она даже в мыслях не произносила* [5, с. 245].

Осуществленное повествователем парафразирование в следующем примере указывает на особую значимость предпринятой повествователем формулировки (речь идет именно о модели восприятия действительности):

6. *Основной каркас – иначе говоря, модель восприятия – на худой конец можно представить как сеть из прочно связанных между собой нервных волокон, которая действительно плетется в первые месяцы жизни: позднее мозг уже не растет* [5, с. 176].

Не касаясь особенностей перевода на русский язык в рамках данной статьи в примерах 2-6, следует отметить, что в выше приведенных примерах в фокусе находится способ оформления индивидуальных концептов писателя, характеризующихся широкой социальной релевантностью, а также психолингвистические аспекты поиска соответствующей интенции повествователя формулировки, имеющего выход в лексикографическую практику, что обусловлено необычайной значимостью и актуальностью трактуемых тем. Важно также отметить, что в художественном дискурсе, в романе Кристи Вольф, метакоммуникативные комментирующие предпринятую формулировку речевые действия и предпринятые дальнейшие парафразы в художественном дискурсе имеют дополнительные функции.

«В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира – например, национальные символы, национально-специфические концепты. При этом следует всегда помнить, что художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [7, с. 40], что в полной мере находит свое отражение в романе Кристи Вольф «Образы детства».

1. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in zwei Bänden. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Günter Kempcke. Akademie Verlag. – Berlin 1984. – 1399 S.

2. Langenscheid. Handwörterbuch Russisch. Herausgegeben von der Langenscheidt – Redaktion. Begründet von Edmund Daum und Werner Schenk. 2009. – Langenscheidt KG, Berlin und München. – 1391 S.

3. Wahrig Gerhard. Deutsches Wörterbuch. Mosaik Verlag. 1980/1981. S. 4358.

4. Wolf Christa. Kindheitsmuster. Aufbau -Verlag Berlin und Weimar. 12. Auflage 1990. – 532 S.

5. Вольф К. Образы детства. Пер. с нем. Н. Федоровой / Редкол.: А. Небензя, Н. Литвинец, И. Млечина и др.; Предисл. К. Хёнке и Т. Мотылевой. – М.: Худож. лит., 1989. – 431 с.

6. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике / И.Н. Горелов. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.

7. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

Н.В. Бубнова (Смоленск)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА СМОЛЕНСКИХ ПОЭТОВ В СОСТАВЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ (данные ассоциативного эксперимента)

В 1960 г. литературный критик А.В. Македонов высказал мысль (позже поддержанную многими другими исследователями) о существовании Смоленской поэтической школы, назвав ее основоположниками А.Т. Твардовского, М.В. Исаковского и Н.И. Рыленкова [5, с. 4].

Смоляне традиционно воспринимают имена трех названных поэтов как неделимую триаду. Все три имени являются для смолян общезначимыми, прецедентными [3, с. 216], входят в состав «ядра» фоновых знаний [1, с. 498] жителей Смоленщины о своем регионе. Это было выявлено нами в ходе исследования имен собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян (см. подробнее [2]).

Ведущим методом исследования послужил ассоциативный эксперимент, в ходе которого после заполнения анонимной анкеты респондентам-смолянам было предложено в течение одной минуты записать любые имена собственные, ассоциируемые ими со Смоленским краем. В результате эксперимента было получено 1212 реакций (13471 употребление), из числа которых при помощи программы Microsoft Office Access было выделено «ядро», сформированное реакциями, обладающими наиболее высокими индексами частотности и названными респондентами всех групп, независимо от пола, возраста, уровня образования и других характеристик анкеты.

Состав «ядра» ономастических фоновых знаний смолян о своем крае формируют следующие имена (в скобках для каждого онима указан индекс частотности): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю.А. Гагарин* (596), *М.И. Глинка* (492), *А.Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М.В. Исаковский* (273), *Ф.С. Конь* (232), *М.К. Тенишева* (166), *Н.И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124). Как видим, имена поэтов-основоположников Смоленской поэтической школы имеют разные

индексы частотности, но все три имени являются для смолян прецедентными.

На данном этапе работы мы исследуем, как представлены «ядерные» смоленские имена на общенациональном уровне: являются ли они также прецедентными или только коннотативными? На соотношение понятий *коннотативность* и *прецедентность* применительно к имени собственному впервые обратила внимание И.В. Крюкова, по замечанию которой коннотативность имени – это более широкое понятие, т.е. «наличие коннотаций в семантической структуре имени собственного может стать базой для развития прецедентности. Любое прецедентное имя коннотативно, но утверждать обратное нельзя» [4, с. 61]. Обозначая перспективы данного направления анализа имен собственных, исследователь отмечает, что «в отечественной ономастике и лингвокультурологии детально исследованы свойства и функции только национальных, входящих в русское культурное пространство, и частично интернациональных прецедентных и коннотативных имен. Региональная, групповая, социумная, индивидуальная (в аспекте языкового паспорта говорящего) коннотативность и прецедентность имен собственных нуждается в выявлении и детальном анализе» [4, с. 61].

В настоящей статье рассмотрим, как представлены имена основоположников Смоленской поэтической школы на общенациональном уровне. Для этого нами был проведен ассоциативный эксперимент со студентами разнопрофильных вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Общее количество респондентов – 1617 человек. В эксперименте приняли участие студенты следующих московских вузов (826 испытуемых, здесь и далее для каждого вуза в скобках указано количество участников): Московского государственного университета дизайна и технологий (234); Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (174); Московского государственного областного университета (172); Российского государственного гуманитарного университета (137); Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (62); Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (29); Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (18). Также участниками эксперимента стали студенты петербургских вузов (791 респондент): Санкт-Петербургского государственного технологического института (406); Санкт-Петербургского государственного университета (209); Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (132); Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (44).

Сбор материала осуществлялся в группах студентов из 10-20 человек. В начале эксперимента участники заполняли анонимную анкету, содержащую следующие характеристики: пол, возраст, курс обучения,

место рождения (Москва / Петербург или другой город / поселок), образование (среднее / среднее специальное / высшее), сфера будущей профессиональной деятельности (гуманитарная / техническая), родной язык(и). Наиболее релевантным для настоящего исследования является показатель места рождения респондентов, по которому абсолютное большинство испытуемых рождены не в одной из двух столиц, а в провинциях. Следует отметить, что в эксперименте приняли участие испытуемые из самых разных городов России: Архангельска, Астрахани, Белгорода, Благовещенска, Брянска, Великого Новгорода, Владикавказа, Владимира, Волгограда, Вологды, Воронежа, Грозного, Ижевска, Йошкар-Олы, Иркутска, Казани, Калининграда, Калуги, Кирова, Костромы, Краснодар, Красноярск, Курска, Липецка, Махачкалы, Мурманска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Орла, Оренбурга, Пензы, Перми, Петропавловска-Камчатского, Пскова, Ростова-на-Дону, Рязани, Саратова, Севастополя, Ставрополя, Сыктывкара, Тулы, Ульяновска, Хабаровска, Челябинска, Элисты, Южно-Сахалинска, Якутска, Ярославля и др. Таким образом, можно говорить о том, что в результате эксперимента нами был выявлен состав фоновых знаний о Смоленщине и ее прецедентных именах, присущий общенациональной языковой личности.

Собственно эксперимент состоял в том, что респондентам было предложено записать любые реакции, связанные с «ядерными» смоленскими ономастическими единицами (время реакции на каждый стимул ограничивалось 7 секундами; стимулы предъявлялись устно в порядке убывания их индексов частотности, выявленных в результате эксперимента на региональном уровне). Полученный ассоциативный материал был обработан также посредством создания в программе Microsoft Office Access электронной Базы данных, где в компактном и удобном для дальнейшего анализа виде представлен состав ассоциативно-культурного фона (далее АКФ) [6, с. 166] каждого онима-стимула.

Количественные данные, характеризующие анализируемые в настоящей работе антропонимы *А.Т. Твардовский*, *М.В. Исаковский*, *Н.И. Рыленков*, отражены в Таблице 1, где Р – реакция, У – употребление. Все данные приведены в числовом выражении; наиболее важные показатели для «проверки прецедентности» онима представлены также в процентном выражении: количество незаполненных бланков (сначала указано общее число, затем – количество пустых бланков у респондентов из вузов Москвы + количество пустых бланков из вузов Петербурга) и количество совпадающих употреблений в списках реакций испытуемых.

Количественные данные, представленные в Таблице 1, показывают, что менее 10% незаполненных бланков зафиксировано только для стимула *А.Т. Твардовский*, а стимулы *М.В. Исаковский* и *Н.И. Рыленков* характеризует большое количество незаполненных бланков, свидетельствующее об отсутствии данных имен в составе фоновых знаний

значительной части респондентов. При этом следует отметить, что количество незаполненных бланков распределилось примерно пополам между респондентами из вузов Москвы и из вузов Петербурга, что наглядно представлено в таблице. Такие количественные показатели можно рассматривать как первый из критериев «проверки прецедентности» общезначимых смоленских имен собственных на общенациональном уровне.

Таблица 1

Количественные показатели реакций столичного студенчества

№ п/ п	Оним-стимул	Количество пустых бланков	Количество совпадающих		Общее количество	
			Р	У	Р	У
1	<i>А.Т. Твардовский</i>	141: 65 + 76 (8,7%)	76	1751 / 83,3%	363	2101
2	<i>М.В. Исаковский</i>	748: 357+391 (46,3%)	56	656 / 69,1%	264	949
3	<i>Н.И. Рыленков</i>	900: 438+462 (55,7%)	47	473 / 58,5%	334	809

Вторым критерием является качественный анализ состава их АКФ, т.е. классификация формирующих этот АКФ реакций с точки зрения их когнитивной ценности и выделение смысловых групп информативных реакций. Для этой классификации мы будем использовать совпадающие реакции на каждый оним-стимул. Целесообразность такого подхода обусловлена тем, что количество употреблений совпадающих реакций (от 58,5% до 83,3%) свидетельствует в целом о стереотипности восприятия заданных стимулов московским и петербургским студенчеством. Неповторяющиеся же реакции представлены преимущественно единично: они являются индивидуальными или имеют невысокий индекс частотности, представляя собой реакции с неясной мотивационной основой. Поскольку для анализа будем использовать только общие для столичного студенчества реакции, количество которых достаточно ограничено (во многом в силу их стереотипности), мы не будем укрупнять классификацию, объединяя семантически однородные реакции (к данной категории мы относим реакции-словоформы, однокоренные слова и явления синтаксической деривации, а также варианты разного графического оформления реакции).

С точки зрения когнитивной ценности (когнитивного потенциала) в составе АКФ каждого онима мы выделяем три типа реакций: общезначимые, индивидуальные реакции и реакции с неясной мотивационной основой.

Среди общезначимых реакций могут быть выделены пять групп:

- 1) информативные, передающие значимые компоненты АКФ имени;
- 2) оценочные, выражающие положительную / отрицательную оценку онима-стимула и его носителя;

3) формальные, основанные на внешнем звуковом сходстве с онимом-стимулом;

4) ошибочные, отражающие неверное восприятие онима-стимула;

5) «пустые», свидетельствующие о незнании респондентами информативных компонентов АКФ имени, либо не заключающие в себе никакой конкретной информации, относящейся к имени.

Абсолютное большинство совпадающих реакций московских и петербургских студентов на анализируемые в настоящей работе стимулы являются общезначимыми. Рассмотрим, какие смысловые группы в составе АКФ каждого онима они сформировали.

Состав АКФ антропонима **А.Т. Твардовский** формируют 76 реакций (1751 употребление), в числе которых 72 общезначимые реакции и 4 реакции с неясной / неоднозначной мотивационной основой (*творог* 4; *театр* 3; *костер*, *лед* 2). Среди общезначимых реакций могут быть выделены следующие группы (здесь и далее для каждой группы указано количество формирующих ее реакций / употреблений; для каждой реакции – индекс частотности):

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 55 / 1664:

1. Реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени 27 / 1166:

1.1. Профессия, род занятий: *писатель* 442; *поэт* 135; *русский писатель* 4; *журналист*, *литератор*, *советский писатель* 3.

1.2. Сфера творчества: *литература* 162; *стихи* 123; *поэзия* 53; *книги* 45; *книга* 36; *стихотворения*, *творчество* 17; *поэма* 15; *проза*, *рассказы*, *чтение* 13; *искусство* 12; *произведение*, *произведения* 8; *буквы* 7; *классика*, *перо* 4; *культура*, *рассказ* 3; *повесть* 2.

1.2.1. *Школа* 18.

2. Реакции, описывающие литературное творчество автора 20 / 472:

2.1. Поэма «Василий Тёркин»: *Василий Тёркин* 261; *Переправа...* 25; *солдат* 6; *гармошка*, *медаль*, *юмор* 2.

2.2. Военная тематика произведений: *война* 114; *ВОВ* 14; *стихи о войне* 9; *военные стихи*, *фронт* 4; *Вторая мировая война* 3; *военная тематика*, *военный писатель*, *победа*, «*Я убит подо Ржевом*» 2.

2.3. Другая тематика автора: *детство* 7; *дети* 5; *природа*, *река* 3.

3. Реакции, характеризующие жизнь и личность носителя имени 4 / 13:

3.1. *Спокойствие* 3; *мужество*, *патриотизм*.

3.2. *СССР* 6.

4. Реакции, отражающие память об А.Т. Твардовском 4 / 13: *кино* 5; *памятник*, *20 век* 3; *XX век* 2.

«ПУСТЫЕ» РЕАКЦИИ 8 / 45: *человек* 16; *известность*, *мужчина* 7; *личность* 5; *история* 4; *известный*, *Саша*, *творец* 2.

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 4 / 12: *музыка* 5; *режиссер* 3; *актер*, *сказки* 2.

ФОРМАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ 2 / 11: *твердый 7; твердь 4.*

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 3 / 8: *великий 4; величие, талант 2.*

Приведенный состав реакций АКФ антропонима **А.Т. Твардовский** показывает, что абсолютное их большинство (1664 употребления из 1751; 95,1%) – это реакции информативного типа, из чего можно заключить, что данное имя прецедентно не только на региональном уровне, но и принадлежит общенациональному уровню лингвокультурологической ценности.

Наиболее объемную смысловую группу формируют реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени. Особо отметим, что одной из самых частотных реакций в данной группе является литературное имя *Василий Тёркин*, что свидетельствует о том, что в состав фоновых знаний общенациональной языковой личности А.Т. Твардовский вошел, прежде всего, как автор знаменитой «книги про бойца». При этом респондентами не приведены реакции, характеризующие смоленское происхождение поэта, хотя в поэме «Василий Тёркин» (глава «О герое») автор прославляет Смоленский край и смоленское происхождение главного героя: «Не иной какой, не энский, / Безымянный корешок, / А действительно смоленский, / Как дразнили нас, рожок. / Не кичусь родным я краем, / Но пройди весь белый свет – / Кто в рожки тебе сыграет / Так, как наш смоленский дед».

Состав АКФ антропонима **М.В. Исаковский** формируют 56 реакций (656 употреблений), в числе которых 53 общезначимые реакции и 3 реакции с неясной / неоднозначной мотивационной основой (*медведь 5; знание 3; лес 2*). Среди общезначимых реакций могут быть выделены следующие группы:

«ПУСТЫЕ» РЕАКЦИИ 26 / 358: *человек 124; мужчина 51; кто это? 44; ? 23; не знаю 21; неизвестность 10; деятель 9; история, нет ассоциаций 8; известный человек 7; имя 6; личность, нет 5; знаменитость, известный, неизвестный, ХЗ 4; кто-то, незнакомец, пустота 3; борода, живопись, Михаил, Миша, незнание, ничего 2.*

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 17 / 130:

1. Реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени **14 / 123:**

1.1. Профессия, род занятий: *писатель 37; поэт 20; советский поэт 3; русский поэт 2.*

1.2. Сфера творчества: *литература, творчество 11; искусство 8; книга 7; стихи 6; поэзия 5; книги 4; песни 3; Катюша 2.*

1.2.1. *Школа 4.*

2. Реакции, характеризующие жизнь и личность носителя имени **3 / 7:**

2.1. *Россия 3; война 2.*

2.1. *Строгий 2.*

ФОРМАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ 6 / 129: *Исаакиевский собор 67; собор 26; Исаак 15; Ньютон 10; Исаак Ньютон 6; физика 5.*

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ **4 / 29**: *композитор 11; ученый 10; архитектура 5; картины 3*.

В составе АКФ антропонима **М.В. Исаковский** абсолютное большинство реакций (526 употреблений из 656; 80,2%) являются неинформативными, т.е. не несут информации о значимых компонентах АКФ исследуемого онима. Такие результаты позволяют заключить, что данное имя не входит в состав лингвокультурологических фоновых знаний большей части столичного студенчества. Преобладают в общем списке «пустые» реакции, достаточно распространены также группы формальных и ошибочных реакций. Попутно отметим, что реакции *Исаакиевский собор, собор* зафиксированы преимущественно в списках ответов студентов из вузов Санкт-Петербурга, что является показателем «включенности» в конкретную региональную среду формирования фоновых знаний языковой личности. Среди ошибочных реакций следует отдельно выделить достаточно частотную реакцию *композитор*, возникновение которой, на наш взгляд, обусловлено тем, что многие стихотворения «смоленского соловья России» положены на музыку и стали по-настоящему народными песнями.

Состав АКФ анализируемого антропонима в его восприятии столичным студенчеством позволяет заключить, что имя М.В. Исаковского является прецедентным только для представителей регионального языкового микросоциума, а на общенациональный уровень не переходит. Полученные результаты представляются несколько неожиданными с учетом того, что поэт является автором текстов известных и всенародно любимых песен «Катюша», «Враги сожгли родную хату», «Одинокая гармонь», «Огонек», «И кто его знает», «Летят перелетные птицы», «Каким ты был», «Ой, цветет калина», «В прифронтовом лесу» и др.

Состав АКФ антропонима **Н.И. Рыленков** формируют 47 реакций (473 употребления), в числе которых 42 общезначимые реакции и 5 реакций с неясной / неоднозначной мотивационной основой (*руль 4; хохол 3; Земля, лопата, рулет 2*). Среди общезначимых реакций могут быть выделены следующие группы:

ПУСТЫЕ РЕАКЦИИ **19 / 274**: *мужчина 106; человек 54; кто это? 21; не знаю 19; ? 17; Коля 9; неизвестность, нет 7; история 5; деятель, неизвестно 4; известный, имя, мужик, неизвестный, Николай 3; незнакомец, смешная фамилия, фамилия 2*.

ФОРМАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ **6 / 100**: *рыло 54; Рылеев 19; свинья 16; поросенок 5; крыло 4; рыть 2* (реакции *свинья* и *поросенок* относятся к этой группе опосредованно: через созвучную реакцию *рыло*).

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ **9 / 54**:

1. Реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени **5 / 42**: *писатель 18; поэт 8; литература 7; поэзия 5; книги 4*.

2. Другие информативные реакции **4 / 12**:

2.1. *Война 3; мужественность, революция 2.*

2.2. *Улица 5.*

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ **8 / 32**: *художник 9; наука 6; ученый, физика 4; актер 3; декабрист, картина, спортсмен 2.*

Абсолютное большинство реакций (419 употреблений из 473; 88,6%) в составе АКФ антропонима **Н.И. Рыленков** являются неинформативными. Преобладают «пустые» и формальные реакции; достаточно распространенной является также группа ошибочных реакций, среди которых реакция *декабрист* объясняется ассоциативной смежностью и звуковым созвучием онимов *Рыленков* и *Рылеев*. Полученные результаты свидетельствуют о том, что сфера прецедентности данного антропонима ограничена региональным уровнем.

Таким образом, проанализировав количественный и качественный состав реакций столичного студенчества на имена, называющие основоположников Смоленской поэтической школы, мы пришли к выводу о том, что не все три прецедентных для смолян онима, обладающие определенной степенью коннотативности, перешли на общенациональный уровень прецедентности. Отметим, что распределение реакций по смысловым группам может несколько варьироваться (что во многом будет обусловлено индивидуальностью исследователя), но в целом перечисленные выше группы реакций позволяют сделать объективные и достоверные выводы.

В результате проведенного нами исследования возникает три основных вопроса: 1. Почему одни регионально прецедентные имена переходят на общенациональный уровень, а другие ограничены региональным уровнем? 2. Прогнозируемо ли такое распределение по уровням лингвокультурологической ценности? 3. Как относиться к такому ранжированию?

На первый вопрос сложно дать однозначный ответ, но одним из главных критериев, на наш взгляд, является степень популяризации имени и увековечения памяти о его носителе. Прецедентными на региональном уровне являются те имена, которыми названы улицы, школы и другие объекты; носителям которых поставлены памятники, в честь них открыты музеи и т.д. Языковая личность, «включенная» в региональный социум, непосредственно соприкасается с этими объектами, затем постепенно то или иное имя входит в состав ее фоновых знаний. На общенациональном уровне респонденты зачастую лишены этой «зрительной опоры», которая является своего рода «импульсом» для экспликации многоплановой информации в содержании АКФ ономастических единиц.

В ответ на второй вопрос можно сказать, что распределение имен по уровням лингвокультурологической ценности, доказанное экспериментальным путем, не всегда заранее прогнозируемо. Представляется, что в наших материалах таким примером является имя М.В. Исаковского, автора текстов по-настоящему народных песен, которое

по результатам эксперимента не прошло «проверку прецедентности». В свою очередь этот факт ставит перед нами еще один вопрос: возможно, то, что было прецедентным для прошлого поколения, перестает быть таковым для современной молодежи, ведь эксперимент проводился в студенческих группах?

На третий вопрос представляется возможным ответить так: экспериментальные исследования предоставляют достаточно объективную картину соотношения коннотативности и прецедентности в содержании имени собственного; в этом смысле региональные исследования являются своего рода «фильтром» для выявления прецедентных имен собственных с целью их последующей популяризации и включения в общенациональный ономастикон.

В заключение отметим, что информативные реакции в составе АКФ каждого онима называют имена, объекты, реалии и характеристики, позволяющие эксплицировать большой объем информации (в частности, историко-культурологической информации), обогащающей состав АКФ исследуемых онимов. В виду необходимости соблюдения требований к жанру научной статьи эта многоплановая информация не представлена в тексте настоящей работы. В перспективе она может найти отражение в различных антропоориентированных словарях (краеведческих, лингвокультурологических, ассоциативных).

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 448 с.

2. Бубнова Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян; дис. ... канд. филол. Наук / Н.В. Бубнова. – Смоленск, 2011. – 285 с.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

4. Крюкова И.В. Коннотоним и прецедентный оним: соотношение понятий / И.В. Крюков // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 58-62.

5. Македонов А.В. Очерки советской поэзии / А.В. Македонов. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1960. – 244 с.

6. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: В 2-х частях / Н.А. Максимчук. – Ч. 1. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 184 с.

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДЕФИНИЦИИ СЛОВА С ПРИМЕНЕНИЕМ КОМПЛЕКСА РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОВ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

В работе предлагается метод описания семантики слова путем сопоставления значений слова, выявленных психолингвистическими методами и путем анализа лексикографических источников. Предлагаемый метод позволяет углубить и расширить семантическое описание слов, а также выявляет дополнительные значения исследуемых единиц, не отраженные в имеющихся лексикографических источниках.

В толковом словаре значение слова сформулировано лексикографами в результате применения принципа редукционизма и его можно рассматривать как совокупность основных, ядерных сем значения, отражающих, по мнению лексикографов, основное содержание значения. Такое значение по терминологии М.С. Саломатиной и И.А. Стернина является *лексикографическим значением* [4, с. 22-26]. Более достоверное лексикографическое описание значения слова может быть осуществлено *методом обобщения словарных дефиниций*.

Для глубинного исследования и адекватного описания семантических компонентов языковых единиц проводится психолингвистическое исследование лексем разными вариантами ассоциативных экспериментов: свободным ассоциативным экспериментом, направленным ассоциативным экспериментом с использованием вопросов-стимулов, направленным ассоциативным экспериментом методом субъективной дефиниции.

Методы лексикографического описания и психолингвистического описания семантики исследуемых языковых единиц дополняют друг друга и позволяют получить углубленные, релевантные для психологически реального языкового сознания описания значений слов.

Данные методы зафиксировали различающиеся описания значений одной и той же языковой единицы, следовательно, для формулирования психологически достоверного описания значения слова необходимо учесть лексикографическое и психолингвистическое описание как неотъемлемые и взаимодополняющие компоненты описания значений исследуемой языковой единицы.

Исследование семантики слов, принадлежащих к частотному ядру русского языка, осуществлялось в Воронежском государственном университете (ВГУ). Ассоциативные эксперименты проводились в разных группах испытуемых, которыми являлись студенты ВГУ, а также их родственники и знакомые.

В работе представлено описание семантики слова «друг» всей совокупностью примененных методов. Для исследования семантики

лексемы «друг» методом свободного ассоциативного эксперимента были использованы данные, зафиксированные русским ассоциативным словарем под редакцией Ю.Н. Караулова [1, с. 125] .

В направленном ассоциативном эксперименте по вопросам-стимулам приняло участие 5 отдельных групп испытуемых (по 100 человек каждая). Общее количество испытуемых, принявших участие в ассоциативном эксперименте по направляющим вопросам – 500 человек (286 женщин и 214 мужчин) в возрасте от 16 до 86 лет (группы №№ 1-5).

В эксперименте методом субъективной дефиниции приняли участие 100 испытуемых (57 женщин и 43 мужчины) в возрасте от 16 до 68 лет – группа №6.

Для обобщенных лексикографических значений указывался *совокупный индекс словарной фиксации значения* (СИСФ), который высчитывался путем определения частотности его фиксации в совокупности обследованных словарей как количество фиксаций данного значения в обследованных словарях к общему числу обследованных словарей.

Для психолингвистических значений определялись индексы яркости отдельных сем (ИЯ) и совокупный индекс яркости психолингвистического значения (СИЯ). Понятие индекса яркости семы введено в работе «Экспериментальные методы в семасиологии» [2, с. 192], а позже конкретизировано в работе «Психолингвистическое значение и его описание»: *индекс яркости семы* (ИЯ) высчитывается как отношение количества испытуемых, актуализировавших данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых. Индексы яркости сем позволяют вычислить *совокупный индекс яркости значения* (СИЯ), который высчитывается как «сумма индексов яркости всех образующих значение сем» [3, с. 99].

Результаты, полученные в ходе проведения исследования семантики лексем разными методами, были представлены в сопоставительной Таблице.

Таблица

**Сопоставление результатов лексикографического
и психолингвистических исследований слова «друг»**

Лексикографические значения (5 толковых словарей)	Субъективная дефиниция (100 ин)	Направленный ассоциативный эксперимент по вопросам – стимулам (100 ин)	Свободный ассоциативный эксперимент (538 ин)
1. Близкий человек, с кем тесно связан дружбой	Близкий человек 19; товарищ 10; поддержка, человек, которому можно доверять 3; брат,	Мой 69; верный 28; человека 24; детства 18; лучший 16; друга 13; семьи, хороший 8; надежный 6; его 5;	Верный 69; враг 47; детства 33; мой 28; товарищ 27; лучший 20; собака 17; близкий, хороший 16;

	верный товарищ, на которого можно положиться, опора, родной человек; человек, которому доверяешь 2; верность, интересов, человек, с которым можно поделиться; важная часть человека, напарник, отражение себя; человек, готовый помочь тебе в трудную минуту; приятный человек; самый близкий человек, необязательно из родственников; соратник, хороший человек, человек, которому можно доверить тайну; человек, для которого ты важен, и который важен тебе; верный человек; человек, которому ты доверяешь все; доверенное лицо с общими интересами; человек, который тебе всегда поможет и который вечно тебя подкалывает; человек, разделяющий твои увлечения; поддержка и хобби; человек, способный искренне радоваться за кого-то; человек, с которым приятно общаться и есть общие интересы; человек, с которым хочется общаться; это человек, с которым ты в хороших отношениях 1	близкий 4; веселый, искренний, моего друга, преданный, отзывчивый 3; настоящий, добрый, друг моих друзей, жизни, молодости, соседа, твой 2; брата, братвы, всех, другого друга, друзей, его, жены, кого-то близкого, личности, меня, моего приятеля, мы, на всю жизнь, надежность, никого, общий, отца, папы, пацана, преданный, президента, родной, сильный, товарища, чей-то, юности 1	брат, подруга 10; единственный, надежный, настоящий, недруг 9; закадычный 8; детство, человека 5; любимый, приятель, старый, семьи 4; большой, верность, преданный 3; брат, всю жизнь, дружба, и враг, навеки, навсегда, рядом, ушел 2; бесценный, близкий по духу, близкий человек, будет, вечный, вместе, всегда, выручать, говорит, до гробовой доски, добрый, доверяю, дорогой человек, друга, друзей, защита, и брат, и недруг, измена, или больше, или враг, которого уважаю, крепкий, липовый, ложный, мама, на всю жизнь, не до гроба, надежность, не враг, не оставит в беде, недоверие, незаменимый, нужный, общий, однокашник, отличный, первый, пись-ма, по парте, погиб, покойный, понимание, постоянный, прекрасный, редкий, редко, родной, рыжий, самый близкий человек, самый дорогой человек, самый лучший, собрат, собутыль-ник, советчик, твой, товарищ, тупой, уехал, улыбка, умер,
--	--	---	--

			умный, хороший человек, хуже врага, чей, школьный, это друг 1 СИЯ 0,85
СИЯ 1	СИЯ 0,61	СИЯ 2,53	
2. Любимый человек	-	Подруги 4; ее 3; сестры 2; друг мамы, сердца 1	Любовь 2; желанный, женщина, любовник, мальчик, парень 1 СИЯ 0,013
СИЯ 0,60	СИЯ 0	СИЯ 0,11	
3. Привереженец, защитник интересов, взглядов; сторонник кого-либо	Поддержка 3; защита 2	Природы 12; компьютера, машины 3; животных, друг молодежи, общества, счастья 2; веселого времяпрепровождения, зверей, книг, книги, мира, мысли, надежды, ничего, одиночества, работы, собаки, радости, чести 1	Близкий по духу, защита, зверей 1
СИЯ 1	СИЯ 0,05	СИЯ 0,39	СИЯ 0,005
4. То, что способствует нормальной жизнедеятельности человека, помощник	Поддержка, помощник 3	Человека 24; жизнь, людей, человечества 1	Жизни 3; врач, машина, помог, помощь, прогулка, телефон 1
СИЯ 0,40	СИЯ 0,06	СИЯ 0,27	СИЯ 0,017
5. Дружественное или близкое лицо (употребляется в обращении)	-	-	Милый 12; сердечный 4; дорогой 2; любезный, обращение 1
СИЯ 0,6	СИЯ 0	СИЯ 0	СИЯ 0,037
6. Незнакомый человек, некто мужского пола	Человек 12; персона 3	-	Человек 4; он 1
СИЯ 0,02	СИЯ 0,15	СИЯ 0	СИЯ 0,009
7. -	-	-	Ощущение, доминирующее в жизни: скука, одиночество 1 СИЯ 0,003
СИЯ 0	СИЯ 0	СИЯ 0	

8. -	-	Спонсор: сестры 2, школы 1	-
СИЯ 0	СИЯ 0	СИЯ 0,03	СИЯ 0
9. -	-	-	Человек, оказавшийся в том же положении, что и говорящий: по несчастью 2; по печали 1
СИЯ 0	СИЯ 0	СИЯ 0	СИЯ 0,006

Далее происходит формулирование дефиниций психолингвистического значения слова с опорой на наиболее яркие семы, входящие в состав семемы, которые были актуализированы реакциями испытуемых.

Психолингвистическая дефиниция лексемы «друг»

1. Близкий человек, с кем тесно связан дружбой

Верный 0,14 товарищ 0,05, близкий 0,05, родной 0,02, надежный человек 0,02, с которым в дружеских отношениях находишься сам 0,13 или другой человек 0,09, в период детства 0,08, молодости 0,01 или всей жизни 0,01, человек, дружеские отношения с которым представляются идеальными 0,10, которому доверяешь 0,01; преданный 0,01; на которого можно положиться 0,01, который оказывает поддержку 0,01, противоположен врагу 0,08, пребывает в дружеских отношениях со всей семьей 0,02, это может быть собака 0,02, приятель 0,01, любимый 0,01, веселый 0,01, искренний 0,01, отзывчивый 0,01, добрый 0,01, с которым находишься в дружеских отношениях долгий период времени 0,01.

2. Любимый человек

Любимый 0,01 человек 0,01 женщины 0,02, с которым она находится в сексуальных отношениях 0,01.

3. Защитник интересов, взглядов; сторонник кого-либо

Защитник 0,02 или сторонник 0,01.

4. То, что способствует нормальной жизнедеятельности человека, помощник

Помощник 0,01 человека 0,02, способствует более удобной жизни 0,01 или здоровью человека 0,01.

5. Дружественное или близкое лицо

Дружественное лицо 0,01.

6. Незнакомый человек, некто мужского пола

Человек 0,02, персона 0,01.

7. Ощущение, доминирующее в жизни

Ощущение одиночества 0,01 или скуки 0,01.

8. Спонсор

(Спонсор) человека 0,01 или организации 0,01.

9. Человек, оказавшийся в том же положении, что и говорящий (Человек) по несчастью 2, по печали 1.

В ходе анализа данных, полученных при сопоставлении лексикографических значений и значений, выявленных в психолингвистическом эксперименте, было обнаружено, что используемые в исследовании методы описания значения лексемы являются взаимодополняющими. Обобщенное лексикографическое значение оказалось недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, так как психолингвистические эксперименты выявили три дополнительных значения исследуемой единицы.

В связи с этим для исследования и описания семантики слова представляется необходимым учитывать не только лексикографические значения исследуемой языковой единицы, но и дополнять исследование семантики слова психолингвистическими экспериментами, так как обобщение результатов исследования всеми заявленными методами позволяют дать системное, комплексное описание единиц, получить психологически реальные значения лексем, присутствующих в современном языковом сознании русского человека.

1. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: в 6 кн. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М., 1994.

2. Левицкий В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 192 с.

3. Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

4. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

М. Забалуева, С. Соломаткина (Воронеж)

ИДЕАЛЫ И КУМИРЫ

(по материалам опроса студентов электромеханического колледжа Воронежского филиала МИИТ)

Словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой дает следующее определение слову «идеал»:

1. Идеал – то, что составляет высшую цель деятельности, стремлений: например, *высокие идеалы коммунизма*.

2. Совершенное воплощение чего-нибудь (доброты, чести и т.д.), например: *Этот человек – мой идеал*.

Изучая литературу XIX-XX веков, знакомясь с персонажами художественных произведений, мы видим, что герои часто ищут ответы на вопросы о смысле жизни, отстаивая свои идеалы, как это делал Евгений Базаров в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Герои романа Л.Н. Толстого «Война и мир» – и Пьер Безухов, и Андрей Болконский – два воплощения одного авторского идеала. Л.Н. Толстой не приукрашал и не идеализировал их, но показал людьми высоких нравственных идеалов, людьми, способными глубоко мыслить и в результате этого нравственно развиваться и духовно совершенствоваться, совершать поистине героические поступки. Идеалом женщины для Л.Н. Толстого является героиня романа – Наташа Ростова.

Одной из основных проблем творчества Максима Горького стал поиск нового человеческого идеала. В своих ранних романтических произведениях он идеализирует гордых и сильных людей. Для М. Горького идеал – это человек с сильным характером, такой как Данко, человек, действующий во имя добра. Данко – романтический идеал.

Меняются эпохи, меняются люди, меняются идеалы. У каждого поколения они свои, каждая эпоха дает свои ответы на вопрос: «Кто является вашим идеалом»?

Проблемы поиска идеала никогда не теряли своей значимости, они остаются актуальными и в наше время. Мы решили изучить идеалы современной молодежи. Были опрошены 60 студентов электромеханического колледжа Воронежского филиала МИИТ.

В ходе работы нами был использован метод устного и письменного опроса, а также метод интервьюирования. Студентам было предложено ответить на вопрос «Есть ли в вашей жизни идеал»? Обобщение полученных ответов представлено в Таблице.

Таблица 1

Варианты ответов	Кол-во студентов
1. Любовь – как великая и вечная духовная ценность.	10
2. Мама – у нее нет недостатков.	8
3. Родители – являются идеалом крепкой и дружной семьи, глядя на них хочется стремиться к лучшему, совершенствоваться.	7
4. Нравственные ценности – доброта, честь, долг.	5
5. Человек интеллектуальный.	5
6. Президент России В.В. Путин – за силу характера.	4
7. Нет идеала.	4
8. Люди с ограниченными возможностями. Они любят жизнь, не сдаются и во многом добиваются успехов. Это люди с сильной волей.	3
9. Арнольд Шварценеггер (без объяснения).	3
10. А.С. Пушкин – отстаивал честь жены, гений.	3
11. Патриотическое служение Родине.	2
12. Для меня идеал – человек с сильным характером, такой как Федор Емельяненко – чемпион мира по смешанным единоборствам.	2

13. Сестра – добивается всего, чего хочет, хочу быть такой же целеустремленной.	1
14. Музыкант, композитор Билли Эммануэль. Мечта выступить с ним на одной сцене, но для этого надо много работать над собой, что я и делаю.	1
15. Леонардо да Винчи – глядя на его картины, хочется творить и любить мир.	1
16. Райан Гиггз – самый преданный игрок в мире, отыгравший 758 матчей за один клуб.	1

Итак, идеалы у современной молодежи есть. При этом по убыванию частотности ответов это, прежде всего, *любовь, мама, родители, интеллектуальный человек, доброта, честь и долг*. Не смогли сформулировать свой идеал всего 4 человека из 60.

Отметим, что некоторые студенты путают понятия «идеал» и «кумир». Кумир – это предмет восхищения, поклонения (например, Шварценеггер). Иметь кумиров и подражать им – это нормально, но не до фанатизма. Надо учиться у других хорошему, но не создавать себе идолов. Не зря говорят: «Не сотвори себе кумира», а идеал помогает человеку развиваться.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2000.

С.В. Коваленко (Воронеж)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СХОДСТВО СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Объектом нашего исследования является семантика антропонимов в психолингвистическом аспекте, предметом – параметры, которые позволяют сопоставить имена собственные по семантике.

В данном исследовании проблема сопоставления имен собственных рассматривается на примере антропонимов *Александр Македонский* и *Гай Юлий Цезарь*.

В ходе исследования были проведены свободный и два направленных ассоциативных эксперимента (*X – какой?* и *X – что делает?*). Испытуемыми явились 200 студентов Воронежского государственного университета в возрасте 18-22 лет. Эксперимент проводился в сентябре – ноябре 2016 года.

Результаты экспериментов были обработаны, построены ассоциативные поля исследуемых онимов. Обработка результатов ассоциативных экспериментов методом обобщения трех экспериментов и семной интерпретации ассоциаций [1, с. 130] показывает, что оба имени имеют богатую, разнообразную и во многом сходную семантику.

Приведем полученные психолингвистические значения исследуемых имен собственных с указанием индексов яркости (ИЯ) каждого семантического компонента.

Индекс яркости семантического компонента рассчитывается по формуле:

$$ИЯ = \frac{КР}{ОКР}, (1)$$

где КР – количество реакций, актуализирующих конкретный семантический компонент, ОКР – общее количество реакций. Реакции с ИЯ менее 0,01 приводятся в словарной дефиниции общим списком.

Александр Македонский: завоеватель 0,14, полководец 0,13, воин 0,11, правитель 0,08, великий 0,06, мужественный, победитель 0,04, сильный, скакал на коне 0,03, властный, македонец, умный 0,02, воинственный, выдающийся, защитник, мертв, прославленный, создатель мировой державы 0,01;

Менее 0,01: агрессивный, амбициозный, бегун, благодаря ему появилось много новых афоризмов, в честь него назван маяк, воодушевлял войско, воспитанник Аристотеля, воспроизведен в скульптуре, выносливый, высокий, грек, громкий, добрый, ездил в колеснице, жил в двенадцатом веке, жил в древности, житель Византии, житель древней Руси, играет в ЖТА, изображен на монетах, знал всех солдат в лицо, историческая личность, красивый, легендарный, могущественный, называл завоеванные города в свою честь, настойчивый, неудачник, носил лавровый венок, носил шлем, о нем снят фильм, обычный, опасный, опытный, отдыхает, отменил налоги, отстаивал интересы народа, пишет, плачет, помогает, разделял и властвовал, разрубил гордиев узел, рациональный, решительный, римлянин, серьезный, сидит, создатель великой армии, спасает, средневековый, старый, статный, стратег, стремительный, суровый, топил крестоносцев, убийца, умелый, успешный, устраивал попойки с полководцами, хитрый, хороший, человек, эгоистичный.

Гай Юлий Цезарь

1. Правитель 0,28, завоеватель 0,08, римлянин, способен делать несколько дел одновременно 0,07, великий 0,05, полководец 0,04, властный, убит, умный 0,03, жестокий, носил лавровый венок, сильный 0,02, деятель прошлого, его предали, мужественный, талантливый 0,01;

Менее 0,01: бегает, быстрый, важное лицо, ввел юлианский календарь, величественный, веселый, властолюбивый, воинственный, высокомерный, говорит, готовится, грек, грозный, дальновидный, «делает всё, что считает нужным», держит оливковую ветвь, деятельный, его деятельность была эффективна, ест, известный, красивый, могущественный, много сделал для народа, мудрый, неординарный, непоседливый, носил шлем, опытный, перешел Рубикон, писатель, по отношению к нему принято приветствие «Ave, Caesar», показан в фильме «Астерикс и Обеликс», пожинает плоды,

политик, положительный, преданный своему занятию, пьет, работает, разносторонний, рассудительный, решал исход боя гладиаторов, решительный, светский, серьезный, справедливый, старый, статный, строгий, строит, существует, угнетатель, умелый, харизматичный.

2. Название салата 0,02.

Для сопоставления психолингвистических значений имен собственных предлагается использовать следующие параметры:

- 1) количество сем;
- 2) индекс знания значения слова;
- 3) уровень освоенности значения слова языковым сознанием носителя языка;
- 4) тип ядра (сильное, слабое, диффузное);
- 5) общие семы;
- 6) индекс авторитетности имени;
- 7) оценочность имени.

При определении степени близости имен собственных можно ориентироваться на следующие критерии:

- нет ярко выраженного разрыва между количеством семантических компонентов, входящих в структуру первого имени, и количеством семантических компонентов, входящих в структуру второго имени;
- сравниваемые имена имеют один уровень освоенности;
- тип ядра совпадает;
- индекс семантической близости имен – более 0,50;
- нет ярко выраженного разрыва между значениями индексов авторитетности лиц;
- оба имени имеют сходную оценочность (преимущественно положительную, преимущественно отрицательную, нейтральную).

Рассмотрим исследуемые имена собственные по указанным параметрам.

1. Количество сем. В структуре антропонима *Александр Македонский* выявлено 82 семантических компонента, в структуре антропонима *Гай Юлий Цезарь* – 70 сем. Ярко выраженного разрыва между количеством семантических компонентов, входящих в структуру первого имени, и количеством семантических компонентов, входящих в структуру второго имени, нет.

2. Индекс знания значения слова и уровень освоенности значения слова языковым сознанием носителя языка. Индекс знания значения слова (ИЗЗ) рассчитывается по формуле:

$$ИЗЗ = \frac{ОКР - НР - ЛР - О}{ОКР}, (2)$$

где ОКР – общее количество реакций, НР – количество неинтерпретируемых реакций, ЛР – количество реакций, актуализирующих ложные семы, О – количество отказов. Антропоним *Александр Македонский* имеет индекс знания значения, равный 0,91, и

обладает в силу этого очень высоким уровнем освоенности языковым сознанием. Антропоним *Гай Юлий Цезарь* имеет индекс знания значения, равный 0,93, и также обладает очень высоким уровнем освоенности значения. Таким образом, данные антропонимы имеют близкий уровень освоенности.

3. Тип ядра. Оба антропонима обладают сильным ядром. Сильным предлагается считать ядро, которое образуют яркие, часто актуализируемые семантические компоненты. Семы сильного ядра **ярко** противопоставляют данное значение другим значениям в системе языка. Индекс яркости семантических компонентов, составляющих сильное ядро, должен составлять не менее 0,12.

4. Общие семы. Выявлена 21 общая сема у исследуемых значений. Индексы яркости одной и той же семы для разных имен могут существенно различаться.

Приведем общие семы антропонимов с указанием количества реакций, актуализирующих их.

Александр Македонский: завоеватель 84, полководец 77, правитель 45, великий 35, мужественный 25, властный 11, умный 9, воинственный 7, красивый 5, могущественный 4, бегун 2, грек, носил лавровый венок, носил шлем, опытный, решительный, римлянин, серьезный, старый, статный, умелый 1.

Гай Юлий Цезарь: правитель 169, завоеватель 48, римлянин 41, великий 27, полководец 21, умный 19, властный 15, носил лавровый венок 9, мужественный 6, статный 5, старый 4, грек, красивый 3, бегае, воинственный, могущественный 2, носил шлем, опытный, решительный, серьезный, умелый 1.

Для определения семантической близости слов был использован коэффициент пересечения Дж. Диза (K):

$$K = \frac{C}{\sqrt{N1 \cdot N2}}, \quad (3)$$

где C – число реакций, актуализирующих одни и те же семы, N1 – число реакций на первый стимул, N2 – число реакций на второй стимул. В данном случае C = 695. На каждый стимул было получено 600 реакций. Для исследуемых антропонимов K = 0,58.

О близости семантики имен говорят также некоторые ложные семы. Например, в семантической структуре антропонима *Александр Македонский* присутствуют семы «носил лавровый венок», «разделял и властвовал», «римлянин», которые должны относиться к Цезарю.

5. Индекс авторитетности имени. Индекс авторитетности (ИА) рассчитывается по формуле:

$$ИА = \frac{УР}{ОКР}, \quad (4)$$

где УР – «уважительные» реакции, ОКР – общее количество реакций. Для антропонима *Александр Македонский* ИА равен 0,19, для антропонима *Гай Юлий Цезарь* – 0,13. Разрыв достаточно ярко выражен, однако оба имени можно признать авторитетными.

6. Оценочность

Положительную оценочность актуализируют следующие реакции на стимул *Александр Македонский*:

великий 32, сильный 17, побеждает 14, мужественный, смелый 7, защищает, умный 6, отважный, победитель, храбрый 4, амбициозный, известный, могущественный, победоносный, талантливый 3, великий человек, гениальный, красивый, победа, победоносец, слава, спасает, хороший 2, бесстрашный, ведет к победе, великая армия, великодушный, величие, воодушевляет, всемогущий, выдающийся, добрый, думает, его имя славится в веках, замечательный, знаменитый, значимая личность, легендарный, могучий, настойчивый, обретает славу, одерживает победы, опытный, отличный, отстаивает интересы народа, побеждающий, позитивный, помогает, прекрасный, рациональный, решительный, с хорошей памятью, самый умный, серьезный, статный, умелый, умный, успешный, храбр, храбрость, целеустремленный. Всего выявлено 170 реакций, актуализирующих положительную оценочность.

Отрицательную оценочность актуализируют следующие реакции: захватывает 4, захватывает мир, нападает 2, агрессивный, алкоголический, захватывает земли, крушит, лошара, опасный, протыкает, разделяет и властвует, суровый, топит крестоносцев, убийца, хитрый, эгоистичный. Всего выявлена 21 реакция, отрицательно оценивающая личность.

Следовательно, антропоним *Александр Македонский* оценивается преимущественно положительно.

Положительную оценочность на стимул *Гай Юлий Цезарь* актуализируют следующие реакции:

великий 25, умный 15, сильный 9, мудрый, статный 4, величественный, знаменитый, мужественный, хороший 3, гений, известный, красивый, отважный, способный, талантливый 2, важный, величавый, величие, венценосный, веселый, дальновидный, интересный, красивый в красном плаще, лидер, много сделал для народа, могучий, могущественный, мыслит, неординарный, неплохой, одерживает победы, опытный, побеждает, преданный своему занятию, прикольный, разносторонний, разумный, рассудительный, решительный, серьезный, слава, справедливый, стратег, талант, умелый, харизматичный, храбр, эрудированный, эффективный, яркий 1. Всего выявлено 116 реакций, актуализирующих положительную оценочность.

Отрицательную оценочность актуализируют следующие реакции: жестокий 6, захватывает 3, захватывает мир 2, безжалостный,

взбалмошный, грубый, напыщенный, пьет, резать, угнетатель 1. Всего выявлено 18 реакций, актуализирующих отрицательную оценочность.

Следовательно, антропоним *Гай Юлий Цезарь* оценивается преимущественно положительно.

Таким образом, имена собственные могут обладать значительным семантическим сходством. Антропонимы *Александр Македонский* и *Гай Юлий Цезарь* близки по содержанию семантики и по структуре семантики. Разница в количестве сем, входящих в структуру имен, невелика, оба имени имеют очень высокий уровень освоенности, сильное ядро, коэффициент семантической близости имен равен 0,58, оба лица являются авторитетными, в семантике обоих имен ярко доминирует положительная оценка.

Семантическое сходство психолингвистических значений собственных имен не свидетельствует об их синонимии в системном плане, но они являются в языковом сознании носителей языка симиларами (термин А.А.Залевской), поскольку высокий уровень их семантической близости может приводить к смешению данных имен в языковом сознании носителей языка, а значит – в их понимании и употреблении.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

Е.И. Колесникова (Воронеж)

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ СЛОВА

(слово «общественный» в мужском и женском языковом сознании)

Целью нашего исследования является выявление и сопоставление мужской и женской специфики семантики слова по методике, изложенной в статье [1].

При обработке результатов свободного ассоциативного эксперимента со 100 женщинами и 100 мужчинами были сформированы следующие ассоциативные поля стимула *общественный*.

Женское АП

ОБЩЕСТВЕННЫЙ 100: туалет 27; транспорт 21; порядок 12; человек 8; деятель 7; долг 6; опрос 4; общее, сознание, строй 3; дело, труд 2; достоинство, история 1.

Мужское АП

ОБЩЕСТВЕННЫЙ 100: контроль 11; транспорт 10; деятель 9; туалет 7; порядок, труд 6; договор 5; личный, общий, человек 4; деньги, долг, коммунизм, наказание, политик, предмет, публичный 3; газета, погром, смотр, строй, хаос, центр 2; 27 автобус 1.

Приведем в сопоставительной таблице гендерные психолингвистические значения слова *общественный*.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ

Словарные дефиниции	Женщины 100	Мужчины 100
1. Принадлежащий всем, всему обществу; коллективный	Общий 0,03, например, туалет 0,27, транспорт 0,21 СИЯ 0,51	Общий 0,04, например, транспорт 0,11, туалет 0,07; деньги 0,03 Противоположно: личный 0,04 СИЯ 0,29
2. Организуемый, осуществляемый силами общественности	<i>(Осуществляемый силами общественности)</i> , например, порядок 0,12, опрос 0,04, строй 0,03, дело 0,02, труд 0,02 СИЯ 0,23	<i>(Осуществляемый силами общественности)</i> , например, контроль 0,11, порядок 0,06, труд 0,06, газета 0,02, погром 0,02, смотр 0,02, строй 0,02, хаос 0,02, центр 0,02 СИЯ 0,35
3. Отражающий отношения, положение людей в обществе, связанный с их деятельностью в материальной и духовной жизни общества	<i>(Отражающий отношения людей в обществе)</i> , например, порядок 0,12, долг 0,06, строй 0,03, дело 0,02, труд 0,02, достояние 0,01, отраженный в истории 0,01 СИЯ 0,27	<i>(Отражающий отношения людей в обществе)</i> , например, порядок 0,06, труд 0,06, строй 0,05, долг 0,03, наказание 0,03 СИЯ 0,23
4. Связанный с обслуживанием политических, культурных, профессиональных и т.п. нужд общества, коллектива, направленный на удовлетворение материальных и духовных нужд общества, коллектива	<i>(Связанный с обслуживанием нужд общества)</i> , например, деятель 0,07, долг 0,06, дело 0,02, труд 0,02 СИЯ 0,17	<i>(Связанный с обслуживанием нужд общества)</i> , например, деятель 0,09, труд 0,06, долг 0,03, политик 0,03 СИЯ 0,21
5. Обладающий потребностью жить в обществе, обществом	<i>(Обладающий потребностью жить в обществе)</i> , например, человек 0,08 СИЯ 0,08	<i>(Обладающий потребностью жить в обществе)</i> , например, человек 0,04 То же, что публичный 0,03 СИЯ 0,07
6. Любящий общество, компанию	<i>(Любящий общество)</i> , человек 0,08 СИЯ 0,08	<i>(Любящий общество)</i> , человек 0,04 СИЯ 0,04

7. Проявляемый, выражаемый обществом, общественностью по отношению к кому-, чему-л.	- СИЯ 0	(Выражаемый обществом), например, договор 0,05 СИЯ 0,05
8. Характерный для всего общества (эксп.)	(Характерное для всего общества), сознание 0,03 СИЯ 0,03	- СИЯ 0
9. Относящийся к наукам об обществе (эксп.)	- СИЯ 0	(Относящийся к наукам об обществе), предмет 0,03 СИЯ 0,03
	Не интерпретируются 0 Неактуально 0	Не интерпретируются 0 Неактуально 0

Отказов в эксперименте не было зафиксировано, что свидетельствует о том, что значение слова *общественный* актуально для языкового сознания современного носителя русского языка.

Все словарные значения были актуализованы в эксперименте. Следовательно, они реально присутствуют в современном языковом сознании носителей языка.

В ходе обобщения материалов экспериментов были сформулированы дополнительные экспериментально установленные значения:

1. (эксп.) Характерный для всего общества: *сознание 0,03* (женщины).

2. (эксп.) Относящийся к наукам об обществе: *предмет 0,03* (мужчины).

Исследование показало, что гендерная специфика значений исследованных единиц проявляется в следующих формах:

1. Значения совпадают, но заметно различаются по яркости в сознании мужчин и женщин

Значениями, демонстрирующими существенные различия по яркости в семантике слова *общественный*, являются:

- принадлежащий всем, всему обществу; коллективный (в женском сознании выражено на 38% ярче);
- организуемый, осуществляемый силами общественности (в мужском сознании выражено на 20% ярче);
- любящий общество, компанию (в женском сознании выражено на 34% ярче).

2. Наличие чисто мужских значений

Чисто мужскими значениями слова *общественный* являются:

- проявляемый, выражаемый обществом, общественностью по отношению к кому-, чему-л.: *договор 0,05*;
- относящийся к наукам об обществе (эксп.): *предмет 0,03*.

3. Наличие чисто женских значений

Чисто женское значение слова *общественный* – характерный для всего общества (эксп.): *сознание 0,03*.

Несущественные различия с точки зрения совокупного индекса яркости демонстрируют значения:

- 1) отражающий отношения, положение людей в обществе, связанный с их деятельностью в материальной и духовной жизни общества;
- 2) связанный с обслуживанием политических, культурных, профессиональных и т.п. нужд общества, коллектива, направленный на удовлетворение материальных и духовных нужд общества, коллектива;
- 3) обладающий потребностью жить в обществе, обществом.

Эти значения практически не имеют гендерной дифференциации.

Выявляются также гендерные семные различия в структуре значений, которые проявляются в наличии чисто женских сем, чисто мужских сем и в заметных различиях по яркости совпадающих сем. Например, в слове *общественный* чисто мужской семой является сема «*контроль*» (ИЯ 0,11).

Анализируя полученные нами в ходе ассоциативного эксперимента результаты, мы приходим к выводу, что гендерная дифференциация семантики слова *общественный* в современном языковом сознании достаточно ЯРКО выражена.

Колесникова Е.И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова / Е.И. Колесникова // Сопоставительные исследования 2015: сборник научных статей. – Вып. 12. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2015. – С. 30-36.

А.С. Колтакова (Борисоглебск)

МЕТАЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ПО КРИТЕРИЯМ «НРАВЯТСЯ»/«НЕ НРАВЯТСЯ», «ЯВЛЯЮТСЯ НОВЫМИ»

Для описания восприятия носителями языка метаязыковой характеристики слов русского языка как тех, которые «нравятся», «не нравятся», «являются новыми», нами был проведен психолингвистический эксперимент в форме лингвистического интервьюирования.

В качестве респондентов выступили слушатели лектория «Русский язык сегодня» (г. Воронеж). Тема лекции – «Новые слова в русском языке». Участниками эксперимента стали 59 слушателей, среди которых были курсанты, старше школьники, студенты вузов, преподаватели, сотрудники библиотеки, журналисты. В анкете было необходимо указать пол, возраст и род занятий. Возраст испытуемых – от 14 до 40 лет (14-17 лет – 13 человек, 18-25 лет – 35 человек, 26-40 лет – 8 человек).

Респондентами стали 37 женщин и 19 мужчин. Три респондента не указали ни пол, ни возраст, ни род занятий, один не указал род занятий.

Участникам было предложено выполнить три задания, письменно ответив на вопросы: «Мне нравятся слова – ...», «Мне не нравятся слова – ...», «Я считаю новыми такие слова, как...», предложив 3 примера по каждому из заданий.

Были получены следующие результаты, которые представлены в виде полевой структуры.

Так, **слова, которые «нравятся»** реципиентам, можно представить в виде следующего поля (всего 154 слова):

Ядро: любовь 5

Ближняя периферия: жизнь, красота 4; мама, море, телефон 3; великолепно, Вселенная, компьютер, кошка, мир, нежность, отпуск, селфи, семья, серьезный, солнце, счастье, умный 2

Дальняя периферия: автомат (экзамен), администратор, банкомат, барашек, бариста, биология, благостный, бренд, вдохновение, вк, вождь, возможность, восход, всенепременнейше, выходной, гармония, горизонт, градиент, грация, дочь, друзья, душа, еда, женственность, Жорик, забавный, зайчик, закат, затмение, зачётно, здоровье, идиллия, изумление, именно, импровизация, инициатива, инстаграм, inferнальный, камаз, кастинг, киберспорт, клёво, книги, колледж, комильфо, комп, копирайтинг, космический, космос, котенок, курсант, лав стори, ландыш, лилия, любимая, любить, малыш, мейк (макияж), мелиорация, менеджмент, мечта, мило, милый, музло, музыка, навигатор, начальник, ништяк, нравственность, обаяние, обработка, образование, океан, отлично, офис, пейзаж, пейзаж, пердимонюль, по кайфу, полено, полет, права, превосходный, прекрасная, прекрасное, прелесть, препод, привлекательный, прикольно, приколюха, природа, публика, радуга, риск, Родина, родник, сабвуфер, свадьба, свобода, свобода, сдержанный, сериал, симметрично, сиреневый, сказка, сон, спонж, старшина, стиль, столица, страсть, сюрприз, терпение, увал, увольнение, университет, федерация, фестиваль, фиолетка – басс-пасс, флешка, фрукт, хлам, хорошо, цветы, щеночек, эволюция, эрудированный, эссенция, верность, все слова, дружба, князь, мистика, наука, эльф 1.

Отказ 0

Слова, которые «не нравятся» реципиентам (146 слов), можно представить в виде такого поля, как:

Ядро: порнуха, селфи, хайп 4

Ближняя периферия: грязь, наряд 3; агрессия, апгрейдить, богатство, грубость, зависть, ложь, ненависть, обман, сессия, тёлка, хаус 2

Дальняя периферия: баба, безделье, безысходность, биржа, болезнь, боль, больной, бомж, бред, бюллетень, ванильный, вдуть, вейп, ветер, взыскание, вкусняшка, война, воронежское «гэканье», встречаться,

выговор, гад, Галкин, грибы, грубиян, дежурка, дерзкий, долг, дрожь, другой, жесть, жиза, жирная, зависть, залив, запара, зараза, злой, игнорирование, измена, качество, кек, классно, комп, компьютер, контратака, контролер, контрольная, корсет, корысть, кошки, круто, крутой, лол, лопух, мажор, машина, медикамент, менеджер, мерзость, мерчендайзер, муж, невежда, негатив, негативно, неправильная расстановка ударения (звОнит, тортыI), непутевый, няша, няшка, отвратительно, офигенно, охламон, падик, парить, парить (пускать пар из кальяна), парко-хозяйственная деятельность, патиссон, печаль, плагиат, плохо, по кайфу, подстава, полет, полиция, полиция, попекушка, порицание, пошлость, пошлость, преискурант, проказа, пустой, разочарование, реклама, реорганизация, себязка, сига, синяк, скупость, слабый, сленг, слизь, слухи, смерть, смерть, смысл, содом, социальный, спор, стерва, США, топовый, уборщица, утрата, учеба, фейк, хайп, хрущевка, целоваться, чужой, школа, шпилить, эгоист, экзамен, экстравагантный, элита, лесть, обман, оценка, таких нет 1.

Отказ 2

Самое яркое поле у «**новых**» слов (98 слов):

Ядро: селфи 21

Ближняя периферия: хайп 10; мерчендайзер (менчердайзер) 7; блогер 5

Дальняя периферия: айфон, менеджер 4; смартфон 3; вайбер, вкусняшка, вульгарный, импичмент, киллер, компьютер, мян (10), промоутер, социальные сети, фейк, фрилансер, юзать 2

Крайняя периферия: адронный коллайдер, актуальный, апгрейд, бизнесмен, блатной, бортовик, буби, веган, вейпер, вертушка, воркаут, гуглить, дежурка, дигитал, дрон, жиза, инноватика, интернет, карьерист, кек, компьютер, копирайтер, лайк, лайкать, лаучер, любовь, маникюр, менеджер по клинингу, менеджмент, модерн, модерн, модернизация, мониторинг, монтаж, мысли, нанотехнологии, неологизм, носитель информации, общага, оккультист, парить, пилотаж, планшет, плойка (сонька), полиция, праймериз, репост, репостить, ролл, саммит, селфи-палка, стейк, стиль, стим, таблетка (планшет), тайминг, трэш, тупить, упороться (выпить), фейсбук, флешка, фрагмент, френч-пресс, фреш, хейтер, хоккей, чел, чикуля, ЧПОк, чушок, шалава, шипперить, шоурум, штраф, эгзон (эгоист), эгоист, шопинг, все компьютерные слова 1.

Отказ 2

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Номинативные поля слов, которые «нравятся» и которые «не нравятся», не имеют ярко выраженного ядра, а номинативное поле слов, рассматриваемых языковым сознанием как «новые», имеет четко очерченную структуру.

Метаязыковой признак «нравится слово» представлен в основном словами, связанными с бытовой и морально-этической сферой (*любовь*,

жизнь, красота, мама, море, телефон, великолепно, Вселенная, компьютер, кошка, мир, нежность, отпуск, селфи, семья, серьезный, солнце, счастье, умный).

Метаязыковой признак «не нравится слово» в основном представлен словами, связанными с морально-этической сферой (*порнуха; грязь, агрессия, грубость, зависть, ложь, ненависть, обман*), а также некоторыми словами, недавно появившимися в русском языке (*селфи, хайп, ангрейдить, хаус*).

«Новые» же слова представлены в основном словами, относящимися к сфере цифровых технологий, маркетинга. Кроме того, данная группа слов включает небольшое количество слов (всего 98 единиц), половина из которых относится к единичным реакциям.

По результатам проведенного эксперимента можно также констатировать, что оценочное восприятие слова языковым сознанием носителей языка выражено гораздо более ярко и разнообразно, нежели восприятие слова с точки зрения его новизны – последнее касается восприятия преимущественно наиболее новых и частотных на данный момент заимствований, отражающих повседневно встречающиеся в практике носителей языка и популярные предметы и явления (*компьютер, айфон, смартфон, вайбер, хайп, промоутер, фрилансер*), а также трудноговариваемых слов, например, мерчендайзер (в ответах встречается вариант *менчердайзер*), малопонятных слов – *импичмент*, и почему-то *вульгарный*. Многие из «новых» слов одновременно попадают в категории «нравятся» / «не нравятся».

Оценочное восприятие слов тесно связано с оценочным восприятием номинируемых словами концептов и достаточно слабо связано с реальными лингвистическими признаками слова (из последних наиболее релевантной в оценочном отношении является фоносемантическая характеристика слова).

*Е.В. Косова, М.В. Игнатова,
Е.С. Захарова, О.Ю. Латышев (Воронеж)*

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В ОБЛАСТИ ОПИСАНИЯ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА У ДЕТЕЙ

Одним из ярких проявлений того, что психолингвистика далеко не заканчивается на теоретическом уровне, может красноречиво свидетельствовать прикладная патопсихолингвистика. При этом мы подразумеваем значительную широту этиологии и патогенеза расстройств аутистического спектра (далее – РАС), равно как и факт недостаточной

предсказуемости последних. Это побуждает нас комплексно использовать возможности прикладной психолингвистики в избранном направлении психолого-педагогической деятельности.

Следует сформировать представление о том, как протекают речевые процессы у детей с РАС различного интеллектуального уровня, а также уровня сформированности личности, ее распада под воздействием психических травм либо органических поражений коры больших полушарий и других функциональных отделов головного мозга.

Сгруппируем возможности патопсихолингвистики в решении задач ликвидации либо снижения степени речевой патологии в зависимости от ее характера. В первую очередь, остановимся на тех процессах, которые нарушаются вследствие изменения качества высших психологических функций – восприятия, воображения, памяти, мышления и речи [5].

1. Одним из ведущих нарушений признана детская психопатия, которая лучше поддается лечению, чем во взрослом состоянии [20]. В то же время следует принимать во внимание тот факт, что ни в один из перечней «официальных психиатрических диагнозов, DSM-5 и МКБ-10, психопатия не включена. Согласно альтернативной модели DSM-5 (Section III), психопатия может проявиться как особый вариант антисоциального расстройства личности [19, р. 195]. Однако, в целом, психопатия не эквивалентна этому расстройству [22; 23], в том числе и на нейробиологическом уровне» [21].

Также значимым рядом нарушений высших психологических функций ребенка с РАС, которых напрямую касается патопсихолингвистика и на который нам следует обратить внимание, является ряд акцентуаций. Хотя они и «не являются психическими расстройствами, но по ряду своих свойств, тем не менее, схожи с расстройствами личности, что позволяет делать предположения о наличии между ними связи [6]. Согласно МКБ-10 классифицируется как одна из проблем, связанных с трудностями поддержания нормального образа жизни» (Z73).

2. Следующим значимым направлением, где прикладная патопсихолингвистика может оказать неоценимую помощь медикам, психологам и педагогам центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции, является работа с нарушениями речи, причиной которых являются локальные поражения мозга. Они подразделяются на моторную и сенсорную *афазию*. «Это локальное отсутствие или нарушение уже сформировавшейся речи [16] (в отличие от алалии). Возникает при органических поражениях речевых отделов коры [7; 15] (и «ближайшей подкорки» – по выражению А.Р. Лурии) головного мозга в результате перенесенных травм, опухолей, инсультов, воспалительных процессов и при некоторых психических заболеваниях. Афазия затрагивает различные формы речевой деятельности» [15].

3. Дисфункция сенсорных систем знаменует собой третью группу речевых нарушений. Здесь мы встречаемся с хрестоматийным пониманием сенсорной системы как совокупности «периферических и центральных структур нервной системы, ответственных за восприятие сигналов различных модальностей из окружающей или внутренней среды» [9; 13; 14]. В данном аспекте неocenим огромный опыт, накопленный коллективом Загорского (ныне – Сергиево-Посадского) интерната для слепоглухонемых детей, где воспитывался, например, будущий академик МАИ, доктор психологических наук, профессор А.В. Суворов.

4. Умственная отсталость детей с РАС, также являющаяся одним из объектов нашего непосредственного внимания, является причиной встречающихся у них речевых нарушений, наряду с аномалиями эмоционально-волевой сферы и моторики. Данному направлению нашей деятельности были посвящены отдельные научные работы.

5. Что же касается затруднений в реализации моторной программы, не связанных с наличием умственной отсталости, то среди них выделяются семь видов, так или иначе определяющихся нарушениями речи. Остановимся отдельно на каждом из них.

Синонимами первого – заикания – являются логоневроз, логоклония, *lalonevros*, *balbuties* [7]. В свою очередь, логофобия (вербофобия), выражающаяся в боязни произносить слова, равно как говорить, в принципе может в различных случаях расцениваться и как причина, и как следствие заикания.

Вторым видом является дисфония (или *афония*), выражающаяся в потере звучности голоса и одновременном сохранении способности говорить шепотом [16]. Причиной афонии могут являться болезни голосовых связок вследствие различных заболеваний, временно же она проявляется, когда ребенок начинает волноваться. Соответственно, совместная работа медиков и психологов может помочь детям своевременно справиться с данным нарушением речи.

Третий вид речевого нарушения включает в себя два подвида, имеющие схожее проявление – замедление речи, и являющиеся следствиями местного заболевания головного мозга, однако отличающиеся причинами. Если при *брадилалии* ребенку с РАС трудно издавать расчлененные звуки, то при брадифразии его речь замедляется как следствие ослабления мышления.

Четвертый вид, напротив, проявляется в существенном увеличении темпа речи, иногда – даже вдвое выше нормы, и носит название тахилалии. Помимо логопедии, изучением данного явления занимается не только патофизиолингвистика, но и психолингвистика в целом.

Пятый вид детских речевых нарушений, обусловленных затруднениями в реализации моторной программы, является в большей мере достоянием логопедии как науки, нежели патофизиолингвистики, поэтому мы

остановимся на нем лишь кратко. В случае, когда у ребенка сохранен и нормальный слух, и иннервация артикуляционного аппарата, ребенок либо совсем не может произносить звуки, и в данном случае мы сталкиваемся с дислалией, либо затрудняется при произношении какой-либо из фонем родного языка, и тогда это – паралалия. Традиционно выделяется пять форм дислалии – моно- и полиморфная, физиологическая, свойственная практически каждому ребенку, вне зависимости от наличия или отсутствия РАС до пятилетнего возраста, функциональная и органическая. Одним из видов последней является ринолалия (палатолалия), выражающаяся либо в усиленном, чрезмерном, либо редуцированном, недостаточном использовании носового резонатора при звукопроизношении. В результате чего голос ребенка становится гнусавым.

При непроходимости полости носа или носоглотки [17] проявляется закрытая ринолалия, подразделяемая на заднюю и переднюю, в то время как при открытой ее форме воздух при звукопроизношении движется и через рот, и через нос. Если к носовой непроходимости присоединяется недостаточность нёбно-глоточного затвора, то в этом случае мы имеем дело со смешанной ринолалией.

Заключительным звеном продолжительной последовательности речевых нарушений у детей с РАС является дизартрия. Если выше мы вели речь о сохранности иннервации, то в данном случае она также нарушена, что приводит к ограничению работоспособности органов, участвующих в образовании речи. Мягкое нёбо, язык или губы, недополучающие нервных импульсов необходимой величины и частоты, становятся малоспособными или совсем неспособными к произношению звуков, качество которых напрямую зависит от их включенности в процесс создания речевого потока.

Мы понимаем, что в отдельно взятой работе невозможно в равной мере уделить внимание всем возможностям прикладной психолингвистики в союзе с логопедией для улучшения детской речи. Поэтому в качестве практической составляющей остановимся на опыте использования полисенсорного режима в работе над звуковой стороной речи с детьми с РАС.

Современные требования общества к развитию детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), в том числе – детей с РАС, имеющих нарушения коммуникативной деятельности, диктуют необходимость более полно реализовывать идеи индивидуализации и дифференциации коррекционно-развивающего обучения. Принцип дифференцированного подхода при организации логопедического сопровождения предполагает учет этиологии, механизмов, структуры речевого дефекта, уровня овладения звуковой и лексико-грамматической сторонами речи, индивидуальных особенностей детей. В ходе обучения необходимо учитывать одно из важнейших свойств индивидуальности –

функциональную асимметрию мозга (ФАМ), то есть тип межполушарной асимметрии, моторной и сенсорной латерализации, сенситипологическую характеристику ребенка, определяющую характер способов восприятия, усвоения и переработки поступающей информации, стратегии работы с ней в зависимости от доминирующего канала восприятия (выделяют 11 модальных групп: визуалист, аудиалист, кинетик, осязатель, одорант, вкусовик, эмотивист, символист, логик, вербалик, полисенс).

Однако, как отмечают Н.А. Найданова, Т.А. Ванюхина [2], в технологиях обследования и коррекционно-развивающей работы недостаточно учитываются полисенсорные свойства коммуникативно-познавательного языка и нейropsychологические и сенситипологические характеристики детей. В основном диагностика и коррекционно-развивающий процесс проводятся в аудиовизуальном режиме (пояснение, показ). С целью создания оптимальных условий познания ребенком каждого объекта и явления, в том числе языковой действительности в совокупности сенсорных свойств, качеств, признаков, что позволило бы дать объективное многогранное полифункциональное представление об окружающей действительности и способствовало бы оптимизации психоречевого развития, рекомендуется введение в коррекционно-развивающее обучение полисенсорного режима. И, как следствие, реализации полисенсорного подхода, в основе которого лежит понятие синестезии – установление ассоциативных связей между явлениями, принадлежащими сферам различных сенсорных модальностей или разным аспектам одной и той же сенсорной модальности.

Полисенсорный комплекс включает в себя соощущения условно обозначенных сенсорной горизонтали и вертикали. Сенсорную горизонталь обслуживают физические органы чувств, воспринимающие информацию посредством движений (кинетика), осязания (кинестетика), зрения (визуальные ощущения), слуха (аудиальное чувство), обоняния (одорантное чувство) и вкуса. Чувство сенсорной вертикали сопровождают иерархические механизмы познавательного процесса. Это интуитивные ощущения, стимулирующие эмоционально-волевые проявления с соответствующими сенсорами, обозначенными ранее как сомоторные чувства, символные ощущения, логическая и речевая сенсорика.

Рассмотрим, как происходит автоматизация вызванных или поставленных звуков звуках в полисенсорном режиме у детей с РАС в зависимости от ведущего канала восприятия.

Визуалисты

Для автоматизации изолированного звука используются упражнения:

1. «Звуковые дорожки». Ребенок ведет глазами по прямой, волнистой, ломаной линии от буквы в начале строки до буквы в конце строки и тянет звук. Вид дорожки зависит либо от графического образа буквы, либо от особенностей звучания.

2. Вариант предыдущего задания «Лабиринты».

3. Из ряда букв называется та, которая соответствует заданному звуку.

Для автоматизации звука в словах:

1. «Незаконченные рисунки», «Зашумленные изображения», «Точечные изображения». Узнай и назови.

2. Называние только тех картинок, в буквенном обозначении которых есть заданный звук.

Для автоматизации звука в предложениях и связной речи:

1. Описание предметной картинки, по картинному плану.

2. Составление рассказа по опорным картинкам.

Осязатели

Для автоматизации изолированного звука используются упражнения:

1. Ребенок произносит звук и одновременно ведет пальцем по дорожкам из пластилина, соленого теста, бархатной бумаги, песку, толстой нити.

2. Дети повторяют звук, раздвигая пальцами тугую или слабую резинку.

3. При произнесении звука происходит нанизывание бусин на проволоку.

Для автоматизации звука в словах:

1. «Волшебный сундучок». Узнать и назвать предметы, подобранные на один звук.

2. Определение на ощупь поверхности игрушек, материала, из которого они сделаны: гладкая, шершавая, мягкая, твердая.

Для автоматизации звука в предложениях и связной речи:
«Пластилиновая живопись», «Рисование на песке», «Пуантилизм» (рисование пальцами), «Ниткография» (рисование нитью) с речевым сопровождением.

Кинетики

Для автоматизации изолированного звука используются:

1. Логоритмические упражнения, когда произношение сопровождается движениями, в подборе которых важен индивидуальный и творческий подход.

2. Проговаривание с движением игрушки, которая может издавать нужный звук.

Для автоматизации звука в словах используются:

1) упражнения логопедической ритмики;

2) «лабиринт», назвать картинки, проводя пальцем по дорожке.

Для автоматизации звука в предложениях и связной речи:

1. Собираение пирамидки с изображенными главными героями и рассказывание сказки («Репка», «Теремок» и др.).

2. Раскрашивание предметных и сюжетных картинок с речевым сопровождением.

3. «Пальчиковая гимнастика», «кукольный театр».

4. Рисунок-диктант. Изображаются слова с определенным звуком в соответствии с лексической темой. Можно использовать трафареты и шаблоны.

Комплексное воздействие на несколько каналов восприятия возможно при использовании «волшебного сундучка». Ребенок выбирает карточку с буквой, вставляет в прорезь, слушает звучание, произносит звук, вынимает и переворачивает карточку, рассматривает картинку, вновь вставляет карточку в прорезь, слушает название изображения, повторяет.

Таковы основные особенности работы с детьми с РАС в зависимости от ведущего канала восприятия.

1. Беккер К.-П. Логопедия / К.-П. Беккер, М. Совак; Пер. с нем. – М.: Медицина, 1981. – 288 с.
2. Ванюхина Г.А. Аспекты полисенсорного режима диагностики отклонений в развитии младших дошкольников / Г.А. Ванюхина, И.А. Найданова // Логопед. – 2006. – №5.
3. Ванюхина Г.А. Экспериментальная диагностика ведущей сенсорно-перцептивной модальности у детей с ОНР / Г.А. Ванюхина // Логопед. – 2005. – № 3.
4. Зеeman М. Расстройства речи в детском возрасте / М. Зеeman. – М., 1962.
5. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций / А.Н. Леонтьев // А.Н. Леонтьев. Становление психологии деятельности: ранние работы / Ред. А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Е.Е. Соколова. – М.: Смысл, 2003. – С. 27-198.
6. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – СПб.: Речь, 2009. – 256 с.
7. Логопедия: учебник для студентов дефектол. фак. пед. высш. учеб. заведений / Под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. – Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 680 с.
8. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А.Р. Лурия. – Изд. 2-е, доп. – М., 1969.
9. Островский М.А. Сенсорные системы (глава 14) / М.А. Островский, И.А. Шевелев // Физиология человека: учебник: в 2 т. / Под ред. В.М. Покровского, Г.Ф. Коротько. – М.: Медицина, 2002. – Т. II. – С. 201-259.
10. Понятийно-терминологический словарь логопеда / Под редакцией В.И. Селиверстова. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 400 с.
11. Правдина О.В. Логопедия / О.В. Правдина. – М.: Просвещение, 1973. – 272 с.
12. Руководство по психиатрии / Под ред. А.С. Тиганова. – М.: Медицина, 1999. – Т. 2. – 783 с.
13. Смирнов В.М. Физиология сенсорных систем и высшая нервная деятельность: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.М. Смирнов, С.М. Будылина. – М.: Издат. центр «Академия», 2003. – 304 с. – С. 178-196.
14. Хандверкер Х. Общая сенсорная физиология (глава 8) / Х. Хандверкер // Физиология человека: в 3-х т. Т. 1. / Пер. с англ = Human Physiology. Edited by R.F. Schmidt and G. Thews. 2nd, completely revised edition / под ред. Р. Шмидта и Г. Тевса (перевод под ред. акад. П.Г. Костюка). – М.: Мир, 1996. – С. 178-196.
15. Хомская Е.Д. Нейропсихология / Е.Д. Хомская. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 496 с.

16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.
17. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х т. / Гл. ред. Б.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 1. – 1424 с.
18. Эстринова В.В. Особенности автоматизации звуков у детей с разной доминантной модальностью / В.В. Эстринова // Логопед. – 2009. – №5.
19. American Psychiatric Association. Alternative DSM-5 Model for Personality Disorders: [англ.] // FOCUS: The Journal of Lifelong Learning in Psychiatry. – 2013. – Vol. 11, no. 2. – P. 189-203. – DOI:10.1176/appi.focus.11.2.189.
20. Bayliss C.M. Psychopathy development and implications for early intervention: [англ.] / Bayliss C.M., Miller A.K., Henderson C.E. // Journal of Cognitive Psychotherapyruen. – 2010. – Vol. 24, no. 2. – P. 71-80. – DOI:10.1891/0889-8391.24.2.71
21. Gregory S. The Antisocial Brain: Psychopathy Matters. A Structural MRI Investigation of Antisocial Male Violent Offenders: [англ.] / Gregory S., Pfyche D., Simmons A. ... [et 1.] // Archives of General Psychiatryruen. – 2012. – Vol. 69, no. 9. – P. 962-972. – DOI:10.1001/archgenpsychiatry.2012.222.
22. Ogloff J.R.P. Psychopathy/antisocial personality disorder conundrum: [англ.] // Australian and New Zealand Journal of Psychiatryruen. – 2006. – Vol. 40, no. 6-7. – P. 519-528. – DOI:10.1080/j.1440-1614.2006.01834.x.
23. Walsh A. Differentiating antisocial personality disorder, psychopathy, and sociopathy: evolutionary, genetic, neurological, and sociological considerations: [англ.] / Walsh A., Wu H.-H. // Criminal Justice Studies: A Critical Journal of Crime, Law and Society. – 2008. – Vol. 21, no. 2. – P. 135-152. – DOI:10.1080/14786010802159814.

Н.А. Лемяскина (Воронеж)

ОБРАЗ РОССИИ И ЯЗЫКА В СОЗНАНИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

В младшем школьном возрасте у ребенка формируется национальный образ мира, важнейшей составляющей которого является образ родной страны – России и родного (государственного) – русского языка.

Для выявления признаков образа России, актуальных для младших школьников, нами был проведен опрос учащихся 1-4 классов (176 чел.) образовательных организаций г. Воронежа: «Россия – какая ...».

Полученные данные показывают, что территория России в языковом сознании младших школьников включает в себя внешнее пространство: *большая, огромная, широкая, просторная, обширная* (1 кл. – 50% опрошенных, 2 кл. – 93%, 3 кл. – 96%, 4 кл. – 75%); и внутреннее пространство с положительной коннотацией: *самая лучшая страна* (3 кл.), *лучше страны нет* (2 кл.), *любимая* (1 кл. – 50%, 2-4 кл. – 19%), *родная* (1 кл. – 10%, 3 кл. – 28%, 4 кл. – 31%), *лучшая* (2 кл. – 22%, 3 кл. – 11%), *моя, наша* (4 кл. – 13%), *Россия – наша вторая мама; русская* (11%), *красивая, богатая страна, в которой мне выпало счастье жить*.

При характеристике природы России младшие школьники также используют положительную оценку: *красивая* (1 кл. – 100%, 2 кл. – 85%, 3 кл. – 75%, 4 кл. – 50%), *солнечная* (2-3 кл.), *цветущая* (3-4 кл.), *много лесов и рек*, *Россия богата черноземом*, *Россия богатая страна разными нефтяными скважинами и золотыми месторождениями*.

Образ России в сознании детей – одушевленное существо: *умная* (1 кл. – 9%, 3 кл. – 12%), *дружелюбная* (1 кл. – 32%, 3 кл. – 18%), *гордая* (1 кл. – 23%, 4 кл. – 9%), *мудрая* (2 кл. – 15%, 3 кл., 4 кл. – 13%) *щедрая* (3 кл. – 7%), *заботливая*, *трудолюбивая*, *приветливая*, *мужественная*, *честная*.

России свойственны отзывчивость и сострадание: *добрая* (1 кл. – 18%, 3 кл. – 43%, 4 кл. – 12%), *миролюбивая*, *ласковая*, но в то же время *сильная* (3 кл. – 40%), *непобедимая* (3 кл. – 25%), *смелая* (3 кл. – 18%), *могучая* (3 кл. – 14%, 4 кл. – 19%), *мощная* (4 кл. – 14%), *боевая* (2 кл. – 11%), *стойкая* (3 кл. – 7%), *готовая защитить меня и моих близких*; *Россия – великая страна, могучая держава, которую еще никто не смог победить*.

Младшие школьники отмечают, что Россия – *страна в Европе*, она *многолюдная* (2 кл. – 7%, 4 кл. – 13%), *развитая*.

Образ России раскрывается через характеристику ее граждан: *в России все умные, а главное – красивые*; *Россия – родина великих людей*; *много знаменитых поэтов и писателей*; *в России живут мужественные люди, которые защищают ее от врагов*; *Сейчас в России президент Путин, он очень хорошо управляет Россией*. *Россия – верующая, православная* (13%), *Россия – это мир, мирные люди*.

Среди ответов отмечены и полярные эмоциональные реакции от *любимая*, *прекрасная*, *восхитительная*, *замечательная*, *веселая*, *богатая*, *чистая*, до негативных – *Россия бывает разная*; *грязная*; *есть и плохие стороны, например, дороги и дома*.

Единичные ответы: *загадочная*, *изобретательная*, *праздничная*, *туристическая*, *культурная*, *народная*.

В целом образ России в картине мира младших школьников совмещает в себе как традиционные представления о нашей стране (*великая*, *красивая*, *большая*, *щедрая*, *богатая*, *загадочная*), так и новые черты (*верующая*, *туристическая*, *изобретательная*, *культурная*), свидетельствующие об изменении «русского архетипа» в настоящее время.

Следующим этапом нашего исследования явилось изучение представлений младших школьников о родном языке, формируемых в течение периода социализации. Нами был проведен опрос учащихся 3-4 классов образовательных организаций г. Воронежа (163 чел.). Детям предлагалось письменно закончить фразу: *«Родной язык – это...»*. Многочисленные ответы учащихся 3 класса показывают, что представления о родном языке у 85% детей сформированы: *Язык, на котором мы разговариваем с детства и он нам понятен* (17%). *Язык, на котором я (мы) говорю с рождения* (10%). *Язык, который мы понимаем с*

рождения и разговариваем на нем. На котором говорили наши предки, а сейчас говорим на нем мы.

Исследование показывает, что все учащиеся 4 класса имеют сформированные представления о своем родном языке: *Язык, на котором мы разговариваем и освоили его с детства. Язык твоей страны, который ты учил с детства. В разных странах есть свой родной язык. У нас в России свой родной язык, благодаря родному языку мы можем понять человека. Язык, на котором мы общаемся между собой, потому что мы родились в России.*

Дети дают оценку родному языку, преобладает положительная оценка: *Это красивая речь, на котором мы разговариваем (3 кл.). Родной язык – это как Родина! Он тебе очень дорог, им надо дорожить, это твой язык (4 кл.).*

Опрос учащихся 3-4 класса (102 чел.) на вопрос: «Родной язык – какой...» дал следующие результаты: 30% третьеклассников и 67% учащихся 4 класса отвечают, что это *русский* язык. Остальная часть опрошенных дает характеристику родному языку. Большинство ассоциаций, характеризующих родной язык, имеют положительную коннотацию: *красивый (38%), богатый (33%), любимый (33%), великий (13%), изящный (13%), самый главный (8%), самый лучший, великолепный, замечательный, звучный, протяжный, интересный, удобный, понятный, знают все его и читать его приятно*, однако есть ответы, показывающие, что дети испытывают трудности при изучении языка: *сложный, очень сложный, это один из сложных языков мира*. В сознании учащихся он концептуализируется как живое существо: *вежливый (17%), добрый (13%), нежный, верный, аккуратный, могучий*.

Кроме того, нами было предложено детям 3-4 классов дать по 2-3 ассоциации на словосочетание «родной язык». Результаты оказались следующими:

Родной язык – язык, на котором разговариваешь, народ, русский язык, привычный, любимый, родная земля, родной город, родная страна, это моя жизнь, русский язык – это навсегда, традиции, мир, березы, школа, учителя.

На наш взгляд, в ответах младших школьников отразилось коллективное языковое сознание, присущее «среднему носителю» русского языка. В целом образ *родного языка* в картине мира младших школьников это – *язык твоей страны, который ты учил с детства, он красивый, богатый, любимый*, что совпадает с утверждением Ю.Н. Караулова, который отмечает: «для среднего носителя языка... родной язык является совершенным инструментом, говорить и понимать с помощью которого столь же просто и естественно, как ходить и дышать... он расценивает свой язык как самый красивый, богатый и выразительный» [1, с. 261].

Следует отметить, что полученные данные в целом совпадают с результатами наших исследований, проведенными ранее [2, с. 295].

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.
2. Лемякина Н.А. Языковая личность и коммуникативное сознание (на примере речевого поведения младшего школьника): монография / Н. А. Лемякина. – Воронеж, ВГУ, 2004. – 303 с.

Ю.А. Литвинова (Воронеж)

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ *СТОЛИЦА* И *CAPITAL* ПО ДАННЫМ САЭ И НАЭ

Экспериментальное исследование значений слова в психолингвистике позволяет говорить о возможности углубленного описания значений слов. Экспериментальное описание семантики языковых единиц дает возможность представить содержание слова как некоторую психологическую реальность, как более глубокую семантическую сущность, выявить в значении слова такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа.

Экспериментальные методы позволяют описать семантику слова, выделить зону сочетаемости, идентифицирующие признаки, а также синонимы в составе психолингвистического значения слова. Наиболее широко в психолингвистических исследованиях используется ассоциативный эксперимент, особенно актуальный для исследования семантики слова.

В 2013 г. нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент на слова-стимулы *столица* и *capital*. Испытуемым, говорящим на русском языке, предлагалось следующее задание: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, 3 определения к предъявленному слову-стимулу, которые первыми приходят вам в голову». В начале опросного листа приводилась фраза: ***Столица – какая?*** Всего было опрошено 50 человек, среди которых было 30 женщин и 20 мужчин, 35 чел. – молодые, 10 чел. – среднего возраста, 5 чел. – старшего возраста.

Испытуемым, говорящим на английском языке, предлагалось ответить на вопрос: ***Capital – what kind of?*** Write down your first three associations. All your answers will be correct. Всего было опрошено 50 человек, среди которых было 33 женщины и 17 мужчин, 30 чел. – молодые, 13 чел. – среднего возраста, 7 чел. – старшего возраста.

Были составлены ассоциативные поля лексем *столица* и *capital*. Методом семантической интерпретации реакций направленного ассоциативного эксперимента ассоциаты полей были интерпретированы сформулированы семантические признаки. В результате были сформулированы интегрированные психолингвистические описания исследуемых лексем. Жирным шрифтом выделено семантическое ядро значения (архисема и несколько периферийных сем).

СТОЛИЦА

1. Населенный пункт, который является главным для страны 0,10, где находится правительство страны, имеет определенную структуру 0,05, является месторасположением Кремля 0,03, Красной площади, большим по размеру, предоставляет различные возможности, перспективы 0,02, многолюдный, красивый, есть метро 0,01, развлекательные учреждения, величественные постройки, Белый Дом, является «сердцем» Родины, «лицом» страны, шумный, там находится Московский университет, происходят заторы дорожного движения, ведется политика, бизнес, протекает быстрый ритм жизни, хорошо освещен, имеет военное прошлое, все цивилично, нет ничего 0,006.

Оценочные признаки (0,05):

Положительная оценка (0,04): предоставляет различные возможности, перспективы 0,02, красивый 0,01, хорошо освещен, все цивилично 0,006.

Отрицательная оценка (0,012): происходят заторы дорожного движения, нет ничего 0,006.

Эмоциональные признаки 0,006:

Положительная эмоция (0,006): величественные постройки 0,006.

Отрицательная эмоция: нет

2. Малая родина 0,04

Идентифицирующие семы 86: Москва 65, Киев, Лондон 4, Берлин 2, Лима, Венгрии, Перу, Тобольск, Вашингтон, Париж, Рига, Астана, Лиссабон 1

Сочетаемость 10: России 6, мира 3, старая 1

Синоним 10: город 9, град 1

Неинтерпретируемые реакции 1: чего 1

Фонетическая реакция 1: курица 1

CAPITAL – населенный пункт, который является главным в государстве или штате **0,80**, где наказывают 0,02, находится правительство страны 0,01, нужны деньги, есть работа 0,004, является центром государства, имеет определенное экологическое состояние (растут деревья, чистый, реки), все находится в движении, меняется 0,003, все справедливо, можно сделать карьеру, есть банки, высокие здания, хорошо освещен, большой 0,002, наличие серебра, мраморных монументов, имеет

статус столицы, протекает жизнь, формируется бюджет страны, античный, пристойный, встревоженный, здесь много интересного 0,001.

Оценочные признаки (0,008):

Положительная оценка (0,008): все справедливо, хорошо освещен, много интересного 0,002, чистый, пристойный 0,001.

Отрицательная оценка: нет

Эмоциональные признаки (0,001):

Положительная эмоция: нет

Отрицательная эмоция (0,001): встревоженный 0,001

Идентифицирующие признаки 97: Провиденс 80, Лондон 5, Вашингтон 5, Лансинг 2, Бойсе 1, Каир 1, Берлин 1, Москва 1, Спрингфилд 1

Синонимы 1: city 1

Типичные сочетания 2: Capital FM 1, capital letter 1

Сопоставительные исследования лексем *столица* и *capital* позволяют сделать вывод о том, что семантические ядра данных лексических единиц практически совпадают, различаются лишь индексы яркости ядра (0,10 и 0,80 соответственно). В английском языке семантическое ядро оказалось немного шире, т.к. *capital* является еще главным и в штате. В русском языке мы также можем говорить о столице какого-либо региона, округа, но данный признак не нашел свое отражение даже в зоне периферии. Следовательно, лексема *столица* ассоциируется у испытуемых в русском, прежде всего, со страной.

В значении исследуемых лексем были выявлены оценочные и эмоциональные признаки. Яркость оценочных и эмоциональных признаков в русском языке намного выше, чем в английском языке. Следовательно, испытуемые в русском языке чаще описывают лексему *столица* оценочными или эмоциональными признаками. В значении также встретились отрицательно-оценочные признаки, что не является характерным для значения лексемы *capital* в английском языке.

Зона идентифицирующих признаков является яркой как для лексемы *столица*, так и для лексемы *capital*. В русском языке испытуемые давали примеры столиц различных государств, а в английском языке – примеры столиц различных стран и штатов США.

Зона сочетаемости лучше представлена в русском языке, т.к. реакции *России 6, мира 3, старая 1* сочетаются со словом *столица* именно в ее первом значении. Типичные сочетания в английском языке *Capital FM 1, capital letter 1* не подходят к первому значению слова *capital*.

Анализ ассоциативных реакций исследуемых лексем в русском и английском языках позволил также выделить синонимы данных лексических единиц. В русском языке синонимами являются лексемы *город, град*, в английском языке – лексема *city*. Яркость синонимов в

психолингвистическом значении английского языка слабо выражена по сравнению с ИЯ синонимов в русском языке.

Е.В. Малышева (Тверь)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Речевая деятельность не имманентный процесс,
замыкающийся в сфере языка.
С.Д. Кацнельсон*

Исследование проблем комплексного восприятия информации, т.е. формирования целостного образа или полной картины «понимания объекта» с точки зрения его проявления в вербальных и невербальных составляющих является актуальным и значимым аспектом в изучении системы взаимодействия человека и окружающей действительности.

Восприятие информации – это «системное явление, которое зависит от множества факторов и в то же время определяет все стороны жизни людей» [28, с. 131]. По этой причине использование в процессе восприятия различных коммуникативных каналов, таких как вкусовой, тактильный, слуховой, обонятельный, зрительный, язык слов (понятий), живой язык, язык графических образов открывают человеку способы получения информации путем взаимодействия с различными объектами действительности. Но если принять во внимание тот факт, что вербальная информация воздействует на человека рациональным путем, а информация, полученная («прочитанная») посредством невербальных источников, может переводить восприятие на подсознательный уровень [18], то можно прийти к заключению о том, что именно невербальные каналы восприятия информации помогают человеку в большей мере считывать (получать) нужную информацию в процессе взаимодействия с различными объектами окружающего мира на подсознательном уровне.

В этом плане показателен эксперимент, проведенный нейробиологом К. Джеймс из Университета Индианы [34]. В ходе данного эксперимента детям дошкольного возраста предлагалось обучиться чтению за один месяц. Испытуемые были поделены на две группы. Первая группа обучалась только чтению букв (не прописывая их), а вторая также училась и их написанию. По окончании эксперимента та группа испытуемых, которая училась не только чтению, но и написанию букв, справлялась с задачей распознавания букв намного лучше (также о пользе упражнений в написании букв [37]). Обратимся к данным еще одного эксперимента, который проводился А. Гленбергом и доказал, что пониманию сути

математической операции способствует ее проигрывание в действительности [33]. Очевидно, что непосредственное соотнесение действий с происходящим является достаточно значимым источником информации, т.е. ключом к запоминанию того, что дано, например, в речи. Следовательно, проигрывание ситуации на автоматическом «бессознательном» уровне в целом способствует более четкому запоминанию предложенной информации, так как между словами и действиями уже устанавливается прочная связь. Об этом, кстати сказать, еще сто лет назад, указывая на значимость движения в процессе восприятия информации, писала М. Монтессорри [38]: «Одна из величайших ошибок нашего времени состоит в том, что мы думаем о движении как о чем-то оторванном от высших функций... Умственное развитие должно быть связано с движением и зависеть от него... При наблюдении за ребенком становится очевидным, что развитие разума происходит через движение... Разум и движение являются частями единого целого». Именно поэтому в школах М. Монтессорри дети, изучая алфавит, проводили ручками по шершавым поверхностям [33; 38]. Тем самым, проигрывая воспринимаемую вербальную информацию своим телом, они активизировали различные невербальные каналы восприятия информации, которые на подсознательном уровне устанавливали прочную связь между телесными движениями и восприятием информации.

Вероятно, основываясь на многолетнем опыте своих коллег, хореограф Эрик Стерн и математик Карл Шеффер придумали так называемый «Математический танец» [31; 40], который позволяет обучающимся посредством физических контактов, например, через рукопожатия, и проигрывания различных ситуаций выучить и понять некоторые математические действия [30]. Идея такого танца достаточно проста: ее авторы предлагают доступный способ изучения некоторых областей математики, но вместе с тем они, отчасти, неосознанно делают акцент на том, что восприятию информации во многом способствуют неосознанные движения нашего тела. Иначе говоря, в процессе усвоения новой информации, человек подсознательно использует различные коммуникативные каналы восприятия информации, в том числе и невербальные. Следовательно, реципиент получает уже семиотически усложненную информацию, которая в свою очередь перерабатывается в единое целое. Именно получение такой информации в конечном итоге и способствует более точному запоминанию нужных математических действий, понимание которых изначально было заложено в основы данного танца. Стоит оговориться, что на уровне глубинной семантики хотя и не существует принципиальных различий между значением вербальных и иконических знаков, тем не менее, многие исследования подтверждают тот факт, что наличие визуального образа значительно повышает восприятие информации [12; 21; 1996; 23 и др.]. И не случайно

еще Л. Войтасик в 1981 г. писал: «то, что мы видим, быстрее и легче воспринимается как истина, вызывает меньше опасений» [5, с. 190], а «каждому слову и каждому предложению в нашей современной речи может быть подобран лингвистический эквивалент – будь то слово, фраза, обширный текст или паралингвистический знак» [17, с.474]. Иными словами, использование невербальных (паралингвистических) средств взаимодействия – способ снятия избыточности в тексте или речи, говоря известными словами Г.В. Колшанского [9, с.7]: «...Возможная избыточность языка при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания в естественных условиях снимается по различным причинам путем элиминирования чисто языковых средств и одновременно включения в коммуникацию экстралингвистических средств, подкрепляющих абсолютную однозначность конкретного речевого акта».

Здесь стоит оговориться, что такое отношение к исследованию значимости использования невербальных средств общения в живой речи стало возможным сравнительно недавно в связи с тем, что лингвистика на протяжении долгого периода времени не рассматривала невербальные средства общения с точки зрения их включения в текст или живую речь. Однако в результате вовлечения в область ее исследования различных средств и способов передачи информации в конце XX века оформилось новое направление – паралингвистика, представляющая собой «раздел языкознания, изучающий неязыковые средства, включенные в речевое сообщение: фонационные (степень громкости, распределение пауз и т.п.), кинетические (особенности мимики и жестикуляции в процессе общения) и графические» [2, с. 489]. Когда и кем конкретно был введен термин «паралингвистика», тем не менее, остается неизвестным. В этой связи некоторые исследователи называют фамилию Уэлмерс (Welmers) и 1954 г. [35]. Другие предполагают, что термин «паралингвистика» ввел в научный обиход А. Уилл [41].

И хотя вопрос об исследовании паралингвистических средств в текстах поднимался еще с 20-х годов XX века в связи с особенностями развития стихотворной графики [4; 20 и др.], именно «стремительный рост визуальной информации» в коммуникации вызвал более глубокий и «закономерный интерес языковедов к паралингвистическим, то есть невербальным, средствам, сопровождающим письменную речь, в частности к графическому оформлению текста» [1, с. 6].

Обращаясь к изучению паралингвистических средств общения, также нельзя обойти стороной исследования, в которых невербальные компоненты рассматривались и в отрыве от письменного текста, т.е. анализировались с точки зрения их включения в «речевые тексты» [6, с. 84], т.к. именно такое использование невербальных компонентов общения позволило выявить особенности «экономного» построения «речевого акта с использованием паралингвистических средств» [9, с. 16],

а признание того, что человек как существо социальное унаследовал паралингвистическую форму коммуникации как «низший генетический функциональный этап второй сигнальной системы, который должен быть прямо выведен из общих биологических и физиологических основ высшей нервной деятельности» [17, с. 124-125], является неопровержимым доказательством того, что «паралингвистические свойства языка... в принципе составляют неотъемлемую часть коммуникации» [9, с. 78]. При этом такой способ взаимодействия исходит из естественности невербальных явлений и стремится вывести их из определенных биологических процессов [13].

В подтверждение этих слов обратимся к исследованиям Аристотеля, который занимался исследованиями в области жестикуляции, а его книга «Физиогномика» в настоящее время признается первой «работой» по изучению невербальной коммуникации. Сторонники Аристотеля полагали, что характер человека можно определить по некоторым чертам лица. Представляется интересным и тот факт, что в античные времена ораторов специально обучали жестикулировать (Цицерон), а появление первого словаря жестов во многом стало возможным благодаря римскому ритору Квинтилиану (I век до н.э.). Изучение различных аспектов невербалики продолжалось и в средние века (например, в исследованиях алхимиков) и в эпоху Возрождения (в трудах И.Д. Скота и Л. Да Винчи). В XVI-XVIII столетиях более известны работы Ф. Бэкона и И. Лафатера. Последний из которых, в своем сочинении «Искусство познавать людей по физиогномиям» предпринял первую научную попытку систематизировать выразительные движения. Известными работами в области жестикуляции человека также признаются труды 1664 г. Дж. Баливера «Хирология, или Естественный язык жестов» и «Хирономия, или Искусство риторики рук», в которых автор составил систематизированные таблицы знаков выразительной коммуникации. Своеобразной работой в изучении невербальных аспектов выступает и исследование французского философа-просветителя XVIII века Ж.-Б. Дюбо «Критические размышления о поэзии и живописи». В данном труде автор отмечает важность жестикуляции в театральных представлениях древних людей [8, с. 618-654] и приходит к выводу, что существует некая наука, которая отвечает за телодвижения и говорит «руками» [8, с. 1975], а жесты, в свою очередь, могут классифицироваться на естественные (т.е., что сопровождают речь) и искусственные (значение которых придумано людьми) [8, с. 636].

К началу XX века наиболее существенной фундаментальной работой по исследованию невербалики стал труд биолога Ч. Дарвина «Выражение эмоций у людей и животных», опубликованный в 1872 г. Считается, что именно Ч. Дарвину, заинтересовавшимся невербальным поведением как «выражению ощущений» [7], удалось создать своеобразную базу (точку

отсчета), от которой смогли оттолкнуться многие ученые, занимающиеся вопросами невербального поведения говорящей личности, а на постановку и решение проблем невербального взаимодействия людей в коммуникативных актах социальной интеракции в начале XX века позволила по-новому взглянуть такая наука, как психология.

Анализируя различные невербальные каналы восприятия информации, специалисты по невербальному взаимодействию также отмечают, что характер и способы совместного существования некоторых знаковых систем в одном коммуникативном акте затрагивают проблемы функционирования в речи знаков разной природы, и, следовательно, без понимания того, как невербальная деятельность человека соотносится с вербальной, «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса» [20]. А тщательный анализ невербального кода взаимодействия людей приводит различных исследователей к выводу, что такой код может применяться как единственное (практическое) средство, например, в обучении глухих. Анализ ситуаций с использованием невербальных средств общения также показывает, что: 1) невербальное поведение собеседника вызывает больше доверия, чем вербальное (особенно в конфликтных ситуациях [42, с. 139]), а дети, наоборот, больше склонны верить словам [42, с. 138-139]; 2) невербальные действия (компоненты) значительно труднее контролировать [29, с. 8]. Примечательно, в этом плане высказывание Ф. Ницше: «Люди свободно лгут ртом, но рожа, которую они при этом корчат, все-таки говорит правду» [14]; 3) когда дети говорят неправду, то они непроизвольно прикрывают рот [16, с. 31]. Уместным в данном контексте будет вспомнить исследования З. Фрейда [27] об использовании бессознательных эмоций в отношении своего законного супруга.

Специалисты по невербальному взаимодействию отмечают и то, что невербальные поступки собеседников, также и как их вербальные действия занимают важное место в процессе общения. Более того, в определенных (достаточно эмоциональных ситуациях взаимодействия) им может принадлежать функция доминаты. При этом невербальные акты выполняют ряд важнейших функций, к которым можно отнести: 1) функцию повторения сказанного словами; 2) функцию замены части вербального сообщения невербальными компонентами; 3) функцию дополнения или уточнения вербально оформленного сообщения посредством использования невербальных средств; 4) функцию отрицания вербальной информации невербальным способом; 5) функцию выделения голосом необходимых слов [32, с. 87].

Достаточно интересной представляется и классификация английского ученого Ю. Бургуна [29, с. 6], который в своих исследованиях предпринимает попытку дать описательную характеристику невербальной коммуникации. Автор работы утверждает, что она: а) вездесущая

(взаимодействия без нее не бывает); б) обладает большим набором функций; в) способствует (помогает) лучшему взаимопониманию собеседников; г) первична (предшествует становлению языка); д) обладает онтогенетической первичностью (например, дети сначала познают мир невербальным путем); е) способна выразить то, что невозможно выразить вербально; ж) более истинна (правдива).

Представляется важным заметить, что в таких классификациях отчетливо прослеживается мысль, что в социальном обществе невербальная коммуникация представляется важным аспектом «человеческого общения», т.к. без нее (точнее без анализа, рассмотрения и понимания отдельных невербальных единиц коммуникации) невозможно, отчасти, полное понимание собеседника. Вероятно, по этой причине вопрос изучения невербальных компонентов общения, прежде всего, связан с теоретико-прикладным аспектом изучения невербальной коммуникации: лингвисты изучают взаимодействие вербальных и невербальных элементов общения; психиатры рассматривают невербальную коммуникацию с точки зрения ее воздействия на пациента, а также особенности поведения самих пациентов; антропологи исследуют национальную специфику невербального поведения у представителей различных культур и наций и т.п. [29, с. 3-22]. А социальная значимость невербальных элементов коммуникации подтверждается различными экспериментами [3; 16, с. 17; 42, с. 136 и др.].

Таким образом, становится очевидным, что ученые при исследовании и рассмотрении вербальных и невербальных типов коммуникации имеют дело со способом выражения и формой фиксации человеческих мыслей, которая проявляется в виде языкового (вербального) и неязыкового (невербального) знака (об использовании тактильных элементов в диалоге [10; 11; 22; 24; 36]), который по справедливому замечанию философа и лингвиста Х. Ортега-и-Гассета, мог бы фиксировать «результат абстрагирующего усилия», материализовать и обеспечивать его «удобной нишей» (о знаковом характере познавательного процесса: [15, с. 74]. По этой причине классификация невербальных компонентов как знаков, отчасти, может строиться на разных критериях [26, с. 106-108; 39, с. 9-11], а их исследование (т.е. изучение невербальных элементов диалогического общения) в дальнейшем может помочь раскрыть роль использования именно таких невербальных единиц в речи и объяснить особенности восприятия информации посредством использования различных невербальных систем взаимодействия.

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.

2. Большая советская энциклопедия. Отоми – Пластырь. Т. 19. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – 648 с.

3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 44-87.
4. Винокур Г.О. Культура языка / Г.О. Винокур. – М.: Лабиринт, 2006. – 256 с.
5. Войтасик Л. Психология политической пропаганды / Л. Войтасик. – М.: Прогресс, 1981. – 278 с.
6. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1980. – 112 с.
7. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – СПб.: Питер, 2001. – 165 с.
8. Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи / Ж.-Б. Дюбо. – М.: Искусство, 1975. – 750 с.
9. Колшанский Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1974. – 81 с.
10. Малышева Е.В. Базовая модель комплексного коммуникативного взаимодействия как матрица вербально-тактильного поведения ее участников / Е.В. Малышева // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 20-23. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
11. Малышева Е.В. Несловесный дискурс тактильности / Е.В. Малышева. – Тверь: ТвГУ, Тверская ГСХА, 2016. – 206 с.
12. Найсер У. Познание и действительность / У. Найсер. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
13. Николаева Т.М. Языкознание и паралингвистика / Т.М. Николаева, Б.Д. Успенский // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М.: Наука, 1966. – С. 63-74.
14. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. – М.: Эксмо, 2016. – 848 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.
16. Пиз А. Язык жестов (Как читать мысли людей по их позам, мимике, жестам) / А. Пиз // Язык жестов. – Минск: Парадокс, 1995. – С. 9-256.
17. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
18. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – К.: Ваклер; М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
19. Реформатский А.А. Лингвистика и полиграфия / А.А. Реформатский // Письменность и революция. – М.: JL, 1933.
20. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А.А. Реформатский // Исследования по структурной типологии. – М., 1963. – С. 18-25.
21. Романов А.А. Грамматика деловых бесед / А.А. Романов. – Тверь: Фамилия, 1995. – 240 с.
22. Романов А.А. Коннекция согласованности действий в системе актов вербально-тактильной интеракции / А.А. Романов, Е.В. Малышева // Филология и журналистика: центробежное притяжение: сб. науч. трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет. – 2016. – Ч. 2. – С. 380-389.
23. Романов А.А. Тайны рекламы / А.А. Романов, И.Ю. Черепанова, А.А. Ходырев. – Тверь: Герс, 1997. – 290 с.
24. Романов А.А. Тактильные единицы как базовые составляющие диалога / А.А. Романов, Е.В. Малышева // Значение как феномен актуального языкового сознания: материалы межрегиональной научной конференции (Воронеж, 23-24 октября 2015 года) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 49-50.

25. Романов А.А. Управленческая коммуникация / А.А. Романов. – Тверь: Центр подготовки персонала «Тверьэнерго», 1996. – 239 с.
26. Соболевский И.А. Кинетическая речь на производстве / И.А. Соболевский // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. XIX. – Тарту: изд-во ТГУ, 1986. – С. 106-112.
27. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
28. Хмылев В.Л. Особенности влияния сенсорно-языковых каналов на восприятие / В.Л. Хмылев, В.А. Кондрасюк // Вопросы философии. – М. – 2016. – № 7. – С. 131-138.
29. Burgoon J. Nonverbal Communication//Nonverbal Communication. The unspoken dialogue. Second edition. – NY-L.-Tokyo: The McGraw-Hill Companies, 1996. – P. 3-160.
30. Dance Ensemble Math // 2010. – URL: <https://www.youtube.com>
31. Do the Math Dance // Science Daily. – 01.05.2008. – URL: http://old.sciencedaily.com/videos/2008/0503-do_the_math_dance.htm.
32. Ekman P., Friesen W. The repertoire of nonverbal behavior // Nonverbal communication, interaction, and gesture. Selections from Semiotica. – The Hague – Paris-NY: Mouton Publishers. 1981. – P. 57-106.
33. Glenberg A. M., Jaworski B., Rischal M., Levin J. R. What Brains Are For: Action, Meaning, and Reading Comprehension // Reading Comprehension Strategies: Theories, Interventions, and Technologies / McNamara D. (ed.) –Mahwah-NJ: Lawrence Erlbaum, 2007. – P. 221-240.
34. Fuchs K. H. Sensori-Motor Experience Leads to Changes in Visual Processing in the Developing Brain // Developmental Science. – 2010. – Vol. 13. – P. 279-288.
35. Key M.R. Paralanguage and kinesics. – Metuchen, N.J.: The Scarecrow Press, Inc., 1975. – 246 p.
36. Malysheva E. Tactile connection of nonverbal discourse // Proceedings of the XVII International Academic Congress “History, Problems and Prospects of Development of Modern Civilization” (Japan, Tokyo, 25-27 January 2016). Vol. II. “Tokyo University Press”, 2016. – P. 635-638.
37. McClelland B.D. Educational Neuroscience: The Early Years // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2010. – URL: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1003431107.
38. Montessori M. The Absorbent Mind. – NY: Holt, 1967. – 302 с.
39. Poyatos F. Paralanguage. A linguistic and interdisciplinary approach to interactive speech and sound. – Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. – 478 p.
40. Schaffer K., Stern E., Kim S. Math Dance with Dr. Schaffer and Mr. Stern. – Santa Cruz, CA: MoveSpeakSpin, 2001. – 132 p.
41. Trager G.L. Paralanguage: A first approximation // Studies in linguistics, 1958. – P. 1-12.
42. Woodall W. Relationships between verbal and nonverbal communication // Nonverbal Communication. The unspoken dialogue. Second edition. – NY-London-Tokyo: The McGraw-Hill Companies. 1996. – PP. 135-187.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФСКО-ЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант №17-03-00707 «Логическая культура в России: прошлое и современность»)

В современной гуманитаристике все больше появляется проблем и понятий, раскрытие которых требует исследовательских усилий в пограничных областях знания, методологических прививок, междисциплинарных подходов (например, проблема мультимодальных текстов в социальной семиотике; проблема сущности и развития критического мышления в педагогике, философии образования и теории аргументации; проблема выбора в философской антропологии, социологии, исторических науках и т.д.).

Осуществление таких исследовательских стратегий, несомненно, является творческой задачей. Но во избежание порождения «химерических» объектов исследования, эфемерных структур и преумножения псевдосущностей, требуется сразу произвести некоторые вполне рациональные операции. Как нам представляется, начинать движение по пути междисциплинарности нужно со внесения ясности и отчетливости в понимание сути исследуемых проблем и объектов. Требуется обозначить как можно более точно содержание, признаки и атрибутивные свойства изучаемых предметов, дать номинальное определение, задать явным образом собственную интерпретацию предметной области исследования.

В данной работе мы будем трактовать логику как *теорию рассуждений и их элементов, позволяющую отличать правильные рассуждения от неправильных на основе выявления их формы*. При этом мы будем исходить из уверенности в том, что именно логика, точнее, ее изучение и практика в этой области, формирует навыки рефлексивного, рационального, последовательного и ясного, т.е. логически культурного мышления. Это вовсе не означает, однако, что каждый раз логически культурный человек воспроизводит в уме схемы силлогизмов, скрывающиеся за попадающими в его кругозор разговорами и мнениями. Мы полагаем, что вырабатывается определенный автоматизм, при котором человек становится способным схватывать, считывать качество правильности и последовательности рассуждений, минуя формальные процедуры, но держа при этом во внимании конкретные смыслы, находясь в контексте разговора.

Обозначая область философии логики, мы опираемся на взгляд, выработанный В.Н. Брюшинкиным (см., например [2]): *философия логики – это метаобласть логической науки, в которой рассматриваются*

вопросы сущностных и методологических оснований логики, статус логических процедур в информационной деятельности. Сюда входят вопросы, важные для понимания логикой своего собственного статуса и роли в науке и в культуре.

Теперь можно выделить те вопросы, которые интересны и с точки зрения философии логики, и с позиций психолингвистики. Гипотеза данного размышления такова: психолингвистика и логика методологически созначимы и вступают в отношения дополнительности (наподобие боровского принципа дополнительности). Основания для этого симфонического понимания заключаются в самой коммуникативной природе человеческого мышления и речи. Как отмечает современный философ науки И.Т. Касавин, «неклассические подходы в рамках эпистемологии и философии науки, в которых акцентируется коммуникативная природа познавательного процесса, причем различные виды и формы общения познавательных субъектов существенно определяют содержание знания» [3]. Поэтому такое взаимодействие логики и психолингвистики способно обогатить и открыть новые горизонты для обеих областей. Каковы эти сферы соприкосновения?

Один из важнейших вопросов философии логики – это вопрос о связи логики с человеческим мышлением. Тут возможны различные, часто полярные позиции: психологизма и антипсихологизма. Сама по себе проблема психологизма активно обсуждается по сей день на фоне современных достижений нейронауки и философами науки, и логиками (см., например, [1]).

Психологизм исторически видит корни логической науки в психологии (например, Д.С. Милль), а вопрос о связи логики с человеческим мышлением решает в пользу природной «встроенности» логики в ментальные процессы. И тогда в наивном варианте психологизма справедливо утверждение о том, что «всякий человек владеет логикой». Причины ошибок в мышлении и речи объясняются по-разному различными учеными. Психологистское решение указанной выше проблемы более естественно для восприятия и объяснения нами поведения рассуждающего человека, человека, говорящего о своих мыслях. Но с учетом достижения современной науки психологистский подход можно считать устаревшим. Много справедливых критических замечаний высказано в его адрес с начала XX века. И все же такой подход ближе психолингвистическому взгляду на процессы коммуникации (в противовес антипсихологизму, утверждающему автономию и чистоту логических форм от всяких психологических трактовок, что наиболее ярко выражено, например, у Г. Фреге, Э. Гуссерля, из современных отечественных логиков – у Е.Д. Смирновой).

Ориентация на достижения современных когнитивных наук, современной логики и исследования по искусственному интеллекту

выдвигает на первый план метапсихологистский подход к логике (предложен В.Н. Брюшинкиным). Его суть в том, что аргументативные процессы исследуются с использованием моделирования, при котором учитываются субъективные характеристики порождения набора аргументов, стоящие за аргументативным текстом. Т.е. логика не напрямую отражает психологические процессы в идее своих законов, силлогизмов и типичных умозаключений, а логика как область знания описывает возможные модели, это средство интерпретации ментальных процессов, кроющихся за их выражением в языке.

На наш взгляд, именно программа метапсихологизма очень хорошо может вступать во взаимодействие с психолингвистикой в решении конкретных исследовательских вопросов. Каким образом в порождаемой речи появляются логические структуры и как обеспечить логичность речи?

Общим базисом для объединения усилий логиков и психолингвистов могут служить данные и выводы современной нейронауки, которая вырывается вперед в комплексе NBIC. И в силу этого психологистский взгляд получает новое сильное теоретико-познавательное звучание, поскольку «когнитивные модули предзаданы нейрофизиологической архитектурой мозга и тем самым выражаются через те или иные психологические установки и формы познавательной активности субъекта» [1, с. 13].

Кроме этого, методологическая установка метапсихологизма может рассматриваться как основание для признания значимой роли риторики в коммуникативных процессах. Мы имеем в виду риторику как управляемый процесс, основанный на осознанном применении способов убеждения и усиления привлекательности речи для адресата.

Общее, что интересует логику и психолингвистику с точки зрения метапсихологистского подхода – условия психологической (шире – ментальной) возможности внешнего выражения мысли в ее логическом и речевом оформлении, это вопрос обусловленностей и их установления. По-кантовски – как это возможно?

Можно выделить некоторые теоретические вопросы философии логики и психолингвистики, которые могут получить вполне конкретные практические развороты исследований:

1. Природа понятий, их формирование, оперирование понятиями, нейролингвистические обусловленности порождения концептов. Психолингвистическая проблематика сближается с металогической на уровне, в частности, обсуждения природы смыслонаполнения понятия. Так, представители исследовательского коллектива одного из психолингвистических проектов И.А. Стернин, А.В. Рудакова, О.Е. Виноградова фиксируют: «психолингвистика для нас выступает как *метод анализа и описания значения слова*» [6]. В философии логики существует ряд проблем, связанных с логической семантикой, например,

глубокая проблема пустых понятий, их гносеологического и онтологического статуса, сюда же добавляем когнитивный аспект. Есть традиция осмысления этой темы.

2. Соотношение образного и рефлексивное сознания и их выражение в речи. Формирование структур рациональности мышления и речи. Роль наук о речи и логики в этом процессе. Так, в статье И.А. Стернина, М.С. Саломатиной отмечается, что образный слой сознания формируется и осуществляется стихийно. Но рефлексивное сознание – «результат социализации человека, его опыта деятельности с предметами и явлениями внешнего мира, результат умственного обобщения им своего разностороннего, в том числе и личностного перцептивного опыта» [7]. Видится, что в процессе этого формирования особую роль играет развитие навыков формального мышления и, как следствие, действия. И особая образовательная роль исторически в здесь была за логикой, которая ныне постепенно вытесняется даже из высшей школы.

3. При профессиональной интерпретации философских текстов перед нами возникала задача по выявлению значимых корневых понятий, из которых строится базовая онтология данного текста, характерных для стиля рассуждений, мировоззрения того или иного автора. В результате можно реконструировать то, что называется *стилем мышления* (эпистемологическим стилем) (см, например, [5]). В методологическом плане для разработки этого концепта важна логика, поскольку выделяются предпочитаемые автором способы обоснования своих идей. Что этому подходу может дать психолингвистика? Она позволяет выделять концепты рассуждений, подводить под них психологические, ценностные, этнокультурные основания, определяющие стиль (топ – по Ю.В. Рождественскому) автора информационного послания. И это немаловажно при реконструкции целостного образа авторского интеллектуального поиска, позволяет выявить историческую преемственность взглядов, традиций в науке и культуре. Т.е. раскрыть все то, что важно для исследователя-историка в деле выстраивания самоосмысления любой науки (философии, истории, литературоведения и др.). Важно отметить, что и психолингвистический анализ текста, и логический анализ с указанных метапсихологических позиций (т.е. учитывающий когнитивные аспекты рассуждений) вкупе позволяют принимать во внимание не только крупные тенденции в коммуникативной культуре, но и молозамечаемые частные вариации и тонкости. Так, в нашей области исследования – в истории логики, где требуется анализ текстов и их интерпретация, – такие подходы позволяют схватывать значимость и особенность некоторых учений, не ставших парадигмальными в истории логики (концепции А.И. Введенского, Н.О. Лосского, С.И. Поварнина, И.И. Лапшина, Г.Г. Шпета и др.), но важные для развития русской интеллектуальной культуры.

4. Этнокультурные особенности: взгляд с точки зрения психолингвистики и философско-логическое толкование. Тут интересен такой вопрос: каким образом язык отражает особенности культуры мышления? Есть ли свои «логики» у каждого народа и на каких основаниях об этом можно говорить? При традиционном взгляде на логику мы понимаем, что она – формальна и потому имеет универсальный характер. Однако мы можем взглянуть на логику с точки зрения ее образа, т.е. представлений о логике внутри некоего сообщества людей. И тогда можно сформировать понимание того, что выделяется различная степень лояльности, а иногда – иммунитет к рационально-логическим процедурам, различная степень развития логической культуры. Или можем обратиться к современной области, активно развивающейся в зарубежных аргументативных исследованиях – к неформальной логике как логике, учитывающей не только формальную правильность рассуждений, но их ценностную, психологическую, когнитивную релевантность и т.п.

Итак, очевидно, что логико-психолингвистическое междисциплинарное направление исследования значимо с точки зрения гуманитаристики в целом. Сферы интересов психолингвистики и логики под определенным углом зрения не так уж далеки (особенно в свете успехов когнитивистики и нейронауки). Следует принять во внимание, что лингвисты часто включают логические вопросы в преподавание своих дисциплин, с уважением относятся к логике, учитывают традицию аналитической философии и сами неплохо владеют логической культурой. Причем эта атрибутивная необходимость логической образованности для университетского исследователя и преподавателя имеет глубокие корни в русской традиции. Рассмотрению некоторых сюжетов и обобщениям относительно этого факта посвящен ряд наших работ (например, [4]).

Общение с воронежским лингвистическим сообществом убедило нас в том, что здесь присутствует понимание значимости логики как для «внутреннего употребления» специалистами (в смысле рациональности, аналитичности, способности абстрактно мыслить) в своей исследовательской работе, так и во внешнем измерении – как необходимости качеств логичности, рациональности, проявляемых в родной речи, в риторической практике, в самой жизни языка, в самой действительной нашей жизни, в которую так хочется внести больше осмысленности.

1. Бажанов В.А. Дилемма психологизма и антипсихологизма / В.А. Бажанов // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 49. – № 3. – С. 6-16 // http://journal.iph.ras.ru/sites/default/files/1Bazhanov_3-16.pdf.

2. Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация / В.Н. Брюшинкин. – Л., 1988.

3. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии / И.Т. Касавин // Вопросы философии. 2010 //

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=132 [дата обращения: 24.06.2017].

4. Попова В.С. Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века / В.С. Попова. – Калининград, 2010.

5. Пружинин Б.И. Культурно-историческая природа познания и стиль научного мышления Б.И. Пружинин // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания: кол. монография. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / под общ. ред. Т.Г. Щедриной. – М., 2011.

6. Стернин И.А. Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова) / И.А. Стернин, А.В. Рудакова, О.Е. Виноградова // <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/325-sterinin-i-a-rudakova-a-v-vinogradova-o-e-znachenie-kak-fenomen-yazykovogo-soznaniya-psikholingvisticheskoe-znachenie-slova> [дата обращения: 25.06.2017].

7. Стернин И.А. Речевое поведение и тип интеллекта личности («Новые молодые») / И.А. Стернин, М.С. Саломатина // Язык и национальное сознание: сб. науч. ст. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 12.

Н.С. Попова (Воронеж)

СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ В ВОСПРИЯТИИ ОБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ

С проблемой времени человек сталкивается ежедневно, ежеминутно. Ни одна деятельность не проходит без восприятия времени. Поэтому важно знать, что такое «время» и как оно воспринимается человеком.

В рамках зарубежной экспериментальной психологии широко распространён когнитивный подход к восприятию времени. В его рамках кодирование времени рассматривается как исключительно когнитивный процесс, не связанный с объективным временем. В отечественной психологии доминирует деятельностный подход к изучению субъективного течения времени. Многолетние исследования Д.Г. Элькина показывают, что между восприятием времени и деятельностью имеется прямая связь: чем точнее восприятие времени, тем успешнее деятельность [12].

По мнению Е.И. Головаха, можно разграничить два вида восприятия: непосредственное восприятие времени как простой временной чувствительности и сложное восприятие времени, которое опосредовано высшими психическими функциями [3]. Восприятие времени – это образное отражение таких объективных характеристик явлений окружающей действительности, как цикличность, длительность, скорость протекания и последовательность.

Из этих рассуждений следует, что время существует как бы в двух измерениях: в объективной реальности в виде вечно движущейся и изменяющейся независимо от человека материи и в субъективной реальности – его образы находятся внутри человека. Всё, что человек

пропускает через свои органы чувств, претерпевает изменения. «Объективно существующие пространство и время субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами неодинаково» [4].

Наша реальность – это субъективно воспринимаемый и интеллектуально конструируемый мир, причем во всех своих проявлениях и измерениях. Внешний мир расположен внутри нашего мозга. В основе понятия времени лежат наблюдения человека.

Анализ осознания времени (психологического, субъективного), во-первых, не может исключать объективного времени, основой которого является объективно существующий внешний мир, а, во-вторых, при анализе субъективного времени мы имеем дело с ощущениями и памятью [7, с. 59-60]. В трудах И. Канта время понимается как форма человеческого созерцания, оно «присуще не самим предметам, а только субъекту, который их созерцает» [6, с. 141]. М. Хайдеггер утверждает, что «времени нет без человека» [11, с. 401]. Динамика же внутреннего мира личности, включающего в себя ценности и идеалы человека, его жизненный опыт, чувства, мысли, побуждения, подчинена особым временным отношениям, которые могут быть определены как «психологическое время». Такое время, относящееся к сфере восприятия и отражения внешнего мира отдельным индивидом, известно в науке также как перцептуальное время.

В языке доминирующее значение имеет психологическое, перцептуальное время, наделенное свойствами, проистекающими из особенностей психологического восприятия этого феномена человеком. «Восприятие времени человеком, которое находит овеществление в языке и дискурсе, имеет двойственный характер: с одной стороны, время представляется как свойство материи (научное время), ориентированное на объективные явления действительности, с другой – экзистенциальная сущность (вненаучное время), ориентированное на особенности человеческой когниции» [2, с. 59].

В когнитивном подходе «когниция и интерпретация рядоположены» [5, с. 27]. Теория лингвистической интерпретации, предложенная Н.Н. Болдыревым, рассматривает интерпретацию как процесс и результат *субъективного* понимания человеком мира и себя в этом мире, *субъективной* репрезентации мира, основанной на существующих общечеловеческих представлениях о мире, и на его личном опыте взаимодействия с ним [1, с. 14].

Человек, познавая окружающий мир и себя в этом мире, отражает в своем сознании реальное время в виде концептуального понятия времени, и репрезентирует его языковыми средствами.

Цель данной статьи – описать субъективный аспект в восприятии объективного времени на материале фрагмента лингвистического анализа

языковой репрезентации времени в русской поэзии, в продолжение более ранних работ [8-9].

Рассмотрим некоторые примеры.

Итак, ВРЕМЯ – СТАРИК косматый: *Время, Старик косматый, над нами плачет. Несутся вёсны, Несутся зимы. Коси, коси ты, – Коси ты, Старик родимый!* (А. Белый. Время. 1909);

ВРЕМЯ – ПТИЦА: *Крылья птицы, намокшие тяжело, плывут средь тумана. Слушай ... это летит хищная, властная птица, Время ту птицу зовут, и на крыльях у ней твоя сила, Радости сон мимолетный, надежд золотые лохмотья ...* (И. Анненский. Nocturno. Ночное (ит.). 1890);

ВРЕМЕНА – ЛЕТУЧИЕ МЫШИ: *Неслись Времена, – Как летучие мыши – Летучими Тучами – Выше, и выше, и выше, И выше – Нетопыриными, дикими криками – В выси!* (А. Белый. Маленький балаган на маленькой планете «Земля». Июнь 1922) (зд.: нетопырь – крупная летучая мышь);

ВРЕМЯ – ВЕТЕР: *И всё, что нас гнетет, снесет и светит время...* (В. Брюсов. Замкнутые. V. 1900-1901);

ВРЕМЯ – ДЫМ: *Земное время, – пространство, время – Мгновенный дым.* (Ф. Сологуб. «Елисавета, Елисавета...», 1902);

ВРЕМЯ – небесное светило СОЛНЦЕ: *Закатится время. Промчатся, как лист золотистый, последние в мире, безвременьем смытые дни* (А. Белый. Последнее свидание. 1903);

ВРЕМЯ – ЗЕМЛЯ, которую можно вспахать плугом: *Время вспахано плугом ...* (О. Мандельштам. «Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...». 1920);

ВРЕМЯ – ТКАНЬ, а МИНУТЫ – КРУЖЕВО: *По ночам, когда в тумане Звёзды в небе время ткёт, Я ловлю разрывы ткани В вечном кружеве минут* (М. Волошин. Валерию Брюсову. «По ночам, когда в тумане...». 1903);

ВРЕМЯ – МЕЛЬНИЦА с крылом: *Время – мельница с крылом Опускает за селом Месяц маятником в рождь Лить часов незримый дождь. Время – мельница с крылом ...* (С. Есенин. Преображение. «Где ты, где ты, отчий дом...». 1918);

ВРЕМЯ – ПЛУГ, у которого есть железный зуб: *Так лет мимотекущих время Несем безропотные мы, Когда железным зубом время Нам взрежет бархат вечной тьмы.* (А. Белый. Время. 1907);

ВРЕМЕНА – СВИТОК, т.е. рукопись, свернутая трубкой, валиком: *Я вдаль смотрел – тянулась паутина на голубом из золотых и лучезарных ниток.... Звучало мне: «И времена свиваются, как свиток ...»* (А. Белый. «Шатаясь, склоняется колос...». Закаты. 3. 1903).

Продемонстрированные примеры подтверждают индивидуально-авторский аспект в восприятии объективного времени, субъективно переживаемого русскими поэтами, и подтверждают тот факт, что время существует объективно, а субъективно лишь его восприятие, представление о нем.

1. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XV. – С. 12-22.

2. Бондаренко Е.В. «Модель времени» как инструмент анализа дуальной сущности времени, реализованной в языке и дискурсе / Е.В. Бондаренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 3. – С. 59-65.

3. Головаха Е.И. Понятие психологического времени / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Категории материалистической диалектики в психологии. – М.: Изд-во «Наука», 1988. – С. 199-215.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры: монография / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
5. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
6. Кант И. Критика чистого разума: Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М., 1964. – Т. 3. – 799 с.
7. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
8. Попова Н.С. Индивидуально-авторская репрезентация абстрактного концепта ВРЕМЯ в художественной картине мира (на материале русской поэзии «серебряного века») / Н.С. Попова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XX. – С. 883-888.
9. Попова Н.С. Субъективные образы времени в когнитивном аспекте / Н.С. Попова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посв. юбилею Засл. деят. науки РФ, д-ра филол. н., проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – Москва, Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 594-599.
10. Стопочева-Мойер А.Ю. Время в контексте языка и культуры: минимальные единицы членения / А.Ю. Стопочева-Мойер. – М., 2000. – 51 с.
11. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
12. Элькин Д.Г. Восприятие времени / Д.Г. Элькин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 312 с.

А.В. Разумкова (Калуга)

СОДЕРЖАНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТΙΑ» ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР *(на материале направленного ассоциативного эксперимента)*

В организации общения стереотипы играют регламентирующую роль, так как их соблюдение или нарушение приводит к изменению этических, социальных, языковых и других параметров общения [5, с. 89].

Е.Л. Бартминьский, вслед за Вальтером Липпманом (1922) и Хилари Патнэмом (1975), склонен утверждать, что в основе стереотипов лежат познавательные функции: «...язык по своей натуре опирается на упрощения, обобщения, а также оценку, и, следовательно, стереотипы нейтральны по своей природе, но в то же время подвержены изменениям <...> и, конечно, могут быть использованы как в плохих, так и хороших целях. Таким образом, освободиться от них невозможно, как невозможна и сама окончательная победа над ними» [1, с. 11].

Как основной элемент языковой картины мира определенного сообщества, стереотип отражает «специфическую для данного сообщества

интерпретацию окружающего мира» [1, с. 13]. Для того чтобы понять другую культуру, необходимо поместить ее в общую картину мира, в которой нужно найти ей место в системе ценностей. Именно здесь и приходят на помощь «спасательные» стереотипы, которые А.В. Павловская интерпретирует как «устойчивые, повторяемые не одним поколением, представления, за которыми так легко прячется непонимание и которые так просто расставляют все на свои места» [4, с. 205].

Под культурными стереотипами или парадигмами образов сознания, Н.В. Уфимцева понимает способы восприятия, «которые накапливаются в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов)» [8, с. 99].

Для определения содержания парадигм образов сознания, а именно образа «себя» и образа «другого» (авто- и гетеростереотипов) в языковом сознании культур, используются разные методы. Одним из методов является направленный ассоциативный эксперимент (далее НАЭ), который, как отмечает О.Е. Виноградова, в условиях ограниченного количества испытуемых является предпочтительным, так как участники дают несколько реакций к исследуемым лексемам, а предлагаемые вопросы не только направляют реакции, но и уточняют их [2, с. 31].

Ассоциативный материал – это надежный источник, который позволяет изучать структуру личности. «Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [10, с. 104].

Объектом исследования является этнический образ автохтонного населения Республики Татарстан.

Предмет исследования – авто- и гетеростереотипы поволжских татар. Так как «этнические стереотипы влияют на этнические симпатии-антипатии, на национальные установки, определяют характер межэтнического взаимодействия» [9, с. 73-74], описание содержания образов «себя» и «другого» в сознании русских и татар могут внести определенный вклад в работы по прогнозированию и исследованию межнациональной напряженности в регионе.

Материалом для описания авто- и гетеростереотипов татар послужили данные, собранные в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента среди студентов (17-23 лет) высших учебных заведений г. Калуги и г. Казани в 2016 году. Всего было собрано 200 анкет (100 мужчин / 100 женщин) в г. Калуге и 205 анкет в г. Казани, из которых 100 заполнены русскими (43 мужчин / 57 женщин) и 105 – татарами (46 мужчин / 59 женщин). Родным языком опрошенных татар является татарский язык. Эксперимент проводился на русском языке в

письменном виде в группах по 10-20 человек. Репрезентативность выборки была обеспечена участием студентов разных специальностей. В г. Калуге были опрошены студенты Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, студенты Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Калужский филиал). В г. Казани участие в эксперименте приняли студенты Казанского федерального университета, Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева, Казанского государственного архитектурно-строительного университета. Достоверность и обоснованность получаемых при помощи ассоциативного эксперимента результатов обеспечивается достаточным количеством испытуемых и учетом их возраста. Что касается оптимального количества испытуемых для проведения НАЭ, то по итогам количественных исследований ассоциативных словарей Г.А. Черкасовой (2005) было выявлено, что «постоянные» реакции (их не более десятка) имеют относительную частоту встречаемости более 5% в любых выборках (опросах) объемом не менее 100 респондентов. При увеличении объема выборки (опроса) со 100 до 200 респондентов относительные частоты встречаемости (ранги) постоянных реакций стабилизируются» [12, с. 244]. Таким образом, анкетирование не менее 100 человек обеспечивает достоверность полученных результатов. Выбор студенческой аудитории (от 17 до 23 лет) объясняется тем, что к указанному возрасту, как пишет Ю.Н. Караулов, завершается становление языковой личности, что говорит о сформированной языковой способности участников эксперимента. Языковая способность и ее формально-комбинаторные возможности у людей остаются стабильными на протяжении жизни. Таким образом, мы можем давать прогнозы в отношении особенностей массового сознания жителей исследуемых регионов на ближайшие несколько десятилетий [3, с. 92-193].

Методы исследования

С языковой точки зрения, по мнению Е.Л. Бартминьского, стереотипы это «устойчивые, <...> а не возникающие случайно сочетания [семантических и/или формальных элементов], закрепленных в коллективной памяти на уровне конкретики, соответствующей лексемам» [1, с. 13]. Е.Л. Бартминьский выделяет повторяющиеся области или «домены» в характеристиках национальностей: признаки, связанные с внешним миром, пищевые привычки, жизненные принципы и бытовые ситуации, психосоциальные характеристики [1, с. 15]. Рассмотрение авто- и гетеростереотипов татар подразумевает изучение описательных признаков в рамках «домена» пищевые привычки и жизненные принципы на материале ассоциативного поля слова-стимула «Татары любят... (Кого? Что?)», которое формирует ценности и пристрастия исследуемого этноса.

«Одним из важных показателей образования речевого стереотипа признается частотность, понимаемая как факт социального предпочтения, употребление в речи готовых воспроизводимых единиц языка в их постоянной комбинаторике и постоянном значении...» [5, с. 86]. Показателем ментального стереотипа наряду с речевым стереотипом также является частотность, поэтому при составлении ассоциативного поля мы не учитывали единичные реакции. Вслед за Н.В. Уфимцевой, А.В. Рудаковой, И.А. Стерниным, М. Дебрэнн, Л.О. Бутаковой, отметим, что при составлении ассоциативных полей интеграция разных словоформ одной и той же части речи (лемматизация) необходима, а вот «объединение ассоциатов разных частей речи или однокоренных ассоциатов <...> не должно иметь места, это искажает описание реального языкового сознания по данным ассоциативных экспериментов» [11, с. 9]. Соответственно, в данном исследовании словоформы одной части речи лемматизированы, а однокоренные слова и слова разных частей речи не интегрированы. Однако те реакции, которые являются метаязыковыми вариантами одного и того же семантического компонента, по мнению И.А. Стернина, могут подвергаться семантической интеграции [11, с. 18]. Таким образом, в рамках нашего исследования, единичные реакции объединяются с другими семантически тождественными реакциями, что позволяет более содержательно и детально описать «инвариантный образ фрагмента мира» (термин Н.В. Уфимцевой) и не упустить сложившийся ментальный стереотип.

Фрагменты образа мира, которые были сформированы на основании реакций испытуемых, представлены в виде ассоциативных полей Русских 1 (русских, проживающих в г. Калуге), Русских 2 (русских, проживающих в г. Казани) и Татар (респонденты, которые в графе национальность указали «татары»).

Содержание ассоциативных полей представлено совокупностью ассоциатов с индексом яркости (ИЯ), который вычисляется «как отношение количества испытуемых, актуализировавших (вербализовавших) данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых. *Индекс яркости* представляется очень важным показателем семантического компонента, так как он <...> отражает степень актуальности того или иного семантического компонента для языкового сознания» [6, с. 101]. Применительно к данному исследованию, индекс яркости (далее ИЯ) позволит выявить актуальные для языкового сознания респондентов авто- и гетеростереотипы поволжских татар. При выделении нескольких тематических групп в ассоциативных полях слово-стимула (вопроса) «вычисляется также совокупный индекс яркости значения (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих значение» [6, с. 101] ассоциатов, что позволяет ранжировать тематические группы по критерию «ядерные/периферийные». Полевая стратификация также применима для

определения наиболее/наименее значимых черт и характеристик изучаемого этноса. Вслед за И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой определим «количественные параметры отнесения когнитивных признаков к разным зонам поля: ядро – наиболее частотный (рекуррентный) признак или признаки, но имеющий индекс яркости не менее 0,12-0,15, ближняя периферия – ИЯ 0,10-0,04, дальняя периферия – ИЯ 0,03-0,02, крайняя периферия – яркость 0,01 и ниже (то есть один процент испытуемых и менее объективировал этот признак)» [6, с. 126].

Результаты исследования

Ассоциативное поле «Ценности и пристрастия» представлено в Таблице, где реакции Русских 1, Русских 2 и Татар на стимул «Татары любят (Кого?/Что?)» распределены по тематическим подгруппам с указанием ИЯ каждой реакции и СИЯ каждой подгруппы.

Таблица

Тематические подгруппы АП «Ценности и пристрастия»	Русские 1 200 респондентов	Русские 2 100 респондентов	Татары 105 респондента
Гастрономические пристрастия	Татары любят – плов (12/0,06), кумыс (7/0,035), мясо (6/0,03), чак-чак (6/0,03), еду (4/0,02), конину (4/0,02), манты (3/0,015), баранину (2/0,01), национальную еду (2/0,01), острое (2/0,01)	Татары любят – чак-чак (29/0,29), эчпочмак (треугольники) (10/0,10), чай (8/0,08), еду (3/0,03), бэлеш (3/0,03), свою национальную кухню (3/0,03), чай с молоком (3/0,03)	Татары любят – чак-чак (20/0,19), эчпочмак (треугольники) (16/0,15), чай (16/0,15), бэлеш (2/0,02), национальную еду (4/0,038), мясо (3/0,028), еду (2/0,02)
СИЯ	0,24	0,59	0,59
Любимые виды деятельности	Татары любят – танцевать (10/0,05), есть (10/0,05), петь (песни) (8/0,04), воевать (3/0,015), погулять (2/0,01), строить (2/0,01), разговаривать (2/0,01), выпивать (2/0,01)	Татары любят – (вкусно) кушать (4/0,04), готовить (еду) (3/0,03), принимать гостей (3/0,03), петь (3/0,03), общаться (2/0,02), танцевать (2/0,02)	Татары любят – принимать гостей (10/0,09), работать (трудиться) (10/0,09), есть (8/0,076), общаться (9/0,085), петь (5/0,047), отдыхать (4/0,038), пить чай (5/0,047)
СИЯ	0,19	0,17	0,46
Персоналии	Татары любят – татар (6/0,03), русских (3/0,015), татарок (2/0,01)	Татары любят – татар (6/0,06), родственников (2/0,02), Аллаха (2/0,02), себя (2/0,02)	Татары любят – татар (2/0,02), детей (2/0,02), людей (2/0,2), родителей (2/0,02), родных (2/0,02)
СИЯ	0,05	0,12	0,10

Реалии	Татары любят – коней (9/0,045), пышные праздники (5/0,025), Татарстан (5/0,025), Казань (4/0,02), семью (3/0,015), застолье (3/0,015), природу (2/0,01), сабли (2/0,01), спорт (2/0,01), (свою) страну (2/0,01), свою (национальную) культуру (2/0,01), деньги (2/0,01)	Татары любят – свою семью (6/0,06), (свою) Родину (3/0,03), праздники (2/0,02), народные танцы (2/0,02), веру (2/0,02), золото (2/0,02), Бугульму (2/0,02)	Татары любят – семью (5/0,047), сабантуй (4/0,038), свою нацию (3/0,028), все и всех (2/0,02), свою национальность (2/0,02), жизнь (2/0,02), чистоту (2/0,02), свой язык (2/0,02), посиделки с семьей (2/0,02), свою Родину (2/0,02)
СИЯ	0,18	0,19	0,25

Самым любимым блюдом татар, по мнению Русских 2 и самих Татар, является *чак-чак* (P2 – 0,29, T – 0,19), которое татары любят готовить и есть. Второе место занимает *эчпочмак* или *треугольники* (P2 – 0,10, T – 0,15). На третьем месте – *чай* (P2 – 0,08, T – 0,15). Татары в два раза чаще, чем русские, упоминают данный напиток, однако Русские 2 уточняют, что татары любят *чай с молоком* (P2 – 0,03). В АП Русских 1 реакция *чак-чак* (P1 – 0,03) находится на крайней периферии, реакции *эчпочмак* (*треугольники*) и *чай* не даны вообще. Одним из любимых напитков татар, по мнению калужан, является *кумыс* (P1 – 0,035), а вот к любимым блюдам можно отнести *плов* (P1 – 0,06) и *манты* (P1 – 0,015), *мясо* (P1 – 0,03) вообще, *конину* (P1 – 0,02) и *баранину* (P1 – 0,01) в частности, и что-то *острое* (P1 – 0,01). Респонденты трех групп в той или иной степени сошлись во мнении, что татары любят *еду* (P1 – 0,02, P2 – 0,03, T – 0,02), *национальную еду* (P1 – 0,01, P2 – 0,03, T – 0,038). Печеный пирог из пресного теста с разными начинками – бэлеш, упомянули только Русские 2 и Татары (P2 – 0,03, T – 0,02).

Что касается любимых видов деятельности татар, приблизительно одинаковое количество респондентов трех групп согласны друг с другом в том, что татары любят *петь* (*песни*) (P1 – 0,04, P2 – 0,03, T – 0,047) и *есть* (P1 – 0,05, T – 0,076) или (*вкусно*) *кушать* (P2 – 0,04). По мнению Русских 2, кроме как (*вкусно*) *поесть* (P2 – 0,04), татары еще любят *готовить* (P2 – 0,03). Титульное население республики не упоминает, что любит *танцевать*, но именно этот вид деятельности Русские 1 относят к ближней периферии АП «Ценности и пристрастия» с ИЯ = 0,05, а Русские 2 – к дальней периферии с ИЯ = 0,02. Небольшой процент информантов г. Калуги считают, что татары любят *разговаривать* (P1 – 0,01), такое же количество русских г. Казани отмечают, что татары любят *общаться* (P2 – 0,02), сами татары в большей степени подчеркивают свою

любовь к общению, относя реакцию *общаться* (0,085) к ближней периферии АП. Стремление к общению поясняет желание татар *принимать гостей* (P2 – 0,03, T – 0,09). Сами татары отмечают, что любят *работать (трудиться)* (T – 0,09), потом *отдыхать* (T – 0,038) и *пить чай* (T – 0,047). Информанты г. Калуги сообщают, что татары любят *воевать* (P1 – 0,015), *погулять* (P1 – 0,01), *выпивать* (P1 – 0,01) и *строить* (P1 – 0,01). Подобных частотных реакций мы не находим в АП Русских 2 и Татар.

Любовь татар к своей национальности и этносу почти в равной степени отмечена тремя группами через реакции *татар* (P1 – 0,03, P2 – 0,06, T – 0,02) и *татарок* (P1 – 0,01) в тематической подгруппе «персоналии», однако нетитульное население республики упоминает об этом чаще. Важно подчеркнуть, что через автостереотипные реакции *свою нацию* (T – 0,028), *свою национальность* (T – 0,02), *свой язык* (T – 0,02), *свою Родину* (T – 0,02) татары демонстрируют свою патриотичность. Русские 1 полагают, что татары любят *русских* (P1 – 0,015). Русские 2 подчеркивают эгоизм татар реакцией *себя* (P2 – 0,02), набожность – реакцией *Аллаха* (P2 – 0,02) и важность семейных уз – реакцией *родственников* (P2 – 0,02). Значимость семьи для татар проявляется через автостереотипные реакции *родителей* (T – 0,02), *родных* (T – 0,02), *детей* (T – 0,02), *семью* (T – 0,047), *посиделки с семьей* (T – 0,02). Любовь татар к семье отмечена Русскими 1 и Русскими 2 через реакции *семью* (P – 0,015) и *свою семью* (P2 – 0,06), причем Русские г. Казани чаще реагировали данным ассоциатом. Татары признают, что любят *людей* (T – 0,02), *все и всех* (T – 0,02), *жизнь* (T – 0,02), *чистоту* (T – 0,02). Любовь татар к Родине и своей культуре отмечают Русские 1 через реакции *Татарстан* (P1 – 0,025), *Казань* (P1 – 0,02), *(свою) страну* (P1 – 0,01), *свою (национальную) культуру* (P1 – 0,01) и Русские 2 – через реакции *народные танцы* (P2 – 0,02), *(свою) Родину* (P2 – 0,03) и топоним *Бугульму* (P2 – 0,02) (город в Республике Татарстан).

Интересной, на наш взгляд, является реакция *сабантуй* (T – 0,038) в тематической подгруппе «реалии» АП Татар. Сабантуй – этнически маркированный народный праздник окончания весенних полевых работ, который имеет определенный набор обрядов, атрибутов, увеселений. В традиционном быту сабантуй является активно функционирующим явлением этнической культуры татарского народа [7, с. 387]. Наличие данной национально-культурно детерминированной реакции свидетельствует о важности для татар сохранения культурных традиций.

Самой частотной реакцией подгруппы «реалии» в АП Русских 1 является ассоциат *коней* (0,045), который не отражен в АП Русских 2 и Татар. Информанты г. Калуги склонны предполагать, что автохтонное население республики предпочитает *пышные праздники* (P1 (0,025)), *застолье* (P1 – 0,015), любит *спорт* (P1 – 0,01), *природу* (P1 – 0,01), *сабли* (P1 – 0,01) и *деньги* (P1 – 0,01). Нетитульное население республики также

сообщает, что татары любят *праздники* ($P2 - 0,02$), но еще *золото* ($P2 - 0,02$) и *веру* ($P2 - 0,02$).

Анализ совпадающих реакций показал, что Русские 1, Русские 2 и Татары дали 123 одинаковые ассоциации. Все три группы в той или иной степени отметили, что татары любят есть, к гастрономическим пристрастиям отнесли чак-чак, блюда национальной кухни или еду вообще. Важным для татар является семья. Среди персоналий татары выделяют представителей своего этноса.

К ценностям автохтонного населения Республики Татарстан респонденты также отнесли национальную культуру и Родину, что выражено семантически однородными ассоциатами в АП трех групп.

Анализ распределения ассоциатов по тематическим подгруппам внутри АП «Ценности и пристрастия» Русских 1, Русских 2 и Татар выявил незначительные расхождения в распределении реакций по тематическим подгруппам. Наибольшее количество ассоциатов мы находим в подгруппе «гастрономические пристрастия». Важно отметить, что Русские 2 и Татары давали в два раза больше, по сравнению с Русскими 1, согласованных реакций, отражающих кулинарные предпочтения и традиции татар. Тематическая подгруппа «любимые виды деятельности» также относится к ядру АП, однако татары значительно чаще упоминали любимые виды занятий. Персоналии в АП Русских 2 занимают ядерную позицию, а в АП Русских 1 и Татар – периферийную. СИЯ тематической подгруппы «реалии» является приблизительно одинаковым среди трех групп и превышает отметку 0,15, что позволяет отнести рассматриваемую подгруппу к ядерной зоне АП.

Статистика отрицательных и положительных/нейтральных частотных реакций выявила незначительный процент отрицательных частотных реакций в АП Русских 1 (2%) (реакция *воевать* 3/0,015) и отсутствие отрицательных частотных реакций в АП Татар и Русских 2.

Выводы

Сопоставление содержания АП «Ценности и пристрастия» Русских 1, Русских 2 и Татар показало небольшой процент согласованности стереотипов, которые отличаются индексом яркости. Авто- и гетеростереотипы татар в той или иной степени совпали в шести ассоциатах, а о патриотичности татар (седьмой этнический стереотип) можно говорить на основании семантически схожих реакций в АП трех групп. По мнению респондентов, татары любят свою семью, представителей своего этноса, свою культуру и Родину. Любимым занятием татар является прием пищи. К гастрономическим пристрастиям относятся блюда национальной кухни вообще, но чаще всего информанты называли чак-чак. Реакции на стимул (вопрос) в основном направлены на описание кулинарных предпочтений, причем Русские 2 и Татары давали в два раза больше, по сравнению с Русскими 1, согласованных реакций,

отражающих кулинарные традиции татар. Так информанты (Русские 2 и Татары) сошлись во мнении, что кроме чак-чак татары любят эчпочмаки (треугольники), бэлеш и чай. В тематической подгруппе «Любимые виды деятельности», которая занимает ядерную зону в АП трех групп и которая представлена значительным количеством реакций в АП Татар (СИЯ=0,46), мы находим совпадение реакций *принимать гостей* и *общаться*. Таким образом, помимо выше представленных семи этностереотипов татар, можно особо отметить их любовь к эчпочмакам (треугольникам), бэлешам и чаю, а также их гостеприимство и общительность.

Русские 1 равномерно распределили реакции по тематическим подгруппам, за исключением подгруппы «Персоналии», которая находится на ближней периферии АП. Реакции респондентов совпадают в некоторых ассоциатах с реакциями Русских 2 и Татар, однако наблюдается много расхождений, из чего можно сделать вывод, что этнические гетеростереотипы Русских 1 отличаются большей степенью абстрактности и неточности. Русские 2 чаще всего называли гастрономические предпочтения и кулинарные традиции татар, хотя остальные реакции распределены практически равномерно среди тематических подгрупп. Реакции русских г. Казани совпадают в большей степени с реакциями татар и в меньшей степени с реакциями русских г. Калуги. Татары при ответе на стимул руководствовались в основном знаниями из области гастрономических пристрастий и любимых видов деятельности представителей своего этноса, хотя не исключали реалии и персоналии.

1. Бартми́нский Е.Л. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) / Е.Л. Бартми́нский // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сборник статей. – М., 2009. – С. 11-21.

2. Виноградова О.Е. Психолингвистические методы и задачи исследования / О.Е. Виноградова // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Из-во «Истоки», 2016. – Вып. 3. – С. 29-32.

3. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции: Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов и др. – М., 1994. – Ч. I. – С. 190-218.

4. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850-1880-е гг. / А.В. Павловская. – М.: Издательство МГУ, 1998. – 304 с.

5. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – Изд. 5. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

6. Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

7. Урозманова Р.К. Праздники / Р.К. Урозманова // Серия «Народы и культуры», Татары. – М.: Наука, 2001. – С. 376-403.

8. Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание / Н.В. Уфимцева // Язык и культура: сб. статей. – 2009. – № 4 (8). – С. 98-111.

9. Уфимцева Н.В. Россия и русские в исторической перспективе: взгляд европейцев / Н.В. Уфимцева // Межэтническое общение: контакты и конфликты: сборник статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Институт языкознания РАН – МИЛ, 2012. – С. 73-79.

10. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102-110.

11. Уфимцева Н.В. Актуальные проблемы проведения и интеграции результатов психолингвистических экспериментов (материалы круглого стола) / Н.В. Уфимцева, А.В. Рудакова, И.А. Стернин, М. Дебрэнн, Л.О. Бутакова // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Из-во «Истоки», 2016. – Вып. 3. – С. 4-19.

12. Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей / Г.А. Черкасова // Общение. Сознание. Межкультурная коммуникация: сб. статей / Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 227-244.

А.В. Рудакова, Н.В. Вальтер (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ «МОЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

В современном языкознании не существует единого мнения в отношении семантики местоимений. Основные отличия в точках зрения исследователей сводятся к следующим утверждениям; 1) местоимения обладают своим собственным лексическим значением [3; 7; 9]; 2) местоимения лишены конкретного лексического значения, они обладают обобщенным значением, которое актуализируется в контексте или речевой ситуации [2; 5]; 3) существует особый тип значения – «местоименный» [10; 11].

Н.Г. Мойсеенко отмечает, что наличие у местоимений конкретного лексического значения отрицается на том основании, что они не называют предмет, признак, свойство или свойство свойства прямо, а лишь указывают на них. Их значение определяется как общее или обобщенное, конкретизирующееся ситуацией. Все приведенные выше характеристики содержания местоимений указывают на его более абстрактный характер по сравнению с содержанием существительного, прилагательного и наречия, которые называют предметы, признаки и свойства. Однако, по мнению Н.Г. Мойсеенко, более обобщенный и абстрактный характер значения той или иной языковой единицы не должен отождествляться с отсутствием лексического значения [6].

Цель данного исследования – изучение семантики местоимения «мой» в сознании носителей русского языка.

Материалом исследования послужили ассоциативное поле стимула «мой», представленное в «Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе» [13], а также данные толковых словарей русского языка [1; 4].

Приведем *лексикографическое значение* слова «мой» по данным толковых словарей русского языка:

1. Принадлежащий мне, свойственный мне. *Мой дом. Моя книга. Мое пальто. Мой возраст. Моя точка зрения. Мой характер.*

// Исходящий от меня; осуществляемый, производимый мной. *Мой труд. Мой совет. Мое письмо. Мое дело.*

// Переживаемый, испытываемый мною. *Мои радости. Моя скорбь. Мои чувства.*

2. Связанный со мной отношениями родства, дружбы и т.п. *Мои друзья. Мои родственники. Моя семья. Мои одноклассники.*

// Руководимый мною. *Моя бригада. Мой класс.*

// Такой, к которому я принадлежу, частью которого я являюсь. *Моя родина. Мой завод. Мой коллектив. Моя группа. * Широка страна моя родная* (Лебедев-Кумач).

// Предложенный мною в качестве предмета рассмотрения, разговора и т.п. *Обсуждение моей темы, моих замечаний. Обрати внимание на мои слова. * Вот мой Онегин на свободе* (Пушкин).

Мой. Разг. О муже, возлюбленном. *Мой пошел на работу.*

Таким образом, лексикографическое значение слова «мой» представлено восемью семемами.

Представим ассоциативное поле стимула «мой» (свободный ассоциативный эксперимент).

САЭ МОЙ 531: дом 87; друг 58; мир 36; твой 31; телефон 17; собственность 15; любимый 14; родной 12; день 11; свой 10; личный 9; парень, собственный 8; город 7; брат, муж, рай, сын 5; компьютер, отец, человек 4; единственный, кот, мозг, мой, мужчина, навсегда, наш, ничей, папа, ребенок, характер 3; автомобиль, адрес, Бог, вещь, взгляд, возраст, герой, дневник, долг, дорогой, и больше ничей, иметь, край, милый, мое, мяч, номер, ответ, приятель, свет, собственник, стиль, судьба, эгоизм, язык 2; ту, авто, айпед, байк, бедный, близкий, вакуум, ваш, Вероника, вечер, вой, вред, выбор, генерал, глаз, голос, делиться, диплом, диск, документ, долг принадлежит мне, дух, значит мой, игрушка, интеллект, каприз, класс, ключ, комп, конечно мой, конспект, кролик, кумир, листик, личность, личный состав, любимый урок, маразм, марсианин, местоимение, Мойдодыр, молодой человек, мотоцикл, народ, не мой, не отдам, неприкосновенность, ничей другой, нужный, объятия, окно, он, палец, паспорт, план, подарок, попугай, портрет, посуду, почтальон, привязанность, прижать, принадлежит, принадлежность, пульт, путь, род, сад, самокат, сервачок, стол, студенческий билет, только, ты!!!, учебник, хомяк, хорошо, частный, член, чужой, шанс, штора, щенок, эго, я, Я 1; 531+143+7+86.

Далее ассоциаты поля были обработаны методом семантической интерпретации и сформулировано *психолингвистическое значение слова*

«мой» [8; 12]. Определялись совокупный индекс яркости семемы (СИЯ как отношение ассоциатов, вербализующих отдельную семему, к общему числу ассоциатов поля), индекс яркости семы (как отношение количества ассоциатов, вербализующих сему, к общему числу ассоциатов поля). Отдельно отмечены семы с индексом яркости менее 0,01.

МОЙ

1. Принадлежащий мне

Принадлежащий, свойственный 0,08 мне 0,03 (предмет), (животное); это, например, дом 0,16; телефон 0,03; собственность 0,03;

то же, что свой 0,02; личный 0,02; собственный 0,02;

противоположно твой 0,06;

Менее 0,01: это, например, компьютер, кот, мозг, автомобиль, адрес, вещь, дневник, мяч, номер, язык; авто, айпед, байк, глаз, диплом, диск, документ, игрушка, ключ, комп, конспект, кролик, листик, личность, мотоцикл, окно, палец, паспорт, подарок, попугай, портрет, пульт, сад, самокат, сервачок, стол, студенческий билет, учебник, хомяк, член, штора, щенок; это навсегда, является неприкосновенным, этим можно делиться; бывает общим; нужный мне, к этому испытывают чувство привязанности; то же, что мое, ничей другой, частный; противоположно ничей, ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *ту*, это местоимение, является показателем рода имени существительного; символическая актуализация – прижать; коммуникативная реакция – не отдам; вызывает одобрение.

СИЯ 0,53

Пример употребления: *Принесите мое пальто.*

2. Связанный со мной отношениями родства, дружбы

Связанный со мной 0,03 отношениями родства 0,02; отношениями дружбы 0,12, любви 0,06,

противоположно твой 0,06;

Менее 0,01: связанный отношениями родства, это, например, брат, сын; отец, папа, ребенок; связанный отношениями дружбы и любви, это, например, муж, человек; мужчина, Бог, герой, дорогой, милый, приятель, бедный, близкий, Вероника, генерал, кумир, молодой человек, ты!!!; связанный деловыми отношениями, например, почтальон; может быть общим; это навсегда; противоположно ваш, не мой, чужой; известно выражение «ты мой герой», известен роман Т. Устиновой и сериал «Мой генерал», выражение «мой генерал», песня М. Хлебниковой «Мой генерал»; известна американская комедия «Мой любимый марсианин»; известны стихи Б.Окуджавы «Мой почтальон»; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *ту*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,30

Пример употребления: *Мой папа – самый сильный мужчина.*

3. Такой, к которому я принадлежу

Такой, к которому я 0,3 принадлежу; это, например, мир 0,07; город 0,01;

то же, что свой 0,02;

противоположно твой 0,06;

Менее 0,01: это, например, рай, край, класс, народ, род; противоположно ваш, не мой, чужой; это навсегда, близкий мне; известна песня певицы МакСим «Мой рай»; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *ту*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,22

Пример употребления: *Моя родина ждет от меня подвигов.*

4. Осуществляемый, производимый мной

Осуществляемый, совершаемый мною 0,04 (объект); это, например, день 0,02;

то же, что свой 0,02; личный 0,02; собственный 0,02;

противоположно твой 0,06;

Менее 0,01: долг, взгляд, ответ, свет, стиль, судьба, язык; вакуум, вечер, вой, вред, выбор, каприз, любимый урок, объятия, план, путь, шанс; бывает общий; то же, что частный; противоположно ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *ту*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,20

Пример употребления: *Тебе мой совет не нужен.*

5. Свойственный мне, характерный для меня

Свойственный мне, характерный для меня 0,03 мне 0,03 (объект);

то же, что свой 0,02; личный 0,02; собственный 0,02;

противоположно твой 0,06;

Менее 0,01: это, например, характер; возраст, свет, эгоизм, язык; голос, дух, личность, интеллект, любимый урок, маразм, привязанность; противоположно ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *ту*, это местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,17

Пример употребления: *Вам лучше не знать мой возраст.*

6. Руководимый мною

(Руководимый мною, преданный мне);

то же, что свой 0,02; личный 0,02;

противоположно твой 0,06;

Менее 0,01: это, например, класс, личный состав, народ; противоположно ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *ту*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,09

Пример употребления: *Как руководитель я заявляю: в моей бригаде никогда не будет воровства.*

7. Возлюбленный, муж

Возлюбленный 0,06;

то же, что любимый 0,03;

Менее 0,01: муж; обнимает; это, например, ты, он; то же, что муж, единственный, дорогой, милый.

СИЯ 0,08

Пример употребления: *Мой вчера не пришел домой.*

8. Очищать

Менее 0,01: очищать (что-либо от грязи), например, посуду; метаязыковые признаки – относится к глаголу, входит в состав слова «Мойдодыр».

СИЯ 0,006

Пример употребления: *Мой руки перед едой!*

Не актуализированные в эксперименте лексикографические семемы:

ТСЕ: Переживаемый, испытываемый мною. *Мои радости. Моя скорбь. Мои чувства.*

Неинтерпретированные реакции 0,009 (*мой 3, значит мой, конечно мой*)

Неактуально 0,01

Анализ психолингвистического значения местоимения «мой» показывает, что

- для носителей языка актуальны все значения слова «мой» (кроме значения «переживаемый, испытываемый мною»);
- наиболее ярко представлены семемы – «принадлежащий мне» и «связанный со мной отношениями родства, дружбы»;
- в языковом сознании отдельно представлены значения «принадлежащий мне» и «свойственный мне, характерный для меня» (в лексикографическом значении не разделяются);

- в языковом сознании с лексемой «мой» связаны два значения, которые не соотносятся лексико-грамматическим значением местоимения, – «возлюбленный, муж» (субстантивированное слово) и «очищать» (глагольная категория); в языковом сознании местоименные и неместоименные значения слова не разделяются;

- значения слова «мой» в основном вычленяются по сочетаемости с существительными, семантика которых указывает на значения местоимения.

Таким образом, психолингвистическое исследование семантики местоимения «мой» подтверждает мысль о том, что местоимения имеют полноценное (как у прилагательных в данном случае) значение.

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
2. Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка / Г.А. Вейхман. – М.: Астрель, 2002. – 543 с.
3. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. – М.: Высшая школа, 1974. – 165 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова // URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения 02.01.2017).
5. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 283 с.
6. Мойсенко Н.Г. Семантика местоимения: постановка проблемы: [Электронный текст] / Н.Г. Мойсенко // <http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/4543/1/136-145.pdf>
7. Ревзина О.Г. К вопросу о семантике местоимений / О.Г. Ревзина, С.Р. Членова // Вопросы семантики: дискуссия на расширенном заседании филологической секции Ученого совета Института востоковедения: тезисы докладов. – М., 1971. – С. 157-159.
8. Рудакова А.В. Алгоритм описания психолингвистического значения слова / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №4. – С. 100-108. // <http://tverlingua.ru/>
9. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи / О.Н. Селиверстова. – М.: Высшая школа, 1988. – 215 с.
10. Смирницкий А. Морфология английского языка / А. Смирницкий. – М.: ИЛИЯ, 1959. – 440 с.
11. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1974. – 142 с.
12. Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.
13. Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус: Т. 1: От стимула к реакции: [Электронный текст] / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. – М., 2014. – С. 118 // http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА (на примере предлога «с»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

В последние годы в русистике обозначился интерес к выявлению и описанию семантики служебных слов, в частности предлогов, традиционно оценивавшихся как лексически неполноценные.

Опираясь на опыт зарубежных лингвистов и в сотрудничестве с ними, ведущие отечественные специалисты (О.Н. Селиверстова, Г.Е. Крейдин, Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян и др.) предприняли ряд описаний, в которых продемонстрированы основные идеи и методики исследования лексического значения предлогов [2; 4-9; 12; 13; 15 и др.]. Однако эта работа далека от завершения, необходимым остается этап семантического портретирования практически каждого из русских предлогов, т.к. опубликованные работы по преимуществу выполнены в сопоставительном с иностранными языками плане и касаются, как правило, групп предлогов.

Предметом описания в данной статье выступила семантика многозначного первообразного русского предлога с.

Цель данного исследования – изучение семантики предлога «с» в сознании носителей русского языка.

Материалом исследования послужили ассоциативное поле стимула «с», представленное в «Русском ассоциативном словаре-тезаурусе» [10], а также данные толковых словарей русского языка [1; 3].

Представим ассоциативное поле стимула «с» (свободный ассоциативный эксперимент).

САЭ С 77: ним 11; вместе 6; тобой 5; в, другом 3; к, кем, нет, с 2; без, вокзала, головой, горем, до, друг, елки на полку, мной, нами, начала, ого!, окна, около, парнем, по, подругой, праздником, предлог, р, с козой, слева, слово, союз, стол, т, там, тебе с ним, чего, чувством, этим, 7, 8-ми 1; 77+41+9+32.

Далее ассоциаты поля были обработаны методом семантической интерпретации и сформулировано *психолингвистическое значение слова «с»* [11; 14]. Определялись совокупный индекс яркости семемы (СИЯ как отношение ассоциатов, вербализующих отдельную семему, к общему числу ассоциатов поля), индекс яркости семы (как отношение количества ассоциатов, вербализующих сему, к общему числу ассоциатов поля).

С

1. Указывает на лицо, предмет, участвующие во взаимном или совместном действии

(Указывает) на лицо 0,12, (предмет), участвующие во взаимном или совместном действии 0,08; это, например, (делать что-либо) с ним 0,16, с другом 0,05, с парнем 0,01, с подругой 0,01, с козой 0,01, с головой 0,01, (купить) со столом 1 0,01, (испытывать) с чувством 0,01, с горем 0,01, с этим 0,01;

противоположно без 0,01, нет 0,03;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,58

Пример употребления: *Дочь с мамой пошли гулять.*

2. Указывает на то, на что направлено действие

(Указывает на что-то), лицо 0,13, (на которые направлено действие); это, например, (познакомить) с ним 0,14, с другом 0,03, с парнем 0,01, с подругой 0,01, (поздравить) с праздником 0,01, (играть) с козой 0,01, с головой 0,01, (бороться) с чувством 0,01, с горем 0,01, (помочь) с этим 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,47

Пример употребления: *Играть с собакой было весело.*

3. Указывает на кого- или что-либо, находящемся в каком-либо состоянии, положении

(Указывает) на кого-либо 0,12, (что-либо), (находящемся в каком-либо состоянии, положении); это, например, (беда) с ним 0,14, с другом 0,05, с парнем 0,01, с подругой 0,01, с козой 0,01, с головой 0,01, с этим 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,42

Пример употребления: *С другом вчера приключилось странное.*

4. Указание на что-то, откуда направлено движение

(Указывает) на место 0,01, предмет 0,01, (откуда направлено движение или действие);

противоположно в 0,04, к 0,03, до 0,01;

это, например, (вернуться) с вокзала 0,01, (взять) с елки на полку 0,01, с окна 0,01, со стола 0,01, с чего 0,01, (сойти) с начала 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,21

Пример употребления: *Возьми книгу с полки.*

5. Указывает на место возникновения, происхождения какого-л. предмета, лица, признака

(Указывает) на место 0,03 возникновения чего-либо; например, (ехать) с вокзала 0,01, (начать) с начала 0,01, с окна, со стола 0,01, с чего 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,13

Пример употребления: *С мероприятия все шли веселые.*

6. Указывает на наличие чего-либо в чем-либо у кого-либо

(Указывает на наличие чего-либо у кого-либо); например, (человек) с головой 0,01, с чувством 0,01, (комната) со столом 0,01, с этим 0,01;

противоположно нет 0,03, без 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,13

Пример употребления: *Покупатели с большими деньгами сейчас редкость.*

7. Указывает на средство, способ, характер осуществления действия

(Указывает на средство, способ осуществления действия); например, (уйти) с головой 0,01, (делать) с чувством 0,01, с этим 0,01, (жить) с праздником 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,09

Пример употребления: *Он жил с праздником в душе.*

8. Буква русского алфавита

(Буква русского алфавита) 0,09.

СИЯ 0,09

Пример употребления: *Здесь надо писать «с».*

9. Согласный звук

(Согласный звук) 0,09.

СИЯ 0,09

Пример употребления: *Она отчетливо произнесла «с».*

10. Указывает на меру чего-либо; около

(Указывает) на приблизительную меру 0,01 чего-либо;
то же, что до 0,01, около 0,01, по 0,01;
метаязыковые признаки – предлог 0,01; является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,08

Пример употребления: *Буду отдыхать примерно с неделю.*

11. Указывает на время, период, срок осуществления какого-либо действия

(Указывает на время осуществления действия); например, (жить) с начала 0,01, с 7 0,01, с 8-ми 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,08

Пример употребления: *Начать нужно с семи утра.*

12. Условное сокращение слова «страница»

(Условное сокращение слова «страница»); то же, что (по-английски) «р.» 0,01; это, например, страница №7 0,01;

метаязыковые признаки – является словом 0,01.

СИЯ 0,04

Пример употребления: *Смотрите на с. 157.*

13. Вносит значение образа действия, места, направления, причины

(У наречий вносит значение образа действия, места, направления, причины); например, сначала 0,01, слева 0,01.

СИЯ 0,02

Пример употребления: *Слева был большой дом.*

Не актуализированные в эксперименте лексикографические семемы:**Предлог**

1 Указывает на причину, основание, источник какого-л. действия, состояния.
Устать с дороги. Умереть с голоду. Сделать что-л. со зла. Сгореть со стыда. Покатиться со смеху. Беситься с жиру. Разозлиться ни с того ни с сего. Напечатать интервью с согласия автора. Жениться с благословения родителей. Красный с мороза. Трудно с непривычки. Критиковать с позиций материализма.

2. Указывает на цель действия. *Прийти с отчетом. Обратиться с просьбой. Явка с повинной. Ухаживать с серьезными намерениями.*

3. Указывает на меру, служащую дополнительной к основной. *Взыскать долг с процентами. Отсутствовать двое с половиной суток. Заплатить два с половиной. Отъехать семь верст с гаком.*

4. В составе сложных предлогов и предложно-падежных сочетаний: рядом с, начиная с, вровень с. *Жить рядом с заводом. Болеть начиная с весны. Береза вровень с избушкой.*

5. -С, частица. (после любого сл. в речи). Употр. для придания речи оттенка почтительного подобострастия или для выражения шутки, иронии. *Слышишь меня? - Да-с. Кому всё это нужно-с, извольте спросить?*

Приставка

1. Вносит зн. движения сверху вниз. Спрыгнуть, сползти, стечь, скатиться, сбросить. 2. Вносит зн. удаления с какой-л. поверхности, какого-л. места. Сбрить, скосить, спилить, смыть, срезать. 3. (обычно с частицей -ся) Вносит зн. движения с разных сторон к одной точке, сосредоточения в одном месте. Сбежаться, слететься, съехаться, сгрести, сселить. 4. Вносит зн. сближения, соединения, скрепления чего-л. Связать, склеить, склеиться, сцепить, сцепиться, сшить. 5. (с частицей -ся) Вносит зн. взаимного действия. Сговориться, сработаться, сыгаться. 6. Вносит зн. сравнения чего-л. с чем-л., приблизительного приравнивания чего-л. к чему-л. Сверить, сличить, сравнить. 7. Вносит зн. воспроизведения чего-л. Списать, срисовать. 8. Вносит зн. израсходования чего-л. в результате действия. Скормить, спить. 9. Вносит зн. выполнения, осуществления чего-л. Соблюсти, справиться. 10. Вносит зн. наступления какого-л. состояния, образования какого-л. признака в результате действия. Сгладить, смягчить, смягчиться, снизить, сузить. 11. Образует форму совершенного вида некоторых глаголов. Сделать, смастерить, сплясать, сыграть.

Не интерпретированные реакции 0,04 (с 2, ого!)

Не актуально 0,12

Анализ психолингвистического значения предлога «с» показывает, что

- для носителей языка актуальны все значения слова «с» как предлога (кроме трех значений);

- наиболее ярко представлены семемы – «указывает на лицо, предмет, участвующие во взаимном или совместном действии» и «указывает на то, на что направлено действие»;

- в языковом сознании не представлены значения слова «с» в качестве приставки (кроме наречного) и частицы;

- в языковом сознании представлены «непредложные» значения (буква и звук русского языка);

- значения слова «с» в основном вычлениются по сочетаемости с существительными и глаголами, семантика которых указывает на значения предлога.

Таким образом, психолингвистическое описание семантики предлога «с» подтверждает мысль о том, что предлог имеет семантическое наполнение, которое «понятно» носителям языка.

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

2. Гафарова С.Н. Семантика предлога ДО: инвентарь элементов или микросистема?: [Электронный текст] / С.Н. Гафарова // <http://rus-lang.isu.ru/about/group/gafarova/state1/>
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова // URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения 02.01.2017).
4. Иомдин Л.Л. Словарная статья предлога ПО / Л.Л. Иомдин // Семиотика и информатика. Вып. 32. – М., 1991. – С. 94-120.
5. Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка: Язык и время. – М., 1997. – С. 139-151.
6. Маляр Т.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках / Т.Н. Маляр, О.Н. Селиверстова. – Munchen, 1998. – 243 с.
7. Пайар Д. Предлог НАД: факты и интерпретации / Д. Пайар, В.А. Плунгян // Исследования по семантике предлогов. – М., 2000. – С. 83-114.
8. Плунгян В.А. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог ПОД / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – М., 2000. – С. 115-133.
9. Плунгян В.А. Полисемия служебных слов: предлоги ЧЕРЕЗ и СКВОЗЬ / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Русистика сегодня. – 1996. – № 3. – С. 1-17.
10. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
11. Рудакова А.В. Алгоритм описания психолингвистического значения слова / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №4. – С. 100-108. // <http://tverlingua.ru/>
12. Селиверстова О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия / О.Н. Селиверстова // О.Н. Селиверстова. Труды по семантике. – М., 2004. – С. 719-945.
13. Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога НА / О.Н. Селиверстова // Исследования по семантике предлогов. – М., 2000. – С. 189-242.
14. Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.
15. Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / М.В. Филипенко // Исследования по семантике предлогов. – М., 2000. – С. 12-54.

Е.В. Старостина (Саратов)

ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ ДИНАМИКИ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Одним из современных направлений исследования вербальных ассоциаций является изучение влияния различных факторов на ассоциативное поведение испытуемых и, в частности, изучение влияния возраста участников эксперимента на характер ассоциативных реакций. Работы такого рода проводятся в основном на материале детских ассоциаций, либо путем сопоставления ассоциаций детей и взрослых.

Активное изучение ассоциативного поведения ребенка начинается в конце XX – начале XXI века, именно в это время появляется целый ряд детских ассоциативных словарей. Изучение детского лексикона на материале вербальных ассоциаций, как отмечает А.П. Сдобнова, сейчас осуществляется по целому ряду направлений: моделируется лексикон ребенка в разные возрастные периоды, изучаются принципы организации внутреннего лексикона школьника, выявляется действие различных факторов в процессе становления лексикона, изучается семантическая структура слова и ее динамика, формирование значения в онтогенезе, отражение языковой картины мира в ассоциациях, исследуются отдельные категории лексико-семантической структуры, коммуникативно-семантические и лексические группы в лексиконе школьника [16, с. 21].

В целом ряде работ рассматривается такой аспект изучения детских ассоциаций, как выявление закономерностей возрастного изменения реакций, в том числе путем сопоставления ассоциаций детей и взрослых. Этот аспект представлен в работах таких исследователей, как Н.В. Уфимцева, Г.И. Николаенко, Т.Н. Наумова, Н.А. Гасица, Н.Е. Кожухова, Т.М. Рогожникова, Э.А. Салихова, Т.В. Соколова, И.Г. Овчинникова, Л.А. Дубровская, Н.Н. Береснева, Е.Б. Пенягина, И.А. Стернин, В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова и др.

Исследователи пытаются выявить, какие именно типы ассоциативных связей преобладают в ассоциациях детей того или иного возраста и как происходит приближение к взрослой норме. При этом основная сложность заключается в том, что до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, какие именно типы связей преобладают у взрослых, т.е. какова та норма, к которой «стремится» ментальный лексикон ребенка (подробнее об этом см. в работе [17]). Наличие разнообразных исследований в данных областях не позволяет, тем не менее, сделать каких-то выводов, которые можно было бы считать безусловно верными и обязательными для всех русскоязычных ассоциативных полей. Все это свидетельствует о том, что работа в данном направлении далеко не завершена и требует дальнейшего развития.

В ряде работ ставится задача установить некоторые закономерности динамического изменения реакций. Обобщая результаты проведенных исследований, следует отметить наиболее важные выводы, к которым приходит большинство исследователей:

1. С одной стороны, ряд динамических процессов носит постепенный характер, происходит последовательное сближение с взрослой «нормой» [10; 16 и др.], с другой стороны, в речевом онтогенезе выделяются так называемые критические периоды, в которые происходит скачкообразное изменение каких-либо параметров [7; 10 и др.].

2. Изменения, происходящие в лексиконе ребенка, могут быть обусловлены не только фактором возраста, на этот процесс влияет целый

ряд других факторов, в числе которых наиболее ярко выделяются такие, как гендерная принадлежность испытуемого и характер слова-стимула (его принадлежность к той или иной части речи или к определенной семантической группе, грамматическая форма) [3; 5; 9; 12; 14; 16; 21 и др.].

3. Наблюдается ярко выраженная тенденция сближения лексикона (или его ядра) ребенка с лексиконом (ядром лексикона) взрослого, который рассматривается как «норма» [11; 16 и др.].

При этом возникает закономерный вопрос: можно ли выявить подобные динамические процессы в ассоциативных полях испытуемых старшего возраста, в каком именно возрасте происходит окончательное становление лексикона личности и можно ли вообще говорить о его «окончательном» становлении?

Работ, в которых решались бы данные проблемы, не так много. Это, прежде всего, исследования Т.М. Рогожниковой и Т.Ю. Касаткиной, посвященные особенностям вербального ассоциативного поведения людей разного возраста, в том числе пожилых испытуемых [6; 14], которые показали, что значение слова развивается постепенно и этот процесс не прекращается в каком-то определенном возрасте. Как отмечает Т.М. Рогожникова, развитие значения полисемантического слова в индивидуальном сознании представляет собой непрерывный процесс, который не прекращается на протяжении всей жизни человека, поэтому говорить о «ставшем» значении слова можно лишь условно [14, с. 109].

С другой стороны, немногочисленные исследования, в которых сопоставляются ассоциации молодых людей и людей среднего и старшего возраста, показывают отсутствие существенной разницы между полученными ассоциативными полями. Так, сопоставление реакций на стимул «время», полученных от испытуемых пяти возрастных групп, в том числе группы 37-54 лет, демонстрирует относительную устойчивость ассоциативного поля после достижения испытуемыми определенного возраста [8].

Сходная картина наблюдается при анализе ассоциаций на стимулы «независимость» и «деньги» [22]. Студенты и испытуемые старше 40 лет дают на данные стимулы схожие реакции, что говорит об отсутствии у них существенной разницы в восприятии явлений, обозначенных словом-стимулом. Как считает исследователь, небольшую разницу в восприятии ценностей (в данном случае – независимости и денег) представителями старшего и младшего поколений можно объяснить принадлежностью представителей обоих поколений к одной культуре [22].

В работе И.Л. Гарбар также было доказано, что реакции современных испытуемых двух возрастных групп (18-20 лет и 35-45 лет) отличаются большим сходством, значимых различий между реакциями данных групп испытуемых выявлено не было. При этом исследователь подчеркивает, что

реакции современных испытуемых существенно отличаются от реакций студентов 90-х годов (материалы РАС) [2].

Потребность в изучении возрастной динамики не только детских ассоциаций, но и ассоциаций взрослых, существует. Многие исследователи указывают на то, что использование психолингвистических методик для изучения значения слова позволяет выявить то, что скрывается за словом не только для целого отнoса, но и для его отдельной группы (гендерной, возрастной, профессиональной и т.п.), делает возможным дифференцированное описание языкового сознания [15; 19; 20].

Однако дополнительную сложность составляет отсутствие больших массивов ассоциативных реакций, полученных от испытуемых старше 25-30 лет. Все современные ассоциативные словари русского языка содержат результаты ассоциативных экспериментов со студентами. Это в определенной степени тормозит дальнейшее изучение ассоциативных реакций носителей языка старше 30 лет.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что данная проблема еще не до конца изучена, и исследование тех динамических процессов, которые происходят в лексиконе и в языковом сознании людей среднего возраста, требует более пристального внимания.

Возрастной динамике ассоциативных полей школьников посвящен целый ряд работ В.Е. Гольдина (см. [3-5]). Исследователь говорит о том, что возрастные изменения, имеющиеся в ассоциативных полях, происходят по-разному. Как пишет автор, «у разных слов векторы развития их значений, скорость протекающих изменений и глубина преобразований не одинаковы. На материале АСШС выделяются по крайней мере четыре динамики психологических значений, условно называемые нами как «тип вхождения в лексикон», «тип усложнения», «тип стандартизации» и «тип периферийного развития». Каждый из типов может быть представлен через характеристики эталонного для него ассоциативного поля» [5, с. 25].

Мы попытались продолжить изучение динамики психологических значений слов-стимулов, сопоставив данные АСШС и наш ассоциативный материал – базу данных ассоциаций современных носителей русского языка в возрасте от 17 до 55 лет. Данная база ассоциаций существует в электронном виде (используется программа Microsoft Access). Объем базы составляют 979 анкет, в которых содержится 48950 реакций на 100 стимулов.

Испытуемыми являлись в основном жители г. Саратова, г. Энгельса и различных городов и поселков Саратовской области (Петровск, Александров Гай, Калининск, Вольск, Красноармейск, Маркс, Пугачев, Ртищево, Ершов и др.), а также жители г. Камышин и г. Волжский Волгоградской области.

В качестве участников эксперимента выступали студенты трех саратовских вузов – Саратовского государственного университета, Саратовской академии права и Поволжской академии государственной службы. Специальности, которым обучались студенты, были самыми разнообразными – филология, математика, информатика, психология, философия, юриспруденция, менеджмент и государственное управление.

Поскольку опрашивались студенты не только дневного отделения, но и студенты, обучающиеся заочно, дистанционно, получающие второе высшее образование и занимающиеся на курсах повышения квалификации, возраст испытуемых колебался от 17 до 55 лет и среди испытуемых оказались лица разных профессий с разным уровнем образования (средним, средним специальным и высшим).

Таким образом, исходя из того, в АСИС собраны реакции детей 7-17 лет, а в нашем материале – реакции испытуемых 17-55 лет, мы получили непрерывную возрастную цепочку от 17 до 55 лет (школьники, молодежь, представители среднего поколения).

Исследованию подверглись 100 ассоциативных полей, стимулами являлись слова разных частей речи и разной стилистической принадлежности.

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что возрастные изменения в ассоциативных полях продолжают происходить, они не заканчиваются в каком-либо возрасте, и в нашем материале выделяется, по крайней мере, шесть типов возрастных изменений структуры ассоциативного поля. Изучение ассоциаций взрослых носителей языка позволяет добавить к выделенным В.Е. Гольдиным и А.П. Сдобновой четырем типам еще два – «тип снижения уровня стереотипности» и «тип устойчивости поля». При группировке полей и выделении типов их динамики мы учитывали следующие признаки: качество «главных ассоциатов поля», то есть реакций, имеющих частоту более 5%, и качество первой, наиболее частотной реакции; доля этих ассоциатов по отношению к общему числу реакций, то есть стандартность поля; соотношение показателей стандартности «детского» и «взрослого» поля; доля первой, самой частотной реакции по отношению к общему числу реакций; доля отказов от реагирования («нулевых» реакций) (см. подробнее [18]).

«Тип снижения уровня стереотипности» характеризуется уменьшением стандартности реакций и увеличением их разнообразия при сохранении качественного совпадения реакций первых рангов. Общая стандартность поля с возрастом уменьшается, ассоциативное поле детей более стандартно, чем поле взрослых. По этому типу изменяются реакции на стимулы, хорошо знакомые уже младшим школьникам. С возрастом представление о явлениях, стоящих за этими стимулами, становится менее стандартным (по этому типу изменяются реакции на такие стимулы, как, например, «город», «деревня», «девушка», «жена», «плохо», «хорошо»).

Рассмотрим главные ассоциаты на стимул «девушка» (см. Таблицу 1). Характер самой частотной реакции не меняется, у всех групп испытуемых это реакция *красивая*. При этом доля первой реакции является самой высокой у младших школьников (более 38%), у остальных групп испытуемых она колеблется в пределах 13-20%. В среднем стандартность ассоциативного поля у детей немного выше (39,45), чем у взрослых (30,2). Процентное количество нулевых ответов обозначено знаком «-».

Таблица 1

Главные ассоциаты на стимул «девушка»

АСШС				База данных ассоциаций		
1-4 кл. (222 чел.)	5-6 кл. (167 чел.)	7-8 кл. (140 чел.)	9-11 кл. (196 чел.)	17-20 лет (155 чел.)	21-30 лет (196 чел.)	31-55 лет (119 чел.)
красивая 38,28% женщина 9,9%	красивая 16,76% женщина 10,17% молодая 5,38%	красивая 20,71% молодая 8,57% женщина 6,42% парень 6,42%	красивая 20,4% парень 9,18% женщина 5,61%	красивая 20,65% парень 10,97% подруга 6,45% «-» 5,16%	красивая 13,29% «-» 9,09% женщина 6,29% подруга 5,59%	красивая 19,81% «-» 7,55% молодая 7,55%
стандартность ассоциативного поля						
48,18	32,31	42,12	35,19	38,07	25,17	27,36
средняя стандартность детского поля – 39,45				средняя стандартность взрослого поля – 30,2		

«Тип устойчивости поля» характеризуется практически полным отсутствием каких-либо изменений: частотные реакции на данные стимулы не меняются ни качественно, ни количественно, стандартность ассоциативного поля всех групп испытуемых остается примерно одинаковой (по этому типу изменяются реакции на такие стимулы, как, например, «родина», «Россия», «народ», «папа»).

Рассмотрим главные ассоциаты на стимул «папа» (см. Таблицу 2). В данном случае практически у всех групп испытуемых (кроме последней) в качестве реакции первого ранга выступает реакция *мама*, а в качестве реакции второго ранга – реакция *отец*. У испытуемых 31-55 лет эти реакции просто меняются местами. Доля первой реакции при этом колеблется в пределах 24-39%, общая стандартность поля также меняется незначительно, колеблясь в границах от 45 до 63.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: на возрастное изменение ассоциаций влияет множество факторов: изменения в языковом сознании носителей языка, освоение ими дискурса, изменение социального положения, позиции в социуме. Особенно ярко, по нашим данным, возрастная специфика проявляется в реакциях на стимулы, семантика которых связана с возрастом человека. Изменения в

стереотипных ассоциациях связаны с тем, что: 1) испытуемый относит либо не относит стимул к себе (включает, либо не включает себя в данную возрастную группу); 2) в каждом возрастном периоде испытуемый выделяет для себя главные (определяющие) черты (например, взрослый – значит самостоятельный, молодой – значит красивый и т.п.).

Таблица 2

АСШС				База данных ассоциаций		
1-4 кл. (369 чел.)	5-6 кл. (243 чел.)	7-8 кл. (216 чел.)	9-11 кл. (227 чел.)	17-20 лет (155 чел.)	21-30 лет (143 чел.)	31-55 лет (106 чел.)
мама 43,4% отец 7%	мама 32,5% отец 10 % мой 7% «-» 6,6% родитель 5,8%	мама 39,8% отец 9,7%	мама 35,7% отец 9,7%	мама 31,6% отец 7,74% родитель 6,45% «-» 5,81% мужчина 5,16%	мама 27,27% отец 21,68% мужчина 8,39% родной 6,29%	отец 24,53% мама 16,98% семья 6,6%
стандартность ассоциативного поля						
50,4	55,3	49,5	45,4	50,96	63,63	48,11
средняя стандартность детского поля – 50,2				средняя стандартность взрослого поля – 54,23		

Рассмотрим в качестве примера вербальные ассоциации на стимул «молодежь». Реакции школьников на стимул «молодежь» относятся к «типу периферийного развития», поскольку именно этот тип характеризуется тем, что «нулевые» реакции (т.е. отказы от реагирования) занимают первое место в реакциях всех групп школьников (см. Таблицу 3). Более того, в реакциях двух групп школьников (5-6 и 9-11 классы) вообще не выделяется главных ассоциатов, т.е. ни одна реакция, кроме «нулевой», не превышает частоты 5%.

Таблица 3

АСШС				База данных ассоциаций		
1-4 кл. (186 чел.)	5-6 кл. (168 чел.)	7-8 кл. (197 чел.)	9-11 кл. (233 чел.)	17-20 лет (155 чел.)	21-30 лет (143 чел.)	31-55 лет (106 чел.)
«-» 14,5% молодые 8,6% молодой 5,9% люди 5,3%	«-» 17,8%	«-» 11,2% дискоте- ка 8,1%	«-» 6%	«-» 5,2%	«-» 13,3% веселье 5,6% юность 5,6%	подрост- ки 6,6% юность 6,6% дети 5,7%
стандартность ассоциативного поля						
19,8	0	8,1	0	0	11,2	18,9
средняя стандартность детского поля – 13,95				средняя стандартность взрослого поля – 15,05		

Как видно из таблицы, только у испытуемых старшего возраста (31-55 лет) «нулевая» реакция перестает занимать первое место, при этом у испытуемых 17-20 и 21-30 лет на первое место, как и у школьников, выходит отказ от реагирования, а молодые люди 17-20 лет так же, как и старшеклассники, не дают других частотных реакций, кроме «нулевой». Кроме того, для разных возрастных групп испытуемых характерны совершенно разные главные ассоциаты. Единственная повторяющаяся реакция – это реакция *юность*, которую дают испытуемые 21-30 и 31-55 лет.

О чем это говорит? Видимо о том, что у детей и самой молодежи (людей до 30 лет) отсутствуют общие для всех стереотипные представления о «молодежи». Главные ассоциаты, которые дают младшие школьники, не несут практически никакой смысловой нагрузки, это однокоренные со словом «молодежь» слова *молодые*, *молодой* и слово *люди* с обобщающим значением. Для школьников средних классов молодежь ассоциируется, прежде всего, с *дискотекой*, испытуемые 21-30 лет дают частотные реакции *веселье* и *юность*, а для испытуемых 31-55 лет молодежь – это *дети* и *подростки*.

Для половины испытуемых представление о молодежи настолько размыто, неустойчиво, что главных ассоциатов нет вообще (!). Возможно, отсутствие главных ассоциатов в данном случае обусловлено и тем, что слово «молодежь» отсутствует в молодежном дискурсе, то есть сами молодые люди так себя не называют. Для испытуемых 21-30 лет значение слова по-прежнему остается размытым, однако появляются частотные реакции *веселье*, *юность*. Для испытуемых 31-55 лет молодежь ассоциируется, прежде всего, с такими словами, как *дети*, *подростки*, *юность* (т.е. для них молодежь – это представители другого, более младшего поколения – дети и подростки). Следовательно, о стереотипности реакций на стимул «молодежь» говорить не приходится. Ни у одной группы испытуемых нет четкого представления об этом явлении.

Таким образом, наше исследование доказало, что изменения в структуре ассоциативных полей действительно могут быть связаны с возрастом испытуемых, и в этом случае изменения отражают динамику развития среднего носителя языка как представителя определенной возрастной группы, динамику развития его языковой и коммуникативной способностей.

Изучение возрастной динамики ассоциаций носителей языка среднего и старшего возраста, выявление изменений, происходящих в лексиконе взрослого носителя языка (если таковые имеются) – это одна из актуальных проблем современной психолингвистики, требующая дальнейшего изучения.

1. АСПС 2011 – Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I-XI классов: в 2-х т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартянов. – Саратов, 2011.
2. Гарбар И.Л. Специфика языкового сознания носителей русского языка разных поколений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Л. Гарбар. – М., 2010.
3. Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей / В.Е. Гольдин // Язык. Сознание. Культура. – М.-Калуга, 2005. – С. 172-181.
4. Гольдин В.Е. Развитие ассоциативных полей школьников по данным ассоциативного словаря / В.Е. Гольдин // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов. – М.-Калуга, 2006. – С. 79-80.
5. Гольдин В.Е. Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова // Известия Саратовского университета. – 2007. – Т. 7. Сер. Филология, журналистика. – Вып. 1. – С. 24-30.
6. Касаткина Т.Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Ю. Касаткина. – Ижевск, 2007.
7. Кожухова Н.Е. Онтогенез вербальных ассоциативных структур глаголов движения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Е. Кожухова. – Минск, 1991.
8. Кудашева А.К. Отражение возрастных особенностей новосибирцев в вербальных ассоциациях испытуемых / А.К. Кудашева // Вестник НГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – Т. 6. – Вып. 2 – С. 25-32.
9. Наумова Т.Н. О развитии значения слова в онтогенезе речи / Т.Н. Наумова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1983. – С. 109-118.
10. Николаенко Г.И. Онтогенез системных связей в лексике (психолингвистическое исследование вербальных ассоциаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.И. Николаенко; АН БССР, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1979.
11. Овчинникова И.Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей / И.Г. Овчинникова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. – № 4. – С. 85-92.
12. Овчинникова И.Г. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции) / И.Г. Овчинникова, Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, Е.Б. Пенягина. – Пермь, 2000.
13. Рогожникова Т.М. Предварительные материалы свободного ассоциативного эксперимента с русскими детьми разных возрастных групп / Т.М. Рогожникова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981. – С. 100-104.
14. Рогожникова Т.М. Психолингвистические исследования функционирования многозначного слова / Т.М. Рогожникова. – Уфа, 2000.
15. Рудакова А.В. О возможностях создания психолингвистических словарей русского языка / А.В. Рудакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-2 (52). – С. 138-141.
16. Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система / А.П. Сдобнова. – Саратов, 2015.
17. Старостина Е.В. Изучение возрастной динамики ассоциаций в современной психолингвистике / Е.В. Старостина // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.): в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань, 2016. – Т. 2. – С. 261-266.

18. Старостина Е.В. Типы возрастных изменений ассоциативного поля (на материале реакций испытуемых 17-55 лет) / Е.В. Старостина // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.): труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М., 2010. – С. 330-331.

19. Стернин И.А. Возрастная траектория развития значения слова / И.А. Стернин // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 11-14.

20. Стернин И.А. Проблемы дифференцированного описания языкового сознания / И.А. Стернин // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Ч. 1. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24-26 мая 2016 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, О.В. Баясникова, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова. – М., 2016. – С. 73-75.

21. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М., 2011.

22. Чиркова О. И. Межпоколенная специфика образов «независимость» и «деньги» в языковом сознании русских / О.И. Чиркова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 2 (293). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 74. – С. 157-162.

А.А. Талицкая, М.В. Шаманова (Ярославль)

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННЫМ ЯЗЫКОВЫМ СОЗНАНИЕМ

В последние десятилетия в русский язык интенсивно проникают лексемы английского происхождения. С.Г. Апетян отмечает: «Широкое распространение англицизмов, неизменное увеличение словообразования на основе английских морфем, аспекты употребления, а также функция воздействия на общественное сознание диктуют необходимость детального исследования заимствованной лексики в русском языке» [1].

Глобальное распространение технических средств связи, главным образом интернета, привело к проникновению в современный русский язык группы английской компьютерной лексики.

Иноязычное слово по-разному ассимилируется в языке-реципиенте. В.М. Аристова выделяет три стадии эволюции слова в чужом языке:

1) «проникновение», когда может сохраняться написание на языке оригинала, неопределенность в фонемно-графическом оформлении;

2) заимствование, когда слово постепенно осваивается языком, употребляется в различных типах речи, расширяет сферу функционирования и может получить новую интерпретацию;

3) «укоренение», когда слово полностью подчиняется нормам языка-рецептора, участвует в словообразовании и т.д. [2, с. 8-10].

Существуют различные классификации иноязычных слов. Так, например, Е.В. Маринова предлагает универсальную (по тематическому

признаку и хронологическую) и специальную (по генетическому признаку и по степени освоенности в языке) классификацию [5].

Традиционно считается, что заимствованная лексика пополняет лексический запас экономической, общественно-политической, спортивной, косметологической, технической и компьютерной сфер [3-5 и др.].

Предметом нашего исследования является лексикографическое и психолингвистическое описание значения лексем компьютерной сферы.

В данной статье будет описано значение двух лексем: *контент* и *скриншот*.

Выбранные лексемы не зафиксированы современными толковыми словарями русского языка, и их лексикографическое описание осуществляется нами на базе Оксфордского словаря.

Для описания психолингвистического значения использовался метод субъективных дефиниций. Испытуемым было предложено следующее задание:

Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте.

Продолжите фразы:

Контент – это...

Скриншот – это...

Укажите, пожалуйста, свои данные: пол _____, возраст _____.

В эксперименте приняли участие 100 студентов двух российских вузов: Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина и Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, среди них 56 мужчин и 44 женщины.

По результатам эксперимента были составлены ассоциативные поля соответствующих лексем.

КОНТЕНТ 100: содержание 13; информационное содержание 4; информация 3; источник информации 2; внутреннее содержание; возможно связано с интернетом (соединение, связь); все, что есть на сайте, содержание, любые файлы, находящиеся на сайте; годная информация; данные; дополнение содержания; дополнительное содержание; интересное содержание; интересный материал для просмотра; информативное содержание какого-либо ресурса; информативный источник, носящий познавательную или развлекающую информацию; информационное содержание от каких-либо информационных источников (ТВ, интернет и т.п.); информация в интернете; информация в определенном объеме; информация о чем-либо, на какую-либо тему; информация, дополнение; информация, которую можно получить из разных источников, в частности в интернете; информация, наполнение, содержание (чаще всего электронные); информация, содержимое; источник; какая-либо информация; какая-либо информация в любом виде (графика, звук, текст); какой-либо контакт, пространство, находится в...; канал получения информации; материал (для съемки); материал (производственный);

материал; материал для определенной аудитории (умственный); материал, содержание файла либо произведения; наполнение информацией какого-либо источника (веб-сайт); наполнение, содержание; направление в чем-либо (в музыке, в фотографии и т.д.); направление, тематика; новости, информация, различные файловые содержания, которые выкладываются в интернет; образ чего-либо, содержание; объединение людей с одинаковыми взглядами или одинаковыми целями; определенная информация, подаваемая в интернете в формате видео, картинок, текста; определенная качественно проделанная работа, выложенная в сеть; определенная направленность материала (видео, аудио, фото); определенный материал; определенный список чего-л.; основной материал или дополнение к чему-либо; посты, информация; представление, описание к-л. программы; приемник; применение чего-либо; сайт; сайт с информацией; смысловая нагрузка информации; совокупность каких-либо материалов, состав чего-л.; содержание излагаемого; содержание или дополнение; содержание информации; содержание какой-либо программы; содержание сайта; содержание страницы / канала; содержание, информация; содержание, к примеру, телепередачи; содержание, культурная составляющая; содержащаяся в чем-либо информация; содержит определенную информацию; соединение; страница с данными; творчество людей, выложенное в общий доступ в интернете; тема, тематика; тематика; содержание; трансляция; цифровой материал, выкладываемый в общедоступные ресурсы; цифровой продукт (видео, музыка и т.д.) 1; отказ 8.

Всего 92 реакции, из них различных – 76.

Ошибочными являются следующие реакции: *какой-либо контакт, пространство, находится в...; направление в чем-либо (в музыке, в фотографии и т.д.); объединение людей с одинаковыми взглядами или одинаковыми целями; определенная качественно проделанная работа, выложенная в сеть; приемник; применение чего-либо; соединение; трансляция 1.*

К ошибочным мы относим индивидуальные единичные реакции, выявленные на основе сопоставления со значением соответствующих английских лексем и с частотными реакциями, полученными в эксперименте на данный стимул.

Для описания психолингвистического значения лексемы *контент* ассоциативные реакции были подвергнуты семантической интерпретации и сформулированы как семы. Сходные семы были нами обобщены. Психолингвистическое значение лексемы *контент* сформулировано как связанное перечисление обобщенных семантических компонентов:

КОНТЕНТ – содержание 83 основного 1 источника 8 или дополнения к нему 4 (сайта 6, файла 5, программы 2, телепередачи 2, произведения 1) на определенную тему 6 (познавательная 3, культура 1, новости 1,

производственная 1, развлекательная 1, творческая 1), определенной направленности 4 (видео 2, графика 2, текст 2, звук 1, музыка 1, пост 1), выкладываемое в интернет 10 или расположенное на электронных носителях 1, цифровое 3, в определенном объеме 1, интересное 2, годное 1, для определенной аудитории 1, для просмотра 1, для съемки 1.

Сравним полученное психолингвистическое значение с лексикографическим описанием данного слова (в скобках дан дословный перевод дефиниций).

Content –

1. the things that are contained in sth (то, что содержится в чем-то).
2. the different sections that are contained in a book (разные разделы, которые содержатся в книге).
3. the subject matter of a book, speech, program, etc. (содержание книги, речи, программы и т.д.).
4. the amount of a substance that is contained in sth else (количество вещества, которое содержится в чем-либо еще).
5. (computing) the information or other material contained on a website or CD-ROM ((информатика) информация или другой материал, содержащийся на веб-странице или диске) [6].

Актуальным для русского языка оказывается значение «the information or other material contained on a website or CD-ROM», при этом наблюдается расширение семантики исходного англицизма, снятие ограничения в употреблении лексемы. Сема 'содержание' объединяет все значения лексемы *content* и является ядерной в русской лексеме *контент*. Не реализованы в русском языке первое и четвертое значение англицизма.

Опишем лексикографическое и психолингвистическое значение лексемы *скриншот*.

СКРИНШОТ 100: снимок экрана 33; фотография экрана 6; снимок экрана (компьютера, телефона) 5; снимок экрана гаджета 4; копия; снимок 3; фотография экрана на телефоне, на компьютере 2; быстрый снимок, запечатлеть; встроенная функция в телефонах, когда можно сделать фотографию рабочего стола и т.д. без дополнительных устройств; дубликат файла путем фотографирования, печати и т.п.; запечатление; запечатление вида экрана телефона (ноутбука и т.д.); картинка, на которой запечатлен рабочий стол, открытый сайт; информация, выведенная на экран устройства; копирование или фотографирование экрана или текста; копия рабочего стола на компьютере или мобильном устройстве; копия, картинка, изображение; обозначение в Интернете слов или словосочетаний, обозначается в электронной версии так – #; снимок с экрана гаджета (телефона, компьютера, планшета); снимок экрана (смартфона, ноутбука); снимок экрана какой-либо техники; снимок экрана компьютера, смартфона, планшета; снимок экрана компьютера, телефона и иной техники, где можно совершить данные действия; снимок экрана

монитора; снимок экрана рабочего стола (компьютера, телефона, планшета); снимок экрана телефона; снимок экрана телефона, ноутбука, планшета; снимок экрана телефона, планшета, компьютера; снимок экрана устройства; снимок экрана, захват экрана; сохранение изображения экрана компьютера в его памяти; сохранение текущего состояния экрана в файл; съемка экрана; фиксация экрана в виде изображения, снимок экрана; фото того, что именно показывает экран телефона, планшета; фото экрана телефона или компьютера; фото экрана устройства; фотография (снимок) экрана; фотография внутри гаджета, электронного устройства; фотография панели (экрана); фотография с монитора; фотография экрана девайса (компьютер); фотография экрана какого-л. гаджета; фотография экрана телефона, планшета, компьютера; функция на телефоне, позволяющая сделать снимки экрана; функция, позволяющая сделать снимок экрана; электронная копия картинки 1.

Всего 100 реакций, из них различных – 47.

Одна реакция (*обозначение в Интернете слов или словосочетаний, обозначается в электронной версии так – #*) является ошибочной.

Семантическая интерпретация ассоциативного поля позволяет сформулировать психолингвистическое значение лексемы *скриншот*.

СКРИНШОТ

1. Быстрый 1 снимок 106 текущего состояния 1 экрана 90 электронного 2 или мобильного 1 гаджета 13 (телефона 17; компьютера 16; планшета 7; ноутбука 3; смартфона 2) в файл 2 или в память компьютера 1, который можно распечатать 1.

Всего 263 реакции

2. Встроенная 1 функция 3 в телефонах 2, позволяющая сделать снимок экрана 2, фотографию рабочего стола 1.

Всего 9 реакций.

Сравним полученное психолингвистическое значение с лексикографическим описанием данного слова.

Screenshot – (computing) an image of the display on a screen, used when showing how a program works ((информатика) изображение дисплейной панели на экране монитора, которая показывает, как работает программа) [6].

Несмотря на наличие общих сем в русском и английском значениях ('экран', 'монитор', 'изображение'), дефиниции исследуемой лексемы не совпадают.

В русском языке лексема *скриншот* многозначная. В английском языке функционирование данной лексемы ограничено компьютерной областью, в то время как в русском языке такого ограничения не наблюдается.

Таким образом, исследуемые нами заимствованные лексемы по-разному освоены носителями русского языка.

Наиболее освоенной оказалась лексема *скриншот*, поскольку 100 испытуемых дали 100 реакций, не было отказов, лишь один испытуемый дал ошибочную реакцию, при описании значения лексемы высок процент сходных реакций (более 50%).

Лексема *контент* в меньшей степени освоена русским языковым сознанием: встречаются отказы в определении значения слова, высок процент различных реакций, присутствуют ошибочные дефиниции.

1. Апетян С.Г. Англицизмы в структуре масс-медийного и официально-делового дискурсов (лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Г. Апетян. – Краснодар, 2011. – 24 с.

2. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В.М. Аристова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 150 с.

3. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие / Л.А. Введенская, М.Н. Черкасова. – Изд. 11-е. – Ростов н/Д.: Феникс, 2011. – 380 с.

4. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социалингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

5. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. Пособие / Е.В. Маринова. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 288 с.

6. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 7-th edition. – Oxford University Press, 2005. – 1905 p.

Г.В. Токарев (Тула)

ПРОЦЕСС ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕСТА

(результаты проведения психолингвистического эксперимента)

Проблема понимания текста рассматривается в филологии уже несколько столетий, однако смена научных парадигм, появление новых лингвистических наук позволяет получать новые результаты, освещать новые грани поставленной проблемы. В частности, новый взгляд на проблему понимания содержания текста генерирует когнитивная лингвистика.

Процесс понимания может быть квалифицирован как особый вид дискурсивной деятельности. А.А. Потебня характеризовал понимание как «...повторение процесса творчества в измененном порядке...» [1, с. 122]. Нельзя не согласиться с ученым в том, что читатель свое восприятие начинает с целого произведения и для раскрытия авторского задания обращается к анализу отдельных элементов и частей текста. Очевидно, что на процесс понимания текста влияют такие факторы, как его стилевая направленность, уровень читательской компетенции. Безусловно, что художественный текст потенциально является наиболее сложным для восприятия, поскольку имеет два уровня передачи информации: прямой и

косвенный (подтекстовый), эксплицитные формы передачи авторской позиции.

Процесс понимания текста можно сопоставить с его сканированием считывающим устройством. Данный процесс протекает с неодинаковой скоростью. Отдельные отрезки текста легко распознаются. Они характеризуются понятностью, однозначностью возможной трактовки, другие связаны с трудностями декодирования. Несомненно, что процесс понимания носит субъективный характер, однако, на наш взгляд, его можно унифицировать и объективировать. Получению достоверных результатов будет способствовать учет точных параметров читательской аудитории. Экспериментальная группа должна иметь одинаковый возрастной, гендерный параметр, характеризоваться тождественным уровнем образования.

Для фиксации процесса понимания нами был проведен психолингвистический эксперимент. Магистрантам второго курса филологического направления подготовки был предложен текст стихотворения Б. Пастернака «Гефсиманский сад». Экспериментальную группу составило 14 лиц женского пола в возрасте от 24 до 27 лет. В ходе чтения испытуемым было предложено фиксировать все особенности понимания текста: остановки, размышления, обращение к ресурсам своего сознания. Эксперимент проводился анонимно, без ограничений по времени.

Изложим результаты эксперимента:

1) первая остановка в чтении после прочтения заглавия. Читатель пытается спрогнозировать, о чем может быть текст, почему выбрано это название, вспоминает, что было связано с данной номинацией;

2) остановку вызывают имена собственные, актуализирующие в сознании процессы размещения ситуации, отраженной в тексте, в системе координат времени и пространства. *«Дорога шла вокруг горы Масличной. Внизу под нею протекал Кедрон. За нею начинался Млечный Путь». // «Он вышел за Офаду»;*

3) остановку вызывают тропы. В сознании возникает конфликт между буквальным и фигуральным восприятием текста. Читатель пытается объяснить выбор тропа. *«Чтоб эта чаша смерти миновала, В поту кровавом Он молил Отца. Смягчив молитвой смертную истому» // «И, как сплавляют по реке плоты. Ко мне на суд, как баржи каравана. Столетия поплывут из темноты»;*

4) при отсутствии неясных элементов остановка осуществляется на границах завершенных в смысловом отношении фраз.

В ходе обработки данных эксперимента мы пришли к следующим выводам.

1. Процесс декодирования текста включает одновременно переработку фактуальной и концептуальной информации. Читатель сразу пытается

осмыслить авторское задание. После прочтения текста доминирует наращивание концептуальной информации.

2. Осмысление текста осуществляется по принципу диалога: с одной стороны, текст ставит перед читателем вопросы в виде своих элементов, читатель отвечает на них, используя ресурсы своего сознания; с другой – читатель задается вопросами, ответы на которые находит в тексте.

3. В процессе осмысления текста читатель сталкивается с трудными, неоднозначно интерпретируемыми элементами текста, которые выступают своеобразными катализаторами данного процесса.

4. Для решения проблемных с точки зрения понимания элементов текста читатель обращается либо к левому контексту, осмысляя его в контексте интерпретируемого знака, либо к правому контексту для поиска уточнений.

5. На процессы понимания текста влияют выделенные элементы текста: заглавие, повторы и т.п.

Потебня А.А. Мысль и язык: [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

Д.В. Третьякова (Тольятти)

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА (словари, тексты, психолингвистический эксперимент)

В данной статье нами предпринята попытка описать значение слова комплексным методом – сочетанием словарного, контекстного и психолингвистического описания.

Словарное описание выполнено методом обобщения словарных дефиниций [4-5]. Были использованы следующие словари:

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.

2. Алексеев П.А. Церковный словарь, или истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании, и содержащихся в других церковных и духовных книгах, с присовокуплением некоторых церковных ирмосов, в российском переводе изъясненных и в стихи переложенных, и степенных первого гласа. Т. 3 М-Р. – изд. 4-е, испр. и приумн. – СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1818. – 368 с.

3. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. – Т. 10. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. – 1774 стб.

4. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

5. Быков В. Русская фея: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. – München: Verlag Otto Sagner, 1992. – 182 с.

6. Даль В.И. Большой иллюстрированный словарь русского языка: современное написание: ок. 1500 ил./ В.И. Даль. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. – 348 с.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 3-е изд., испр. и доп.; Под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ: В 4-х тт. Т. 3. – СПб. – М.: Изд-во Т-ва М.О. Вольф, 1907.

8. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений, содержащий в себе объяснения малопонятных слов и выражений, встречающихся в церковно-славянских и древнеславянских рукописях и книгах..., начиная с X до XVIII вв. включительно. Пособие. Всех слов объяснено ок. 30.000. – М.: Издательский Отдел Московского Патриархата, 1993. 1120 с. (репринтное издание 1900 г.).

9. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.

10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. <http://www.efremova.info/>

11. МАС – Малый академический словарь: в 4-х тт. Т. 3. П-Р. / Ред.: А.П. Евгеньева. – М., 1957-1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984).

12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 944 с.

14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

15. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский и др.; под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

16. Толковый словарь русского языка: 4 т. Т. 3: П - Ряшка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. 1424 стб. // Энциклопедиум. http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russkogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova (дата обращения 23.06.2017).

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

18. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2-х тт. Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.

Текстовые примеры взяты из НКРЯ (газетный и основной корпус). Проанализировано 100 контекстов употребления слова ПОП. Они атрибутированы словарным значениям, полученным методом обобщения словарных дефиниций. Некоторые значения (7 и 9 значения) выявлены только из текстов и добавлены к словарным значениям.

В дальнейшем проведена психолингвистическая верификация данных значений свободным ассоциативным экспериментом с последующей семантической интерпретацией результатов (семемной и семной, [1]). Полученные значения были атрибутированы словарным и сформулированы семные психолингвистические описания данных

значений. Определялся совокупный индекс яркости семемы (СИЯ) – сумма частностей актуализовавших значение ассоциативных реакций.

Обобщенное словарное описание значения

ПОП

1. Священник русской православной церкви

Произнося обет перед налогом, ты солгала попу. А. Островский.

Отец Наташи действительно был отцом, так как был он поп, священник, иерей – Петр Гаврилович Черепанов. [М.И. Касьянов. «Телега жизни». Молодость. Ч. 2. 1921-1927 гг. (2010) // «Голос эпохи», литературно-общественный журнал. Вып. 4, 2012]

Звали его Семинарист, он учился в Ярославской семинарии, но после нее пошел не в попы, а учить детей. [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]

Самый что ни на есть настоящий поп, в рясе, с латунным крестом на груди. [Комсомольская правда, 2004.12.01]

Скажем, в России в XVI веке приближенный царя Ивана Грозного, тоже, кстати, духовное лицо, а именно поп Сильвестр, переработал и предложил вниманию общественности книгу, получившую хождение еще веком раньше, – "Домострой". [Известия, 2004.01.25]

Хозяин в тулупе, хозяйка в салопе; по правую сторону приходской поп, приходской учитель и шут, а по левую – толпа детей, старуха-колдунья, мадам и губернёр из Немцев. [К.Н. Батюшков. Прогулка по Москве (1811-1812)]

Ну, какую, на первый взгляд, угрозу представлял из себя интеллигентствующий провинциальный поп? [Известия, 2010.09.09]

С дарственной надписью: «Другу Грише в дорогу» ... Только нет у меня с собой томика, да и батюшка-поп заругался бы. [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]

Он мне сразу: «Я служитель культа – поп» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]

В текстах выявляются дополнительно следующие семантические признаки:

Авторитетное лицо, к мнению которого прислушиваются

Если поп так уверенно говорит, значит, тут что-то есть. [В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)]

Россия, в полной мере испытывавшая на себе действие чертовой мешалки, а вдобавок к тому приведшая бюджетных работников образования и здравоохранения в крайнее ничтожество, вряд ли может рассчитывать на скорое восстановление триады местных авторитетов поп – врач – учитель, но без такого восстановления у нас в авторитетах будут ходить только большой начальник вкупе с несогласным сатириком и героями «Дома-2». [Максим Соколов. Местные авторитеты // «Эксперт», 2009].

Хороший оратор

Сейчас я преподаю, я профессор, декан факультета, воспитываю своих учеников... Я, как поп, – мне нужен амвон. [Комсомольская правда, 2001.10.25]

Если будешь сильным, ни за что не пропустишь минуту, когда время начнет тебя одолевать, и вовремя заглушишь боль дорогими лекарствами, красноречивый поп заболтает страх, слепых, глухих и жадных детей заменят сиделки, наследующие твою квартиру, – я сильный, я не просто вижу все как есть, я все изменю... [Александр Терехов. Кошки // «Русская жизнь», 2012]

Человек, наделенный властью

Каков поп, таков и приход. Что ни поп, то батька.

Возможно, правы те, кто строит взаимоотношения с начальниками по поговорке "Кто поп, тот и батька" и не воспринимает близко к сердцу общение с ними. [Труд-7, 2008.03.31]

Есть жесткая зависимость состояния воинской части от способностей командования, в соответствии с поговоркой «какой поп, такой приход». [«Комсомольская правда», 2011.01.20]

Пусть поп командует, если у него так складно на земле получается! [Комсомольская правда, 2003.03.24]

Начитанный, грамотный человек

«Вы с ним, ребята, обязательно поближе познакомьтесь, – советовал он Корнилову и Визину. – Вы большие такого попа уж никогда не увидите. Академик! Умница! Таких попов наши агитбригады вам никогда не покажут! Где им!» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]

Смиренный, неприхотливый, добрый человек

Поп да петух и не евши поют. Нет у попа сапог, служит и в лаптях. Не поп, да обываем добр.

В своем по сути документальном «Острове Сахалин» Чехов с благоговением рассказывает о сахалинском священнике миссионере Симеоне Казанском, служившем там в 1870-х годах: «Почти всё время поп Семен проводил в пустыне, он замерзал, заносило его снегом, захватывали по дороге болезни, донимали комары и медведи, опрокидывались на быстрых речках лодки, и приходилось купаться в холодной воде; но всё это переносил он с необыкновенной легкостью, пустыню называл любезной и не жаловался, что ему тяжело живется». [И.А. Забежинский. «Грязен, неряха, груб, глуп и, наверное, пьяница... Боже мой, и это священник!» (2015.11.07)]

Близкий друг, которому доверяют душевные тайны

Перед тобой, что перед попом.

2. разг. пренебр. уничтожит. Священник

[Андрей, муж] И это при том, что от церквей, попов и икон и так уже не приходится ждать, а наука, в противоположность религии служащая моральному усовершенствованию человечества, принижена и не видна. [коллективный. Сергей Радонежский будет увековечен рядом с храмом (2015)]

Странников научного мировоззрения оскорбляет, когда какой-то поп освящает водичкой новое здание, – что за средневековье! [«Эксперт», 2013]

То есть закрываешь глаза, слышишь текст из "Фауста", открываешь – а это наш родной поп в рясе с властью шапки крутит. [Комсомольская правда, 2013.02.11]

Только не заблуждайся: те же попы и монахи их же и разворуют. [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

Оставив в стороне религиозную и прочую мифологию, мы смеем утверждать, что та недетерминированная материальными стимулами нравственность, на дефицит которой в материалистической психологии стало сегодня модным сетовать, куда ближе и органичнее для таких атеистов, как Б. Спиноза или Л.С. Выготский, Э.В. Ильенков или В.В. Давыдов, чем для множества суеющих в начальственных кабинетах попов с проступающими из-под рясы погонями. [А.В. Сурмава. Психологический смысл исторического кризиса (2004) // «Вопросы психологии», 2004.06.15]

И теперь ему хотелось сказать, что он всегда, не колеблясь, готов был уничтожить белогвардейских гадов, меньшевистскую и эсеровскую сволочь, попов, кулачье, что никогда никакой жалости не возникало у него к врагам революции, но нельзя же радоваться, что наряду с фашистами убивают немецких рабочих. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

– Только, пожалуйста, хороните меня без попов и без церковных церемоний. [Г.А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930)]

В текстах выявляются следующие дополнительные семантические компоненты:

Непредусмотрительный

У нас пока гром не грянет, поп не перекрестится. [Известия, 2013.10.15]

Фанатик

Тогда хитрые родственники посоветовали ей поговорить с отцом Александром, потому что знали – человек он широкий, свободный, не то что какой-нибудь попракобес, знает языки, читает книжки, чужое мнение уважает, глядишь, благословит и аборт [Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004)].

[Иван, муж] Священники – не попы с толоконными лбами, а священники – прекрасно понимают вред религиозного фанатизма для веры. [коллективный. Блог Варфоломеева на сайте радиостанции «Эхо Москвы»]

Жадный, толстый, злой, прижимистый человек

У попа не карманы, а мешки. Родись, крестись, женись, умирай – за все попу деньги подавай! Жизнь – хуже поповой собаки. Выпросить у попа кобылу. У попа телёнка выпросит. Захотели от каменного попа железной просвиры.

Встав в позу, Марк начал на всю улицу декламировать Блока: «Что нынче невеселый, товарищ поп? Помнишь, как бывало, пузом шел вперед И крестом сияло пузо на народ!» [Е. Кучеренко. О Богородице, дурочке Машке и простой человеческой жизни (2015.09.21)]

Сразу вспоминается фраза из сказки Пушкина «Не гнался бы ты, поп, за дешевизной»... [«Комсомольская правда», 2011.04.03]

А как умудрились так назвать девочку при рождении – своя история: родители тогда были бедные, за молебны мало платили, вот поп со зла и нарек свинячьим именем... [Труд-7, 2003.05.13]

Да и вообще мирные черти, вынужденные платить людям ничем не заслуженный оброк, почему-то были мне приятней и самоуверенного Балды, и жадного попа. [Фазиль Искандер. Мученики сцены (1989)]

Лишь по имени назван в рассказе Петербург, убивший молодую девушку, бледной тенью проходит сама Вера, двумя-тремя штрихами – превосходными штрихами! –

намечены добродушная старуха мать и крутой сребролюбец поп... [Л.Д. Троцкий. О Леониде Андрееве (1902)]

Продажный человек

[Виктор Тихомолов, муж] Как писал дедушка Ленин: «Не то важно, кто отстаивает непосредственно известную политику, – ибо для защиты всяких взглядов при современной благородной системе капитализма любой богач всегда сможет «нанять» или купить, или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее. [коллективный. «Русский акцент Deutsche Bank». Комментарии к статье (2015)]

Злой, внушающий страх человек

Где московский поп ступал, там добра не было! [Новый регион 2, 2010.09.14].

Из четырех лет сельской церковноприходской школы папа вышел в жизнь, зная в общих чертах лишь закон божий и страх перед попом, который хлестал линейкой деревенских ребят, да еще басню Крылова... [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994-2003)]

Завистливый человек

Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела.

Делец, ловкий и хитрый человек

Поп со всего возьмет, а с попа ничего не возьмешь.

И архиерей областной у него на крючке, лапу жирную наш поп архиерею дает. [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

Если попы ездят на «мерседесах», то всё. [Станислав Кувалдин. В окрестностях секулярного // «Эксперт», 2013]

Если у попов лимузины, они проваливаются на темный полюс восприятия. [Станислав Кувалдин. В окрестностях секулярного // «Эксперт», 2013]

Сегодня мы вновь и вновь слышим «о бездельниках и дармоедах-попах, разъезжающих на мерседесах» (хотя кроме труда физического – предстояния пред Богом на службах – священство несет подвиг труда духовного, который считается одним из самых сложных для человека). [Марина Улыбышева, Сергей Шарапов. Православие и предпринимательство // «Эксперт», 2013]

Провокатор (поп Гапон)

Как известно, народ к царю в «кровавое воскресенье» повел поп Гапон, по некоторым данным, являвшийся агентом «охранки». [Новый регион 2, 2005.01.18]

Страна должна знать свою историю и таких деятелей, как поп Гапон, который вывел людей на демонстрации, а сам исчез. [Известия, 2013.08.02]

Поп Гапон вел рабочих навстречу Кровавому воскресенью с иконами и портретами императора. [«Русский репортер», № 3 (33), 31 января – 7 февраля 2008]

Что касается этой личности, фигуры, то это – поп Гапон современности. [Известия, 2007.12.24]

Остается только нанять попа Гапона и двинуть либерально-демократические массы на Кремль, чтобы рассказать царю о злодеяниях бояр. [Сергей Доренко. Левые силы – перегрузка (2003) // «Завтра», 2003.08.13]

3. разг. Вообще – служитель культа всякого ранга

Абыз – татарский поп.

Следовало бы ожидать заведений, оставляющих огромные состояния попам различных конфессий в обмен на молитвы о посмертном обустройстве. [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]

4. только мн., собир. Разг. Духовенство

Попы собрались. И у соборных попов не без клопов.

В одном документе, относящемся к XI веку, проводится параллель между душевно-больным и пьяным, при чем говорится, что «иерей придет к беснующемуся, сотворит молитву и прогонит беса, а если бы над пьяным сошлись попы со всей земли, то не прогнали бы самовольного беса пьянства». [Ю.В. Каннабих. История психиатрии (1928)]

Агнию в семье не только никто не воспитывал верить в Бога, но наоборот: мать ее и бабушка в те годы, когда обязательно было ходить в церковь – не ходили, не соблюдали постов, не говели, фыркали на попов и везде высмеивали религию, так мирно уживавшуюся с крепостным рабством. [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]

Получил, небось, от московских попов кусок, а половину в карман, если не все две трети. [Александр Снегирев. Вера (2015)]

5. Устар. Черный поп. Священник-монах, неромонах. Монах, исполняющий обряды православного священника, неря, неромонах .

Воевода вскочил на ноги и наступал на игумена все ближе. Теперь он видел в нем простого черного попа. [Мамин-Сибиряк. Охонины брови (1892)]

6. Устар. Белый поп. Священник, принадлежащий к белому (женатому) духовенству.

Приобретение Илария для раскольников было очень важно: хотя в то время у них было довольно белых попов, но мало было черных (иеромонахов) для полного пострижения в иноческий чин. [Печерский. Очерки поповщины (1864)]

7. Ирон., в совет. время. Политработник, профессиональный коммунист.

Опять поп нас собрал на собрание и талдычил о советском патриотизме.

Политработник у них «поп», оперуполномоченный – «кум», «опер»... [Быков, 1992: 127].

8. Фигура в городках, стоящая вертикально

Выбить попа. Встать на попа.

Гробы стояли рядами, поставленные на попа, прислонились к стенам и молчали. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]

9. Популярная музыка, попса

Русский рэп, поп и всякое разное диско, сообщает мне Сережа несколько критически. [Евгения Долгинова. Пленный дух // «Русская жизнь», 2012]

Пародируя любовную попу, Стрыкало сам насочинял уйму цепких поп-песен, которые моментально разошлись в народе. [Музыка // «Русский репортер», 2014]

Это те, кто исполняет «золотой» поп для широкой аудитории. [Вячеслав Суриков, Сергей Балдин. Невидимая сторона шоу-бизнеса // «Эксперт», 2015].

10. Кличка, образованная по усеченной форме от фамилии Попов и под.

Кстати, на зоне ему дали кличку Поп. [Комсомольская правда, 2014.07.31]

Валерий Попов, имевший в уголовном мире кличку Поп, был признан виновным по статьям убийство, бандитизм, "незаконное хранение оружия" и приговорен к пожизненному заключению в колонии особого режима. [Комсомольская правда, 2012.09.11]

11. «Испорченное слово», называющее священника

*Это испорченное слово, вошедшее в употребление вместо греч. *πάππας* папа, т.е. отец [Алексеев П. 1818; Дьяченко Г. 1900].*

Результаты свободного ассоциативного эксперимента

ПОП 106: церковь 18; батюшка 10; священник, ряса 6; крест 5; толоконный лоб 4; балда, черный 3; борода, деревня, колокол, купола, священнослужитель, толстый 2; актер, алчный, белый, бог, богатый, вера, вода, вредный, вульгарное слово, высоко, гор, деревенский, жадный, «заевшийся», золото, исповедание, крестьяне, молитва, мужчина в церкви, народ, патер, попадья, поп-культура от Поперечного, поп-музыка, православие, православный, приход, рок, русские сказки, Русь, свеча, святой, сказка, сказка о попе и работнике балде, служитель церкви, Украина, церковный 1; отказ 3.

Психолингвистическое значение

ПОП

1. Священник русской православной церкви

Православный 2 (*православный, православие*) священник 19 (*священник 6, батюшка 10, священнослужитель 2, служитель церкви*), в России (*Русь*), на Украине (*Украина*);

служит в церкви 29 (*церковь 18, купола 2, колокол 2, свеча, бог, вера, церковный, приход, мужчина в церкви, золото*);

в деревне 5 (*деревня 2, деревенский, крестьяне, народ*);

одет в рясу 6, носит крест 5, бороду 2, толстый 2;

крестит 1 (*вода*), молится 1 (*молитва*), исповедует 1 (*исповедание*), святой 1;

у него есть попадья 1, отражен в русских сказках 2 (*русские сказки, сказка*)

СИЯ 83

2. разг. пренебр. уничижит. Священник

Православный 2 (*православный, православие*) священник 19 (*священник 6, батюшка 10, священнослужитель 2, служитель церкви*), в России (*Русь*), на Украине (*Украина*);

служит в церкви 29 (*церковь 18, купола 2, колокол 2, свеча, бог, вера, церковный, приход, мужчина в церкви, золото*);

негативно отражен в русских сказках 8 (*сказка о попе и работнике балде, балда 3, толокенный лоб 4*), толстый 2, вредный 1, богатый 1, «заевшийся» 1, жадный 1, алчный 1.

СИЯ 70

3. разг. Вообще – служитель культа всякого ранга

Не представлено.

4. только мн., собир. Разг. Духовенство

Черное духовенство 3, белое духовенство 1 (*черный 3, белый*)

СИЯ 4

5. Устар. Черный поп. Монах, исполняющий обряды православного священника, иерея, иеромонаха.

Монах 3 (*черный 3*)

СИЯ 3

6. Устар. Белый поп. Священник, принадлежащий к белому (женатому) духовенству.

Белый 1 (*белый*)

СИЯ 1

7. ирон., совет. время. Политработник, профессиональный коммунист

Не представлено.

8. Фигура в городках

Не представлено.

9. Популярная музыка, попса

(То же, что) поп-культура 1, поп-музыка 1; ее представляют актеры 1 (*актер*), противоположна рок-музыке 1 (*рок*).

СИЯ 4

10. Кличка, образованная по усеченной форме от фамилии Попов и под.

Не представлено.

11. Название известного видеоклипа

(Клип) поп-культура от Поперечного 1.
СИЯ 1

12. «Испорченное слово», называющее священника

Вульгарное слово 1.
СИЯ 1

То же, что патер

Не интерпретируются 2: *высоко, гор*

Не актуально 3 (отказы)

Психолингвистический эксперимент выявил новое значение – известный видеоклип (*поп-культура от Поперечного*). Представим соотношение значений, выявленных разными методами, в Таблице.

Таблица

Значение	Словари	Тексты	Эксперимент
1. Священник русской православной церкви	+	+	+
2. Священник (пренебр.)	+	+	+
3. Вообще – служитель культа всякого ранга	-	+	-
4. Духовенство	+	+	+
5. Черный поп. Монах, исполняющий обряды православного священника, иерея, иеромонах	+	+	+
6. Белый поп. Священник, принадлежащий к белому (женатому) духовенству	+	+	+
7. Политработник, профессиональный коммунист	+	+	-
8. Фигура в городках	+	+	-
9. Популярная музыка, попса	+	+	+
10. Кличка, образованная по усеченной форме от фамилии Попов и под.	-	+	-
11. Название известного видеоклипа	-	-	+
12. "Испорченное слово", называющее священника	+	+	+

Таким образом, только семь значений из 12 представлены в словарях, текстах и верифицированы психолингвистическим экспериментом – *священник русской православной церкви*; разг. пренебр. уничижит. *священник*; только мн., собир. Разг. *Духовенство*; устар. *черный поп. Монах, исполняющий обряды православного священника, иерея, иеромонах*; устар. *белый поп. Священник, принадлежащий к белому (женатому) духовенству*; *популярная музыка, попса*; *испорченное слово, называющее священника*. Остальные значения всеми тремя методиками анализа не выявляются, что свидетельствует об их периферийности в семантике слова.

Любопытно, что в современных текстах активно обсуждается специфика значения слова ПОП и возможности его употребления в речи:

Кстати, в слове «поп» нет ничего обидного. [А.А. Матвеева. Обстоятельство времени (2012)]

Священник – хотя и в слове «поп» нет ничего обидного – тихонько постучал согнутым пальцем по плечу Е.С.: как будто в калитку. [А.А. Матвеева. Обстоятельство времени (2012)]

– *Вы что, хотите с попом разговаривать? – отчего-то перепугалась Бурова.*

– *Не с попом, Лера, забудьте это слово как вульгарное.* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]

Предлагаемая методика описания семантики слова позволяет выявить наиболее актуальные значения, присутствующие в современном языковом сознании, и установить вышедшие из употребления или устаревающие значения, а также ранжировать значения по яркости и выявить ядерные и периферийные значения слова.

1. Маклакова Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е.А. Маклакова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – 277 с.

2. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова / И.А. Стернин. – Ярославль: Истоки, 2013. – 34 с.

3. Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

4. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

5. Стернин И.А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 34 с.

А.Н. Черкашин (Курск)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ – НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (на примере лексем «даг», «дагестанец», «чеченец»)

Одним из наиболее актуальных направлений в работе эксперта-лингвиста в современных политических и социальных реалиях является выявление в представленном на экспертизу тексте признаков разжигания межнациональной розни. В проведении такого рода исследований важную роль играет анализ значения слов, служащих для наименования лиц различных национальностей.

Приписывание стереотипов той или иной нации – явление весьма распространенное. Едва ли найдется хотя бы одна национальность, которая не «образовала» бы вокруг себя ряд стереотипичных представлений. На

основании этих представлений могут возникать новые значения слов, которые могут актуализироваться в речи.

К сожалению, изучение словарных статей при описании такого рода лексических единиц может оказаться недостаточным по той причине, что зачастую даже в новейших толковых словарях русского языка значение такого слова не представлено в достаточном объеме и не фиксирует в полной мере того смысла, который отражает лексема в языковом сознании носителей языка. Потому особенно важным становится экспериментальное описание значения лексем, при котором выявляется его *психолингвистическое значение* [7].

Для описания психолингвистического значения исследователю необходимы, прежде всего, данные ассоциативных экспериментов. Так, нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент с общим числом респондентов равным 112. Участникам предлагалось 25 слов-стимулов, обозначающих представителя той или иной национальности, требовалось дать на каждый стимул по одной реакции. Далее рассмотрим три примера описания психолингвистического значения лексем, служащих для наименования кавказских народностей: *даг, дагестанец и чеченец*.

ДАГ

САЭ ДАГ 112: дагестанец 18; приора 4; Дагестан 3; гад, горец, даг, иностранец, кавказец, лезгинка, хач, чурка 2; агрессия, Аю, баг, борода, вольная борьба, горы, горячая кровь, грубость, девушка, дерзкий, Дональд, Дональд даг, Дональд дак, Икра, кинжал, Мага, мальчишник в Вегасе, мафия, Махачкала, машина, мифология, молодой представитель Дагестана со всеми воплощениями стереотипов, мудила, мусульман, наглый наглый, население, неформальность, ноль пять, нос, опасно, опасный человек, поленце, простой, ругательство на дагестанцев, сокращенно от дагестанец, тонировка, фак, чересчур уверенный в себе, черная кожаная куртка, черномазый, черный 1; отказ 29.

Лексикографическое значение

1. (с тюркского) Название горного хребта; горы в Турции, Иране, Крыму, на Кавказе, в Ср. Азии, Синьцзяне [БЭС].

2. Сокращение от *дагестанский* [8].

3. Дагестанец [3].

Психолингвистическое значение

1. Дагестанец

Дагестанец 18, мусульманин 1 (*мусульман*), живущий 1 (*население*) на Кавказе 2 (*кавказец 2*), в Дагестане 5 (*Дагестан 3, Махачкала, ноль пять*),

в горах 3 (*горец 2, горы*), с бородой 1 (*борода*), в черной кожаной куртке 1 (*черная кожаная куртка*), с характерным носом 1 (*нос*), смуглый 2 (*черный, черномазый*), танцует лезгинку 2 (*лезгинка 2*), занимается вольной борьбой 1 (*вольная борьба*), бывает молодой 1 (*мальчик*), простой 1, чересчур уверенный в себе 1, опасный 2 (*опасно, опасный человек*), наглый 2, грубый 1, агрессивный 1 (*агрессия*), вспыльчивый 1 (*горячая кровь*), дерзкий 1, связан с мафией 1 (*мафия*), имеет машину 5 (*машина, Приора 4*) с тонировкой 1 (*тонировка*), имеет кинжал 1 (*кинжал*), любит девушек 1 (*девушка*), иностранец 1, похож на хача 2 (*хач 2*) и чурку 2 (*чурка 2*), носит имя Магомед 1 (*Мага*), отражает стереотипные представления о своем народе 1 (*молодой представитель Дагестана со всеми воплощениями стереотипов*), имеет негативный образ 3 (*гад, мудила, черномазый*). Всего 70 реакций

метаязыковой комментарий 3 – ругательство на дагестанцев 1, сокращенно от дагестанец 1, неформальное 1 (*неформальность*)

то же, что дагестанец 18

СИЯ 0,63

Пример употребления [НКРЯ]: «Ну да ладно, попал он в Смоленскую область, а у них же как – дагов и вообще кавказцев они стараются помногу в одну часть не отправлять». [Гулла Хирачев (Алиса Ганиева). Салам тебе, Далгат! (2009) // «Октябрь», 2010]

2. Мультипликационный герой

(Мультипликационный герой) по имени Дональд Дак 3 (*Дональд, Дональд Даг, Дональд Дак*).

СИЯ 0,03

Пример употребления: *Дональд Дак был по-прежнему популярен у зрителей.*

3. Мужское имя

(Мужское имя);

актуализация прецедентных текстов 2 – герой фильма «Мальчишник в Вегасе» 1, один из богов гермаано-скандинавской мифологии 1.

СИЯ 0,02

Пример употребления [НКРЯ]: «Это обаятельный педиатр Даг Росс, под бархатным взглядом которого млеют все представительницы прекрасного пола по ту и по эту сторону экрана». [Клариса Пульсон. Джорж Клуни – самый обаятельный доктор (1999) // «Здоровье», 1999.03.15]

4. Название горной местности

(Название горной местности);

идентификация 2 – Икра 1, Аю 1.

СИЯ 0,02

Пример употребления [НКРЯ]: *«Виктор Андроникович Мануйлов, крупнейший лермонтовед, хиромант, оккультист (отнюдь не шарлатан; о нем когда-нибудь напишу отдельно) рассказывал мне, как они (он, Максимилиан Александрович и стайка московских балеринок) поднялись на Кара-Даг в августе 1929 (как раз коллективизация – «сгонка» расцветала)».* [Василий Пригодич. Нечто и ничто (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16]

Неинтрепретируемые реакции 4 (даг 2, баг; полence)

Отказ 29

Таким образом, при описании психолингвистического значения слова «даг» были выявлены два значения этого слова, не зафиксированные в толковых словарях, а именно «мужское имя» и «мультипликационный герой».

Касательно значения «дагестанец», можно отметить наличие в нем определенного образного компонента (описание внешности, рода деятельности, характера) и коннотативного компонента, в большей степени негативного (такие очевидно негативные реакции, как *опасный, агрессивный, гад* и т.д., значительно более частотны, чем положительные и нейтральные).

ДАГЕСТАНЕЦ

САЭ ДАГЕСТАНЕЦ 112: лезгинка 11; горы 8; даг 6; Кавказ 4; танец, чурка 3; бандит, борец, борьба, война, оружие, Приора, танцы, человек 2; абрек, агрессия, арбуз, веселые песни и пляски, водник, горы красивые, гостеприимный, Гранта, Дербент, джигит, другой отморозок, заниженная машина, заниженная Приора, ишак, Кадыров, Каспий, кинжал, кирпичный завод, красавец, красные мокасины, Магги, Махачкала, машина, мокасины, наглость, национальность, нефть, нехороший человек, нос, обезьяна, овцы, опасный, патлы, пистолет, по-братски, рынок, светлокожий кавказец, серебряный браслет, сильный, сорок языков, справедливый, стрельба, такой же, как чеченец, танцует, три народности, улица, хач, хмурий, человек, живущий в Дагестане, чеченец, чужой, Шамиль 1; отказ 8.

Лексикографическое значение

1. Население Дагестана, состоящее из аварцев, кумыков, даргинцев и других народов.

2. Представители этих народов [БАС].

Психолингвистическое значение

Человек, живущий в Дагестане

Человек 2, живущий на Кавказе 4 (*Кавказ 4*), в частности в Дагестане 4 (*человек, живущий в Дагестане, Махачкала, Дербент, Каспий*), в горах 9 (*горы 8, горы красивые*), где говорят на 40 языках 1 (*сорок языков*), представитель дагестанской национальности 2 (*национальность, три народности*), отличный от русских 1 (*чужой*), любящий песни и танцы 7 (*веселые песни и пляски, танцы 2, танец 3, танцует*), в частности лезгинку 11 (*лезгинка 11*); светлокожий 1 (*светлокожий кавказец*), сильный 1, справедливый 1, красивый 1 (*красавец*), гостеприимный 1, воинственный 2 (*джигит, стрельба*), имеющий оружие 3 (*кинжал, оружие, пистолет*), занимающийся борьбой 4 (*борьба 2, борец 2*), носящий характерную одежду: красные мокасины 2 (*красные мокасины, мокасины*), серебряный браслет 1; имеющий характерный нос 1 (*нос*) и патлы 1, водит «заниженный» автомобиль фирмы «Лада» 6 (*Приора 2, заниженная Приора, заниженная машина, Гранта, машина*), торгует на рынке 1 (*рынок*) арбузами 1 (*арбуз*), содержит животных 2 (*ишак, овцы*), работает на заводе 1 (*кирпичный завод*), добывает нефть 1 (*нефть*), употребляет выражение «по-братски» 1, похож на чеченца 2 (*чеченец; такой же, как чеченец*), агрессивный 1, наглый 1 (*наглость*), опасный 1, хмурый 1, вызывает негативное отношение 3 (*обезьяна, другой отморозок, нехороший человек*), связан с криминалом 1 (*бандит*). Всего 92 реакции

то же, что 6 – хач 1, даг 1, абрек 1, чурка 3

идентификация 2 – Шамиль 1, Кадыров 1

актуализация исторических реалий 1 – война 1

СИЯ 0,82

Пример употребления [НКРЯ]: «*Старик дагестанец, серебряный, смуглый, одинокий, гордый, несколько раз на день, расстелив в уголку тряпицу, творил намаз*». [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)]

Неинтерпретируемые реакции 3 (*водник, Магги, улица*)

Отказ 8

Лексема «дагестанец», в отличие от своего симилира «даг», по результатам проведенного психолингвистического исследования имеет лишь одно значение – *представитель дагестанской народности* (зафиксировано в словарях). Однако коннотативный компонент данного слова содержит больше положительных характеристик: коэффициент реакций с однозначно положительными характеристиками составляет 0,04 (*сильный, справедливый, красивый, гостеприимный*), с негативными – 0,07, тогда как в слове «даг» однозначно негативных характеристик несколько

больше (0,13), а однозначно положительные характеристики и вовсе отсутствуют.

На основании этого мы можем сделать вывод, что разница в значениях двух лексем наиболее существенна в эмоционально-оценочном компоненте. Другими словами, в том случае если есть потребность в негативной характеристике представителя дагестанской народности, с большей долей вероятности будет использована лексема «даг», тогда как лексема «дагестанец» остается нейтральной, как стилистически, так и коннотативно.

ЧЕЧЕНЕЦ

САЭ ЧЕЧЕНЕЦ 112: война 13; борода 10; Кадыров 7; Грозный 4; Кавказ 3; бандит, боевик, борец, злой, лезгинка, народ, папаха, Рамзан Кадыров, стрельба, хач, чех, чечен, чурка 2; абрек, автомат, агрессивный, агрессия, Ахмад Кадыров, беда, бомба, военный, воин, воинственный, войны, вспыльчивый и на заниженном тазу, глотка, горец, джигит, другая религия, думает, извинения, извините, ингуш, ислам, кавказец, кровь, мужчина, опасность, оружие, отзывчивый, отморозок, Приора, Рамзан, рыжий, сабля, слишком чужой, смуглый, суровость, танец, темперамент, темный, улыбка, фу-фу, человек, живущий в Чехии, чечевица, чеченская кампания, шапка, эффект толпы и стада 1; отказ 4.

Лексикографическое значение

1. Народ Северного Кавказа, составляющий основное население Чечни.
2. Представители чеченской народности [5].
3. Десять рублей, десятка [4].

Психолингвистическое значение

1. Человек, живущий в Чечне

Представитель 1 (*мужчина*) народности 2 (*народ* 2), проживающей на Кавказе 4 (*Кавказ* 3, *кавказец*), в горной местности 1 (*горец*), в Чечне 6 (*чечен* 2, *Грозный* 4), исповедующий ислам 2 (*ислам*, *другая религия*); смуглый 2 (*смуглый*, *темный*), носит бороду 10 (*борода* 10) и шапку 3 (*папах* 2, *шапка*), занимается борьбой 2 (*борец* 2), воинственный 2 (*воинственный*, *джигит*), танцует лезгинку 2 (*танец*, *лезгинка*), отзывчивый 1, улыбается 1 (*улыбка*), вспыльчивый 2 (*вспыльчивый*, *темперамент*), ездит на «заниженном» автомобиле 2 (*на заниженном тазу*, *Приора*), похож на ингуша 1 (*ингуш*). Всего 41 реакций

то же, что 5 – хач 2, чурка 2, абрек 1

идентификация 11 – Рамзан Кадыров 10 (*Кадыров* 7, *Рамзан Кадыров* 2, *Рамзан*), Ахмад Кадыров 1

актуализация прецедентных текстов 2 – извинения 1, извините 1
СИЯ 0,36

Пример употребления [НКРЯ]: «*Мы постоянно делим: этот русский, этот чеченец, а надо бы всем соединиться*». [Алексей Балабанов: «Я снимаю не для вечности» (2002) // «Культура», 2002.04.01]

2. Боевик

Участник незаконного 2 (*бандит 2*) военного 2 (*военный, воин*) формирования 2 (*боевик 2*), вооруженный 5 (*сабля, бомба, оружие, автомат, стрельба*) и агрессивный 4 (*злой 2, агрессивный, агрессия*), суровый 1, неуравновешенный 1 (*отморозок*) и опасный 1 (*опасность*), участвует в боевых действиях 15 (*война 13, войны, чеченская кампания*). Всего 35 реакций

то же, что боевик 2

СИЯ 0,31

Пример употребления [6]: «*Конечно, можно называть Басаева и Гелаева не бандитами, а просто чеченцами, чеченской стороной, но в рамках нынешней официальной идеологии знак тождества между словами «чеченец» и «бандит» хотя бы теоретически отсутствует, а с принятием правозащитных рекомендаций тождество станет безусловным*». [Максим Соколов. 28.IX – 4.X. Рюкзачки и чемоданчики. – Physiciste atomienne. – Новое доказательство непобедимости русского народа. – Кун Фу Цзы и правозащитники. (2002) // «Известия», 2002.10.04]

3. Десятирублевая монета

(*Десятирублевая монета*);

устойчивые выражения 1 – чеченец рыжий 1 (рыжий)

СИЯ 0,01

Неинтерпретируемые реакции 8 (*беда, глотка, кровь; человек, живущий в Чехии; чечевца, эффект толпы и стада, думает, фу-фу*)

Отказ 4

При описании психолингвистического значения слова «чеченец» было выявлено одно значение, не зафиксированное словарем, – *участник незаконного вооруженного формирования*. Данное значение, вероятно, может быть использовано в ограниченном контексте (тексты о военных действиях, новостные тексты и т.д.), в результате чего является менее употребительным и распространенным.

1. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. – СПб.: Изд-во «Наука», 2004. – 1972 с.

2. Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.

3. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона / М.А. Грачев. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
4. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990 гг.) // [Электронный ресурс]: ГРАМОТА.РУ, 2002. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/>.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: В 2 т. – М.: Рус. яз. 2000. – 1209 с.
6. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.
7. Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 527 с.
8. Фадеев В. Словарь сокращений современного русского языка / В. Фадеев. – СПб.: Политехника, 1997. – 527 с.

С.А. Чугунова, Ж.П. Залипаева (Брянск)

СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ С ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКАХ (результаты эксперимента)

Идиомы, определяемые большинством лингвистов как устойчивые выражения, значения которых отличаются от значений входящих в них компонентов, распространены во всех известных языках, представляя собой языковую универсалию: рус. яз.: *грызть гранит науки* ‘усердно заниматься наукой’, *зайти в тупик* ‘растеряться’; англ. (амер.) яз.: *spill the beans* ‘проболтаться’ (букв. *рассыпать бобы*); нем. яз.: *mit einem Affenzahn* ‘чрезвычайно быстро’ (букв. *с обезьяньим зубом*) [3, р. 217]; кит. яз.: *qing1-mei2-zhu2-ma3* ‘друзья детства’ (букв. *зеленые сливы и бамбуковая лошадь*) [4, р. 506]. В отечественной лингвистической традиции идиомы соотносятся исключительно с двумя классами фразеологических оборотов – фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами [1; 2]. Англо-американская традиция рассматривает идиомы шире – как любое словосочетание, значение которого не выводится из значений составляющих компонентов (частей) [3-4].

На основании проведенных в разные годы экспериментальных исследований был предложен целый ряд моделей понимания идиоматических выражений. Различие между ними сводится к тому, что при понимании идиом идиоматические значения активизируются без доступа к буквальным значениям составляющих идиому слов, или доступ к идиоматическому значению происходит через анализ (разложение) идиомы на всех уровнях: семантическом, лексическом, синтаксическом, или в памяти параллельно активизируются и образные, и буквальные значения.

В проведенном нами разведывательном эксперименте на понимание идиоматических выражений с темпоральной семантикой на родном и иностранном языках (русский vs. английский / французский) использовались методы субъективного шкалирования и субъективной дефиниции.

В эксперименте приняли участие студенты факультета иностранных языков Брянского госуниверситета, изучающие английский или французский язык в качестве основной специальности.

Каждому респонденту раздавалась анкета со стимулами – 7 русскими идиомами и 7 идиомами на иностранном языке (английском или французском) со следующими заданиями: 1) оцените каждое выражение как знакомое или незнакомое; 2) как скорее простое или скорее сложное для понимания; 3) перефразируйте выражение на русском языке с сохранением смысла. Пользоваться словарями или иными источниками информации запрещалось. Эксперимент проводился анонимно.

Русские идиомы совпадали в обеих группах, англоязычные и франкоязычные идиомы различались. Группа с английским языком (26 человек) продемонстрировала следующие результаты (см. Таблицы 1а – 1в).

Как видно из Таблицы 1а, русские идиомы в английской группе в целом опознавались как «знакомые» и/или «скорее простые, чем сложные для понимания». Приведенные субъективные дефиниции в целом совпадают со словарными идиоматическими значениями. При этом идиомы *в час по чайной ложке*, *задним числом*, *по старой памяти* вызвали у некоторых респондентов определенные трудности, причем даже с отказом от дефиниции: *задним числом* – 5 отказов.

Таблица 1а

**Результаты эксперимента в английской группе
на материале русских идиом**

Стимулы – идиоматические выражения с идиоматическими (словарными) значениями	Знакомое / простое (кол-во ответов)	Незнакомое / сложное (кол-во ответов)	Отказ от дефиниции (кол-во)
<i>Не успеешь глазом моргнуть</i> 'молниеносно, мгновенно'	26/26	0/0	0
<i>В мгновение ока</i> 'очень быстро, мгновенно, моментально'	26/26	0/0	0
<i>Битый час</i> 'неоправданно долго и безрезультатно'	25/24	1/2	0
<i>В час по чайной ложке</i> 'понемногу и нечасто, очень медленно'	18/20	8/6	1
<i>Тянуть время</i> 'медлить в начатом деле или в осуществлении чего-л.'	25/25	1/1	0
<i>Задним числом</i> 'уже после, после всего, потом, постфактум'	21/18	5/8	5
<i>По старой памяти</i> 'по привычке'	22/19	4/7	1

В ряде случаев данные идиомы маркировались как «незнакомые» и/или «сложные для понимания». В связи с этим интересны некоторые субъективные дефиниции, которые в той или иной степени расходятся со словарными идиоматическими значениями:

- *в час по чайной ложке* – в строго отведенное время;
- *задним числом* – сделать что-то по дружбе; не как надо; неофициально; втихую; заранее; на подсознательном уровне; не по правилам; сделать что-либо кое-как; тяп-ляп; наперекосяк;
- *по старой памяти* – неточно; забыть.

Таблица 16

**Результаты эксперимента в английской группе
на материале англоязычных идиом**

Стимулы – идиоматические выражения с идиоматическими (словарными) значениями	Знакомое/ простое (кол-во ответов)	Незнакомое / сложное (кол-во ответов)	Отказ от дефиниции (кол-во)
<i>Beat the clock</i> 'уложиться с запасом / сделать что-л. раньше отведенного времени'	5/8	18/14	7
<i>Work against the clock</i> 'работать с большим напряжением, чтобы успеть в срок'	7/6	19/17	5
<i>Make good time</i> 'сделать что-л. быстрее / добраться быстрее, чем планировалось'	7/10	18/13	4
<i>Watch the clock</i> 'отсиживать часы / без интереса относиться к работе'	5/12	22/10	5
<i>Have time on your hands</i> 'иметь уйму времени'	3/9	23/13	5
<i>In the nick of time</i> 'в последний момент / как раз вовремя'	16/12	9/9	4
<i>Two-time</i> 'изменять партнеру / вести двойную игру'	5/6	21/16	7

Список англоязычных стимулов в Таблице 16 наглядно демонстрирует, что буквальные значения слов в идиомах не должны представлять каких-либо сложностей для понимания испытуемыми с развитой языковой компетентностью в иностранном языке. Однако иностранные идиомы, в отличие от русских, гораздо чаще вызывали сложности при понимании и гораздо чаще маркировались как «незнакомые» и/или «сложные для понимания», за исключением идиомы *In the nick of time*. Кроме того, при работе с англоязычным материалом испытуемые чаще отказывались от субъективных дефиниций. Что касается последних, то они очень часто не совпадали со словарными определениями (см. Таблица 1в).

Таблица 1в

**Субъективные дефиниции в английской группе
на материале англоязычных идиом**

Идиомы	Субъективные дефиниции, не совпадающие со словарными	Кол-во несовпадений
<i>Beat the clock</i>	битый час; долго; сделать с ограничением времени; тянуть время; победить время; тратить время без пользы; не успевать, опаздывать; do smth very slowly	15
<i>Work against the clock</i>	не успевать; работать наперекор времени; работать круглосуточно; время работает против тебя; время не подвластно; не рассчитать время; время не ждет; тянуть время; оттягивать момент; сделать в ограниченное время; несмотря ни на что; the time is too fast for us	15
<i>Make good time</i>	хорошо провести время; (по)веселиться; проводить время с пользой; have fun	16
<i>Watch the clock</i>	следить за временем; время на исходе; ждать чего-то; в час по чайной ложке; делать бесполезную работу очень долго; торопиться; control your moves	19
<i>Have time on your hands</i>	всё время мира в твоих руках; иметь свободное время; всё делать вовремя; время убегает; (контролировать) держать всё под контролем; всё в твоих руках; иметь время на своей стороне; распоряжаться своим временем; быть занятым человеком; следить за временем; хорошо рассчитать время; to work according to the time-table	14
<i>In the nick of time</i> 'в последний момент / как раз вовремя'	очень быстро; в один момент; в мгновение ока; в одночасье; глазом моргнуть не успеешь; нехватка времени; мало времени; отсутствие времени (сжатые сроки); в недостатке времени; когда время поджимает; не подвластно времени; do very very very fast	15
<i>Two-time</i>	дважды; два раза; в два раза дольше; на раз два; добавочное время; семь раз отмерь, один отрежь; в который раз; давно пора; делать лишний раз; в мгновение ока; занять много времени; подождите некоторое время; have a lot of time	19

Из Таблицы 1в видно, что попытки испытуемых определить идиоматическое значение стимула нередко оказывались безуспешными, и испытуемые опирались на такие стратегии, как буквальный перевод (***Have time on your hands*: всё время мира в твоих руках, всё в твоих руках; Watch the clock: следить за временем; Two-time: дважды; два раза; в два раза дольше; на раз два; Work against the clock: работать наперекор времени; время работает против тебя**), опора на фонетический образ родного слова (***Beat the clock*: битый час**), опора на известную идиому *Have a good time* (***Make good time*: хорошо провести время; (по)веселиться; проводить время с пользой; have fun**). На словарное значение идиомы *Two-time* не

вышел никто.

Группа с французским языком (27 человек) продемонстрировала следующие результаты (см. Таблицы 2а – 2в).

Сопоставление результатов в английской и французской группах при работе с русскими идиомами показывает определенные совпадения (см. Таблицу 1а и Таблицу 2а). Очевидно, что этот пласт стимулов в обеих группах чаще всего определялся как «знакомый» и/или «простой для понимания». Тем не менее, «незнакомыми» и/или «сложными для понимания» чаще других оказались одни и те же стимулы *в час по чайной ложке* и *задним числом*. В английской группе в эту категорию также вошел стимул *по старой памяти*. Больше количество отказов в дефиниции в обеих группах приходится на один и тот же стимул – *задним числом*. Приведем в качестве примера несовпадения субъективных дефиниций со словарным идиоматическим значением данного стимула в группе с французским языком: *задним числом*: *где-то в глубине памяти, заранее, не задумываясь, делать плохо*.

Таблица 2а

**Результаты эксперимента во французской группе
на материале русских идиом»**

Стимулы – идиоматические выражения с идиоматическими (словарными) значениями	Знакомое/ простое (кол-во ответов)	Незнакомое / сложное (кол-во ответов)	Отказ от дефиниции (кол-во)
<i>Не успеешь глазом моргнуть</i> ‘молниеносно, мгновенно’	25/26	2/1	1
<i>В мгновение ока</i> ‘очень быстро, мгновенно, моментально’	26/25	1/2	1
<i>Битый час</i> ‘неоправданно долго и безрезультатно’	26/27	1/0	0
<i>В час по чайной ложке</i> ‘понемногу и нечасто, очень медленно’	18/24	9/3	1
<i>Тянуть время</i> ‘медлить в начатом деле или в осуществлении чего-л.’	26/27	1/0	0
<i>Задним числом</i> ‘уже после, после всего, потом, постфактум’	24/17	3/10	4
<i>По старой памяти</i> ‘по привычке’	26/24	1/3	1

Рассмотрим результаты работы французской группы с франкоязычными идиомами с темпоральной семантикой (см. Таблица 2б).

Таблица 2б

**Результаты эксперимента во французской группе
на материале франкоязычных идиом**

Стимулы – идиоматические выражения с идиоматическими (словарными) значениями	Знакомое/ простое (кол-во ответов)	Незнакомое / сложное (кол-во ответов)	Отказ от дефиниции (кол-во)
<i>Faire des avances</i> ‘обхаживать кого-л. разг.; ‘идти навстречу кому-л’.	7/10	20/17	4

<i>Plier bagage</i> 'уходить; уезжать; смыться' прост. ; 'уходить в прошлое, безвозвратно' лит.	6/10	21/17	8
<i>Faire la grasse matinée</i> 'проспать целое утро; долго валяться, нежиться в постели по утрам' разг.	11/10	16/17	5
<i>Remettre les pendules à l'heure</i> 'не отставать от своего времени'	6/7	21/20	5
<i>De vieille souche</i> 'старой закалки; из старинного рода'	8/7	19/20	6
<i>Passer à la trappe</i> 'быть забытым, вычеркнутым из памяти'	8/7	19/20	10
<i>Au bout de l'aune faut le drap</i> 'всему приходит конец, ничто не вечно под луной'	1/1	26/26	19

Из Таблицы 2б хорошо видно, что франкоязычные стимулы вызвали у испытуемых гораздо больше затруднений, чем русские, так как гораздо чаще маркировались ими как «незнакомые» и/или «сложные для понимания». Французские идиомы также чаще, чем русские, получали отказ в дефиниции; «рекордсменом» здесь оказалась идиома *Au bout de l'aune faut le drap*. Эти результаты коррелируют с результатами в английской группе при работе с англоязычным материалом. Несовпадения субъективных значений со словарными идиоматическими значениями франкоязычных идиом, которых также гораздо больше, чем несовпадений со словарными идиоматическими значениями русским идиом, представлены в Таблице 2в.

Таблица 2в

**Субъективные дефиниции во французской группе
на материале франкоязычных идиом**

Идиомы	Субъективные дефиниции, не совпадающие со словарными	Кол-во несовпадений
<i>Faire des avances</i>	делать заранее; давать жизнь; сделать одолжение; обещать, но не выполнять обещанное; сделать авансом; давать авансы; задним числом; экономить; спешить	13
<i>Plier bagage</i>	закругляться; заранее; распрощаться с мыслью о путешествии; откладывать споры, сдаваться; тянуть за собой прошлое; запастись временем	8
<i>Faire la grasse matinée</i>	выспаться; проспать, рано, завтракать; наесться	10
<i>Remettre les pendules à l'heure</i>	возвращать на свои места; поставить рекорд; сверить часы; расставить все точки над «и»; повернуть время вспять; вернуться к прежним результатам; завести будильник; отложить на потом; «по старой памяти»; перевести часы; не спешить; качаться, как маятник	18

<i>De vieille souche</i>	старый пенёк; старые запасы; слишком старый; как в старые времена; по привычке; давно; поздно	15
<i>Passer à la trappe</i>	попасть в ловушку; забросить; уйти в никуда; обойти беду (опасность); сходить с дистанции; играть с огнём; сыграть в ящик; «проскочить»; не успеть	16
<i>Au bout de l'aune faut le drap</i>	в конце будет просвет; тянуть время; подготовиться; сделал дело – гуляй смело; без труда не выловишь и рыбку из пруда	5

Анализ субъективных дефиниций франкоязычных стимулов показывает, что здесь так же, как и в английской группе, испытуемые использовали такие стратегии, как опора на фонетический образ знакомого слова в родном языке (***Faire des avances***: *сделать авансом; давать авансы; выплясывать авансы*), буквальный перевод (***De vieille souche***: *старый пенёк*; ***Plier bagage***: *собирать чемоданы*; ***Faire la grasse matinée***: *наедаться*; ***Remettre les pendules à l'heure***: *качаться, как маятник*), опора на идиому (поговорку, поговорку) в родном языке с другим значением (***Au bout de l'aune faut le drap***: *сделал дело – гуляй смело, без труда не выловишь и рыбку из пруда*).

В результате проведенного нами эксперимента на материале идиоматических выражений на родном и иностранных языках можно сделать следующие выводы.

1. Все испытуемые поняли, что в списке содержатся идиомы, и, обладая знаниями о том, что это такое (общее значение не выводится из значений частей), пытались вывести именно идиоматическое значение. В этом нас убеждает тот факт, что, несмотря на известность всех иноязычных слов (они достаточно просты, частотны), респонденты часто отмечали выражения как «незнакомые» и/или «сложные» и даже отказывались от дефиниций.

2. Русские идиомы в целом истолкованы успешно, их субъективные дефиниции в целом совпадают со словарными, хотя встречаются и несовпадения, причем по одним и тем же идиомам, но они в меньшинстве.

3. Идиома может оцениваться как «незнакомая», но «простая для понимания», или как «знакомая», но «сложная для понимания», притом что, оценивая стимул как «знакомый» и/или «простой для понимания», субъект мог отказаться от субъективной дефиниции. Это еще раз подтверждает гипотезу о континуальности знания и гипотезу о том, что вход в ментальный лексикон обеспечивается по нескольким, но не одновременно функционирующим, направлениям.

4. При работе с иноязычными идиомами испытуемые нередко использовали одни и те же стратегии понимания: буквальный перевод, опора на фонетический образ слова в родном языке, опора на значение уже известной идиомы (поговорки, поговорки).

5. В ряде случаев зафиксировано переключение кодов при толковании, что, по-видимому, связано с будущей специальностью студентов – лингвист-переводчик (английская группа).

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.

2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.

3. Bortfeld H. Comprehending idioms cross-linguistically // Experimental Psychology. 2003. Vol. 50 (3). – Pp. 217-230.

4. Hsieh S. C.-Y. & Hsu C.-C. N. Idiom comprehension in Mandarin-speaking children // J Psycholinguist Res. 2010. Vol. 39 (6). – Pp. 505-522.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Виноградова (Мурманск)

ТРУДНОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Лексикографическое описание относительных прилагательных представляет собой определенную проблему, которая связана как с ориентированностью их семантики на семантику исходного существительного, так и с расчлененностью этой семантики, способностью актуализировать разные семы из семантической структуры исходного слова.

При составлении словарного описания значения относительного прилагательного лексикографы не всегда обращаются к результатам семантических исследований, которые могли бы помочь дифференцировать различные значения и протозначения относительных прилагательных. Как отмечают И.А. Стернин и А.В. Рудакова, «современное описание значения слова методами семной семасиологии позволяет давать достаточно непротиворечивые метаязыковые дефиниции значений, дифференцируемые друг от друга по семному составу и конкретной денотативной отнесенности» [5, с. 8]. Соответственно, описывая в словаре значения относительных прилагательных, также следует обратиться к семантическим исследованиям, касающимся вопросов их семантического варьирования.

Относительные прилагательные, являющиеся дериватами существительных, несут в своей семантике отсылку к исходному слову, что позволяет лексикографировать их с помощью фразы «относящийся к...» (“related to”). Такой способ имеет право на существование как отражение представления о структуре семантики производного слова, которая состоит в том, что производное слово «передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова» [1, с. 6].

Этого может быть достаточно в случае описания значений моносемантических относительных прилагательных, особенно терминологического плана, типа: *doctrinal, dorsal, enteric, entomological, cylindrical, dental, etc.* Вместе с тем, даже для моносемантических прилагательных необходимо учитывать размытость такого описания значения и необходимость уточнения характера отношения исходной и производной основ, особенно в словарях, претендующих на содержательность и полноту толкования значения. Характер отношения, выражаемого прилагательным, получает конкретизацию лишь в контексте.

Если общее прототипическое значение относительного прилагательного вне контекста может быть определено как «относящийся к...», то в контексте прилагательное развивает значения, которые необходимо домысливать в соответствии с нашим знанием о мире. Н.Е. Сулименко называет это «блужданием по полю возможностей» [6, с. 64], открываемых семантикой производящей основы.

Комплексность семантической структуры относительных прилагательных, размытость их семантики, уточняемой лишь в дискурсе, приводят к противоречивости подходов к их лексикографированию. «Традицией толковых словарей, не использующих принципы семной семасиологии при описании значения, является расширительный, нестрогий подход к описанию содержания значений» [5, с. 6]. Соответственно, прилагательные могут обладать разным количеством значений в разных словарях. В онлайн словарях могут быть зарегистрированы одно – два наиболее употребительных значения прилагательного, тогда как в Оксфордском словаре значений намного больше. Э.М. Медникова отмечает, что, к примеру, в переводных словарях большое внимание уделяется синтагматическому аспекту – иллюстрациям употребления: «привлекаются фактические синтагматические реализации, вплоть до мельчайших оттенков и подзначений» [2, с. 64], т.е. слова приобретают большую степень многозначности и обрастают дополнительными значениями и оттенками значений по сравнению с данными одноязычной лексикографии. Однако такое синтагматическое членение структуры значения может не совпадать с семантической структурой слова и может быть чересчур детализировано. Так же и М.В. Никитин, описывая широкозначные слова, отмечал, что «словари

избыточно детализируют семантику слова, зачисляя в число его значений контекстуально (сочетаемостно) обусловленные варианты» [4, с. 110].

Итак, выделяются два крайних подхода к лексикографированию семантики относительных прилагательных – обобщенная отсылка к семантике исходного слова: «относящийся к...» или детализация семантической структуры за счет перечисления всех возможных дискурсивных вариантов, опирающихся на тезис о том, что «значений в некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нем существенно для человеческой практики» [4, с. 135]. В практике используются и смешанные методы, особенно если это касается многозначных прилагательных.

Рассматривая относительные прилагательные, которые могут образовывать разветвленную семантическую структуру, обрастая вторичными производными значениями, мы говорим либо о метафорических, метонимических значениях, возникших в ходе семантической деривации, либо о дискурсивном варьировании прямого непроизводного значения.

Семантико-деривационными являются значения *icy look* <cold, like ice>, *flinty heart* <hard, unyielding, like flint>. Второй случай дискурсивно-семантического варьирования прямого значения можно проиллюстрировать следующими примерами: *ice seas* <abounding in ice>, *icy steps* <covered with ice>, *icy crust* <consisting of ice>, *icy mountain* <made of ice, iceberg>; *flinty stone*, *flinty pebble* <of flint>, *flinty sparks* <derived from flint>; *flinty ground*, *flinty gravel* <full of flint-stones>. Разновидности имплицитных (не выраженных явно) приращений значений рассматривались ранее, была уточнена классификация этих приращений: аналогические и импликационные, в свою очередь, включающие аргументные и субстантно-аргументные. Два последних вида соответствуют аргументно-признаковым и субстантно-признаковым прилагательным в классификации М.В. Никитина [3, с. 225], в первом случае прилагательное передает сочетание двух аргументов – исходного слова и описываемого слова (*icy steps* – ice+ steps), во втором – сочетание субстанции и формы (*wooden table*).

У субстантно-признаковых прилагательных возможны различные варианты домысливаемых дискурсивных значений: ‘made or produced of’ *oaken cross*, *woolen sock*, ‘consisting of’ *sandy ballast*, *stony powder*, ‘comprised of’ *reedy (reeded) hut*, ‘covered with’ *brassy plate*, *golden ring*. Аргументные отношения связывают два аргумента, связь между которыми и становится признаком прилагательного. В случае таких отношений возможны две группы дискурсивных приращений смыслов: партитивные и адгерентные.

Партитивное отношение имеет также ряд вариантов, имплицитно домысливаемых в дискурсе как его конкретные частные разновидности,

как: 'being a part of' *industrial plant, acoustic effect*, 'being a component of' *filmy growth*, 'belonging to' *vocal tone, cerebral cancer*.

Наконец, адгерентный тип отношений: два аргумента представляют определенно разные вещи, не связанные отношениями «часть-целое». Этот тип отличается наибольшим разнообразием подтипов, прежде всего, отмечается конкретизация общей идеи импликационного отношения: 'according to' *constitutional right, conventional method*; 'appearing or taking place in' *insular pride, continental climate*; 'containing' *ferrous ore*, 'abounding in' *stony fruit, spicy food*, 'generating, delivering' *spicy shore*; 'locative' *colonial produce*, 'temporal' *Victorian England*; 'prevailing in a certain place' *rainy region*, 'prevailing at a certain time' *nuclear age*; 'operating, working in' *scientific worker, military exercise*; 'causing' *electric shock*, 'providing' *atomic power plant*; 'serving for' *athletic equipment, merchant fleet*.

Среди примеров аналогического отношения отмечаются следующие дискурсивные (семантико-derivационные) варианты значения: 'resembling ... in taste' *watery vegetable*, 'resembling ... in colour' *sandy hair*, 'resembling ... in behaviour' *servile manner*, 'resembling ... in sound' *wooden sound, reedy sound*, 'resembling ... in form' *starry (stellar) configuration*, 'resembling ... in consistence' *steely corn, stony hail*, 'resembling ... in function, purpose' *flowery interpretation*; 'making a similar impression' *icy manner, crystalline eyes, cloudy liquid, creamy voice*. В случае аналогических отношений речь идет не об уточнении прямого обобщенного реляционного значения, а об индикации переносного значения за счет средств дискурса.

Итак, для лексикографирования относительных прилагательных важным является отнесение их значений к классу аргументно-признаковых (в таком случае обобщенное прямое значение можно интерпретировать как «относящийся к...») или субстантно-признаковых (обобщенное прямое значение которых можно обозначить как «сделанный из ...»). При необходимости уточнения вариантов значений можно прибегнуть к предложенной классификации имплицитных приращений смысла. Аналогические значения прилагательных обоих подклассов следует отмечать как переносные, давая полное описание.

Такой подход мог бы унифицировать способы описания значений относительных прилагательных в словаре. Однако мы осознаем, что дать конечный список всех смысловых приращений невозможно. Кроме того, в данной статье не рассматривались прилагательные, сочетание которых с описываемым существительным представляет собой аргументно-предикатную пропозицию типа «птичье пение», «солнечное вращение» и прочие. Еще одной трудностью описания значений прилагательных является наличие в них и аргументно-признаковых, и субстантно-признаковых значений. Проблема лексикографирования относительных прилагательных английского языка требует дальнейшей разработки.

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
2. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания: На материале современного английского языка / Э.М. Медникова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 208 с.
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие / М.В. Никитин. – СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1997. – 587 с.
4. Никитин М.В. Полисемия на пределе (широкозначность) / М.В. Никитин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 101-111.
5. Стернин И.А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 34 с.
6. Сулименко Н.Е. Модус в семантике имен прилагательных / Н.Е. Сулименко // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобиной / под ред. О.Е. Филимоновой, О.А. Кобиной, Ю.В. Шараповой. – СПб.: ООО «Издательство «ЛЕНМА», 2010. – С. 264-270.

Л.Н. Дьякова (Воронеж)

УМЕСТНОСТЬ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ (на материале телевизионной речи журналистов)

«Заговори, чтоб я тебя увидел».
Сократ

Журналист обязан владеть словом если не виртуозно, то хотя бы профессионально, употреблять его грамотно и точно, его речь должна обладать признаком уместности. А.С. Пушкин очень точно сформулировал функциональное понимание уместности речи: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Под уместностью речи мы понимаем соответствие ее структуры и содержания условиям и задачам общения, передаваемой информации, избранному жанру и стилю изложения, а также индивидуальным особенностям автора и адресата.

Мы выделяем три аспекта уместности речи:

1) стилевая – это представление об уместности употреблении языковых средств в том или ином стиле (научном, официально-деловом, художественно-публицистическом и т.д.);

2) ситуативно-контекстуальная – она тесно связана со стилевой и, собственно, определяется последней. Однако иногда (когда нехарактерные для какого-то стиля слова бывают единственно уместными в определенном контексте) она может с ней не совпадать. Выбор языковых средств зависит от темы, жанра, аудитории. Журналист (ведущий) должен четко

осознавать, кому он свою речь адресует, то есть употребление языкового материала должно быть ситуативно мотивировано;

3) личностно-психологическая (с учетом экстра- и интралингвистических факторов) – внутренняя вежливость, такт, внимательное отношение к собеседнику, умение найти точное слово, интонацию, установление правильных взаимоотношений с собеседником в коммуникации. Грубое же слово, равнодушие, сарказм, издевательская интонация, неумелая импровизация, постоянные смешки в процессе общения оскорбляют не только собеседника, но и всех присутствующих, свидетелей разговора, а также зрителей. В таком случае слово может послужить причиной конфликта, стать социальным злом.

Речь устная, звучащая в телевизионном эфире, как правило, спонтанная. Она создается в процессе говорения, для нее характерна импровизация, свобода в выборе лексики, широкое использование побудительных, вопросительных, восклицательных конструкций, повторы, паузы, незаконченность выражения мысли, а также большой арсенал невербальных «помощников» – жестов, мимики.

Речь современного журналиста, особенно работающего в прямом эфире телевидения, обычно представляет собой что-то среднее между литературным и разговорным языком. В отличие от журналиста пишущего, тележурналист (ведущий) часто создает текст своего выступления в момент говорения и в присутствии слушателя – зрителя. В этом заключаются ее главные достоинства: синхронность и оперативность, интерактивность, эффект присутствия, эмоциональная насыщенность. Но есть и опасность сказать что-то неверно, ошибиться, потерять мысль.

Телевизионный и радиожурналист часто работает в режиме реального времени, и если он допустит оговорку, ошибку, то ее мгновенно услышат сотни зрителей – слушателей. А к речи ведущих ТВ в России относятся очень критично, ведь не одно поколение людей выросло на передачах советского телевидения и радио, которые по праву считались образцами грамотной литературной речи.

Журналисту необходимо понимать, какие характерные черты устной речи создают ему профессиональную репутацию, а также то, как речь журналиста влияет на успех коммуникации.

Неоспоримо, что речь журналиста должна быть информационно насыщенной, логически выверенной, стилистически грамотной, богатой и разнообразной.

Речь звучащая, в отличие от письменной, должна быть более простой по конструкции. Если в письменном тексте допустимы причастные и деепричастные обороты, вводные слова, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, отступления, цитаты, скобки и т.д., то

звучащая речь должна быть удобной для восприятия на слух. Приветствуются более простые конструкции, короткие предложения.

Что касается лексики, то журналист должен избегать новых слов, которые еще не прижились в обществе.

Звучащая речь не приемлет использования аббревиатур (*МБОУ, ГАЖ, ФИПСИ, МОУДО, УПДРНС*). Настоящей бедой считаем проникновение в электронные СМИ сложных экономических и политических терминов, названий профессий, которые были «сняты» с других языков (преимущественно с английского): например: *франшиза, адаптивная структура, ПЭСТ-анализ, дискреционная фискальная политика, девелопер, джоббер, супервайзер, ресепшенист, хед-хантер, коучер* и др.

В обществе к подобным словам существует негативное отношение (люди, не понимают их значения, не знают, как эти слова употреблять, считают, что такие слова засоряют язык).

Отметим, что само по себе использование заимствованных слов языку не вредит, более того, оно пополняет его, иностранные слова быстро приживаются в языке. До 40% лексики основного словарного фонда русского языка имеет заимствованное происхождение, но они давно прижились и приобрели социальную значимость.

Однако журналисту важно знать: принцип уместности словоупотребления предполагает, что потенциальным слушателям речь журналиста, употребляемые им слова должны быть понятны.

Если есть подозрение, что слушатели это слово могут не знать – надо его на всякий случай пояснить или вообще обойтись без него, иначе возникает «отказной эффект»: слушатель просто выключит телевизор, потому что ему будет непонятно, о чем идет речь, а значит, и нет смысла это делать. Именно поэтому широкий зритель отказывался в свое время смотреть телеканал РБК в период его существования на ТВ (*очень много специальной лексики, не понимаю, о чем идет речь*) и экономические новости в информационных программах НТВ. Создается впечатление, что ведущие рубрики специально наводят текст своего выступления экономическими терминами иностранного происхождения, красуются своим знанием «языка менеджеров», забывая при этом, что в народе подобное речевое поведение осуждается (*умничают, строит из себя*).

И еще один важный момент уместности словоупотребления: тележурналисты должны помнить, что слово, взятое в кавычки, будет правильно понято только в печатном тексте, потому что кавычки – знак графический. Если же употреблять такое «закавыченное» слово в устной речи, то слушатель не оценит ни факта цитирования, ни иронии, которая предполагалась.

В звучащей речи очень важна интонация. Это тоже параметр уместности. В программе «Доброе утро» на Первом канале ведущая Е. Стриженова в свойственной ей манере, весело, «на улыбке», читает

заметку о том, что в России уменьшен размер прожиточного минимума. Дескать, цены снизились, растут зарплаты, поэтому правительство приняло такое решение. Ведущая светится от счастья, а зрители либо раздражены, либо скептически хмыкают. Уменьшение прожиточного минимума повлечет за собой ряд безрадостных последствий, скажется на размере пенсий, оплате труда бюджетников. Ведущая выбрала явно не самый правильный тон подачи материала, она не понимает, о чем говорит, не прогнозирует коммуникативных последствий.

Отдельно остановимся на проблеме, которая активно обсуждается в СМИ в наши дни (март-апрель 2017). Речь о буквально наводнившей телевизионный эфир дворовой, блатной лексике. Достаточно включить телеканал ТНТ, когда там идут программы «Комедиклаб», «Наша Раша» или «Дом-2». «Запикивается», но при этом «прочитывается» по губам мат в речи участников ток-шоу «Пусть говорят» на Первом, «Прямой эфир» на канале «Россия», «Говорим и показываем» на НТВ.

Известный литератор, тележурналист Аркадий Кайданов пишет в Фейсбуке: *«Ведущий Первого канала А. Шейнин в прямом эфире М. Бому: – Хорош бакланить!.. У меня, собственно, все».*

Широкий резонанс получила статья известного телевизионного критика Ирины Петровской с говорящим названием «Говорит и показывает подворотня. На российском ТВ появился новый тип ведущего – гопник» («Новая газета», №39 от 14.04.2017).

Поводом для горьких раздумий И. Петровской послужило речевое поведение того же А. Шейнина, ведущего политического шоу на Первом канале. Телекритик отмечает, что лексика ведущего, употребляющего выражения *«он нас разводит конкретно», «говори осторожно, а то до конца эфира можешь и не дожить, слова выбирай», «не надо высказывать из штанов»*, а также похабные телодвижения, скабрзные шутки: все это недопустимо в эфире, это не в традициях российского ТВ.

И. Петровская напоминает о том, как велика роль телевидения в воспитании вкуса: «В былые времена для работы в кадре отбирали людей симпатичных, обаятельных, воспитанных, образованных. Сначала они назывались дикторами и своими хорошо поставленными голосами, правильно интонируя, произносили тексты, написанные им редакторами. Сленг, жаргонные словечки, просторечные выражения были в принципе непредставимы в телевизионном эфире, за неточное ударение можно было схлопотать строгача, поэтому язык радио и ТВ считался тогда эталонным. Не говоря уже о том, что зрителям было просто приятно смотреть на красивых женщин и представительных мужчин. В них влюблялись, их нежно называли по именам, а костюмы и прически любимых дикторш пытались копировать поклонницы».

Писатель Дмитрий Петров в своей статье «На разных языках. Об особенностях современного политического лексикона» вторит Ирине

Петровской: «...ведущий одного российского ток-шоу обещал “показать” Америке, что у нас тоже есть кое-что в штанах». Таков сейчас политический язык СМИ. Он беспокоит, так как не только отражает, но отчасти формирует политику..... Жаргон забегаловки – «мразь», «недоносок», «пес», «пошел вон» – звучит все чаще, будто его внедряют. Ведь вряд ли в сфере массовых коммуникаций выбор языка вещания пущен на самотек. Но если образцом делают этот язык, то вопрос: кому и зачем это нужно?» [Лента.Ру.20.04.17].

В обществе наблюдается явное недовольство содержанием и языком современного ТВ. Всё чаще раздаются голоса: *я давно выбросил телевизор, у меня нет и не будет в доме зомбоящика...* И речь тележурналистов в этом играет явно не последнюю роль.

Э.Х. Карагашева (Воронеж)

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале лексем «Италия», «Венеция»)

Цель данного исследования – описание контекстуального значения имен собственных в русском языке.

Материалом исследования послужили два имени собственных: наименование одной из европейских стран – *Италия* и наименование города – *Венеция*.

На первом этапе работы были рассмотрены значения данных слов в словарях русского языка. Имена собственные не включаются в словники толковых словарей. Найти значение исследуемых лексем можно только в энциклопедических и иных словарях. Представим энциклопедические толкования слов [БЭС].

ВЕНЕЦИЯ, город в Сев. Италии, преимущественно на островах Венецианской лагуны Адриатического м., административный центр пров. Венеция и области Венеция. 318 тыс. жителей (1991). Морской порт (грузооборот ок. 30 млн. т в год). Международный аэропорт. Венеция состоит из 2 частей: исторического центра (менее 100 тыс. жителей), расположенного на 118 островах Венецианской лагуны, разделенных 150 каналами и протоками, через которые переброшено ок. 400 мостов, и промышленно-портовой материковой части.

Островная Венеция – город-музей, морской курорт, центр международного туризма. Традиционные художественные ремесла: изделия из венецианского стекла (о. Мурано), кож; кружева (о. Бурано), мозаика. В материковой части – цветная металлургия, нефтеперерабатывающая, химическая, текстильная, пищевая промышленность, разнообразное машиностроение. Академия искусств, университет. Институт по изучению Адриатики. Галерея Академии, археологический музей. Музей стекла (на о. Мурано).

Поселение с 5 в. до н. э., город с нач. 9 в. н. э. С 9-10 по 16 вв. крупный центр посреднической торговли между Зап. Европой и Востоком. В Средние века являлась республикой (с кон. 13 в. олигархической, с дожем во главе) со значительными подвластными ей территориями. В 1797-1805 и 1815-66 гг. Венеция – владение Австрии. Собор Сан-Марко (9-15 вв.), Дворец дожей (ныне музей, 9-16 вв.). Старая библиотека Сан-Марко (16 в.). Дворцы (Ка д'Оро, 15 в.; Вендрамин-Калерджи, кон. 15 в.). Церкви и здания религиозных братств – Скуола Гранде ди Сан-Марко (15 в.), Санта-Мария деи Мираколи (15 в.). Церковь и монастырь Сан-Джорджо Маджоре (16 в.). (<https://www.vedu.ru/bigencdic/10437/>)

ИТАЛИЯ, Итальянская Республика (Repubblica Italiana), государство на юге Европы, в центральной части Средиземноморья. Занимает Апеннинский п-ов, о-ва Сицилия, Сардиния и др. более мелкие. 301 тыс. км². Население 57,2 млн. человек (1993), в основном итальянцы. Городское население 67% (1991). Официальный язык – итальянский. Большинство верующих – католики. Административно-территориальное деление: 20 административных областей, включающих 94 провинции. Столица – Рим. Глава государства – президент. (<https://www.vedu.ru/bigencdic/24747/>). В связи с большим объемом словарной статьи представлена неполная цитата.

На основе энциклопедических данных трудно сформулировать лексикографическое значение этих слов. Помочь в этом может исследование контекстуального значения собственных имен существительных.

На втором этапе исследования были сформулированы контекстуальные значения лексем «Италия» и «Венеция».

Текстовым материалом послужили данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Были проанализированы 58 примеров, включающих лексему «Венеция» в разных ее формах, и 57 примеров с лексемой «Италия». Высчитывался контекстуальный индекс яркости семемы (КИЯС) – как отношение количества примеров слова, употребленного в конкретном значении (семеме), к общему количеству проанализированных примеров данной лексемы.

Анализ контекстуального употребления лексемы «Венеция» показал, что в примерах были актуализированы следующие контекстуальные значения:

ВЕНЕЦИЯ

1. Город в Италии, административный центр области Венеция и провинции Венеция – КИЯС 0,74 (43 примера):

Венеция – город-мечта Великолепные дворцы, перламутровые церкви, разряжённые соборы, отражающиеся в зеркале каналов, – всё это кажется миражом, вот-вот растворяющимся в воздухе. [Итальянское каприччио для путешественников (2000) // «Туризм и образование», 2000.06.15]

2. Наименование торта-мороженого – КИЯС 0,12 (7 примеров):

Торт-мороженое «Венеция», как не раз сообщалось в пресс-релизах концерна Unilever, во многом копирует известное мороженое Venetta. [Владимир Ляпоров. Ну, ты паразит! Бренды-имитаторы на массовом рынке (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.30]

3. Административная область в Италии – КИЯС 0,05 (3 примера):

В областях Фриули – Венеция Джулия и Балле д'Оста существует такая же система налогового администрирования. [Ж.М. Елубаева. Система распределения

доходных источников в Итальянской республике (2003) // «Финансы и кредит», 2003.05.19]

4. Название отеля – КИЯС 0,03 (2 примера):

В обширном зале собраний «Palazzo Ballroom» отеля «Венеция» на презентации выставки перед широкой аудиторией президент и исполнительный директор американской Ассоциации потребителей – CEA (Consumer Electronics Association – организатор CES) Г. Шапиро (Gary Shapiro) во вступительном слове сообщил о том, что в 2006 году у входящих в CEA организаций суммарный годовой оборот продаж электронной бытовой аппаратуры (вкпе с вычислительной техникой и средствами мобильной связи) составил 140 млрд долларов США. [В. Меркулов. Электронное шоу CES-2007 в Лас-Вегасе // «Наука и жизнь», 2007]

5. Название футбольного клуба – КИЯС 0,01 (1 пример):

Вы спросите у Чириковой насчет бывшего мэра Химок Кораблина, который купил футбольный клуб «Венеция», она его очень любит. [коллективный. Форум: Разорять область они не боялись, а книжку бояться (2011)]

6. Название мясных полуфабрикатов – КИЯС 0,01 (1 пример):

Одно из новых направлений работы компании – производство пельменей: «Русская трапеза» (по итальянской технологии), «Ярмарочные» (по классической русской технологии), а также мясных полуфабрикатов: бифитексов, котлет, люля-кебаб, пиццы «РиМиО», «Северная Венеция», «Цезарь». [Мясоперерабатывающие предприятия на ярмарке «ПРОДЭКСПО-2004» (2004) // «Мясная индустрия», 2004.05.24]

7. Имя девочки – КИЯС 0,01 (1 пример):

Плутон открыл в 1930 году американский астроном Клайд Томбо, а имя ему придумала одиннадцатилетняя девочка по имени Венеция Бёркни, победившая в конкурсе на лучшее название новой планеты. [Ефрем Левитан. Знакомьтесь: карликовые планеты // «Наука и жизнь», 2009]

Было выделено семь контекстуальных семем лексемы «Венеция». Наиболее актуальными являются значения «город в Италии» и «наименование торта-мороженого». Менее актуально значение «административная область в Италии», «название отеля». Мало актуальны значения «название футбольного клуба», «название мясных полуфабрикатов», «имя девочки».

Представим контекстуальное значение слова «Италия».

ИТАЛИЯ

1. Государство в Южной Европе, в центре Средиземноморья – КИЯС 0,98 (56 примеров):

Мало кто отдаст себе в этом отчет, но Италия – это страна не только высокой моды и старых мастеров, но и мощнейшего военно-промышленного комплекса. [Михаил Визель. Несерьезный референдум // «Эксперт», 2014]

2. Итальянское правительство – КИЯС 0,01 (1 пример):

Примером могут служить Бельгия, Бразилия, Венесуэла, Греция, Италия и Люксембург. [Ирина Нагорных, Илья Булавинов, Александр Вешняков. Сверните поправки в трубочку // «Коммерсантъ-Власть», 2002]

Всего было выделено две семемы лексемы «Италия». Самым ярким оказалось значение «государство в Южной Европе». Второе значение «итальянское правительство» (люди, руководящие страной) редко встречается в текстовых употреблениях.

Проведенное исследование – это начальный этап в исследовании значения собственных имен существительных. В дальнейшем предполагается анализ как контекстуального, так и психолингвистического значений слов, номинирующих страны и города.

Можно предположить, что контекстуальное значение наименований городов будет богаче, чем семантическое наполнение наименований государств.

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь // <http://www.vedu.ru> [дата обращения – 15.12.2015].

2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/> [дата обращения – 15.12.2015].

Л.А. Литвинова (Воронеж)

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОВА «ДЕРЕВНЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале словарей русского языка XVIII-XIX вв.)

С течением времени языки и страны смешивались, поглощались и исчезали. Данные процессы отражены в историко-этимологических словарях, которые объясняют исторические изменения, произошедшие с различными словами языка.

Этимологические словари содержат специальные пометы, отражающие временной промежуток появления слова. Так, например, слова в этимологических словарях русского языка могут быть с пометами «*общеслав.*» – общеславянское, исконно русское слово общеславянского происхождения, «*собств.-русск.*» – исконно русское слово, в подавляющем большинстве известное только русскому языку и появившееся в русском языке в эпоху раздельного существования восточнославянских языков, «*вост.-слав.*» – известны в языках восточных славян, «*заимств.*» – иноязычные по своему происхождению слова и пр.

Цель данного исследования – проследить историю слова «*деревня*», опираясь на материалы словарей русского языка XVIII-XIX вв.:

- «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского;
- «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля,
- «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона,
- «Словарь Академии Российской»;
- «Полный церковнославянский словарь» Г. Дьяченко.

Материал перечисленных словарей позволяет проследить появление и изменение значений исследуемого слова за довольно продолжительный временной период – с XIV века до начала XX века. Как известно, последующие после этого события в российской истории повлекли огромные изменения в общественной жизни и, следовательно, в языке. И этот период языковых изменений предпочтительно изучать отдельно.

XIV век. Краткий этимологический словарь русского языка Н.М. Шанского дает следующую информацию о лексеме «*деревня*»: собств.-русс. Известно лишь в с.-в.-русс. наречии, откуда и проникло в русский литературный язык. В современном значении в памятниках засвидетельствовано с XIV века. Более раннее значение – «земля, пашня» – сохраняется ныне лишь в диалектах [5, с. 123].

Таким образом, этот источник считает значение «место, очищенное от леса (для земледелия)...» первоначальным.

XVI век. Как утверждает энциклопедический словарь Ф.А Брокгауза и И.А. Ефрона: «В XVI веке деревней назывался участок земли с 1 двором (причем говорилось *жить на деревне*, а не *в деревне*), а также незначительная группа дворов с известным количеством пашни, сенокоса и леса». Через два века зафиксировано новое значение слова «деревня» в русском языке – «место проживания людей, занимающихся земледелием» [1].

XVIII век, вторая половина. Словарь Академии Российской (1783) дает следующую словарную статью на искомое слово:

1) всякое вообще селение ничем неукрепленное, в котором земледельцы обитают;

2) собственно крестьянское селение, в котором нет церкви.

Изначальное значение «место, очищенное от леса (для земледелия)...» не указывается, зато фиксируется лишь значение «неукрепленное крестьянское селение без церкви».

Надо отметить, что в этом словаре слово «*деревенщина*» занимает свое собственное место со значением «человек грубый в обращении, неучтивый, незнающий обращения; также дикий, застенчивый».

XIX век, вторая половина. «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля содержит следующие значения слова «деревня»:

1) крестьянское селение, в котором нет церкви;

2) арх./волог. поле, полоса, земля, пустошь, пашня;

3) зап. груда срубленных деревьев;

4) деревянный дом, противоположно слову *каменница*;

5) сиб. неуч, невежа, грубый, необразованный человек.

Первое значение по-прежнему является основным, однако, более раннее значение – «поле, полоса, земля, пустошь, пашня – участок земли для земледелия» – зафиксировано словарем как диалектное. Теперь уже некогда первое значение слова становится вторым и описывается как

диалектное, кроме того, у слова «*деревня*» в русском языке второй половины XIX века появляется новое значение – «неуч, невежа, грубый, необразованный человек», хотя и как диалектное. Следующие пословицы в словарной статье отображают именно это значение: 1) *Деревня переехала поперек мужика (о бессмыслице)*; 2) *Эка деревеничина в лесу родилась, пенью молилась*; 3) *Эка парень-деревня (деревеничина), иконы от лопаты не распознает*.

Чуть более поздние источники – «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890-1907) и «Полный церковнославянский словарь» (1899-1900) указывают следующие значения исследуемого слова соответственно:

1) место, очищаемое от леса и зарослей для нивы, а потом происшедшее таким образом пахотное поле;

2) небольшое крестьянское селение без церкви [1];

и

1) очищаемое от леса место для пашни;

2) пахотное поле;

3) поселение крестьян у поля [3].

Таким образом, за исследуемый временной период (XIV век – рубеж XIX и XX вв.) значение «место проживания крестьян» неизменно присутствует во всех указанных лингвистических источниках, равно как и значение «место, очищенное от леса (для земледелия)...», за исключением «Словаря Академии Российской». На рубеже XVIII-XIX вв. появляется новое значение – «неуч, невежа, грубый, необразованный человек», но лишь два словника – «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словарь Академии Российской» – в вариациях *деревня/деревеничина* фиксируют это значение.

1. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Еврон // <http://www.vehi.net/brokgauz/>

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / В.И. Даль; под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. – 4-е испр. и знач. доп. изд. – М., СПб.: Издание т-ва М.О. Вольф, [1911] – 1912.

3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – 1899 // [www/predanie.ru](http://www.predanie.ru).

4. Словарь Академии Российской. – 1783 // [www/runivers.ru](http://www.runivers.ru).

5. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – Изд. 2-е, исправ. и доп. / под ред. С.Г. Бархударова. – М.: «Просвещение», 1971. – 540 с.

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РЕЧИ ВРАЧА

Категория оценки является важной семантической категорией языка, поскольку человек воспринимает окружающий мир с точки зрения его ценностного характера и испытывает необходимость выражать свое отношение к предметам и явлениям при помощи языковых средств. По мнению Н.Д. Арутюновой, «оценка – это категория, представляющая прагматическое значение в языке, соотносящая предметы и события с нормативной картиной действительности, зависящая от определенных факторов и устанавливающая определенные качества предметов, характер действий, процессов, значение того или иного факта» [1, с. 21].

Следует отметить, что говорящий не всегда свободен в выборе языковых оценочных средств в процессе достижения прагматического эффекта. Это объясняется не только субъективными качествами языковой личности, но в большей степени конвенциями и правилами общения в определенной сфере коммуникации.

Изучению аксиологической лексики посвящено большое количество исследований (работы Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой, В.И. Шаховского, М.С. Ретунской, Л.А. Киселевой, А.В. Васильевой, Л.В. Зыковой, Э.М. Медниковой и др.). Несмотря на многочисленные исследования в области оценки, многие проблемы остаются нерешенными. Так, недостаточно изучена проблема использования высказываний с оценочной составляющей в профессиональной речи врача. В то же время оценка в медицинской коммуникации представляет собой важный аспект в организации эффективного взаимодействия между доктором и пациентом, являясь мощным способом воздействия на психологическое, эмоциональное и физическое состояние адресата оценки.

В связи с этим, целью данного исследования является изучение количественного и качественного состава средств и способов оценки в речи врача на русском и английском языке, а также анализ прагматических функций оценочных средств различного уровня в речевой партии доктора в процессе общения с пациентами.

Материалом исследования послужили 30 диалогов, содержащих оценку в репликах врачей. Проанализировано 15 диалогов на русском языке и 15 диалогов на английском. Участниками диалогов являются врачи различных специальностей, взрослые пациенты и пациенты детского возраста. Основным методом исследования является описательный с приемами включенного наблюдения, анализа и синтеза.

Как известно, понятие оценки в науке о языке основано на логико-философской концепции и сводится к выражению положительного или отрицательного (а также нейтрального) отношения субъекта к объекту.

Логическая структура оценки включает четыре основных компонента: субъект, объект, основание и предикат (содержание оценки). Предикат оценки является результатом оценивания объекта субъектом и выражает отношение субъекта к оцениваемому объекту [5].

Используя четырехкомпонентную структуру категории оценки для анализа речевой партии врача в диалогах диады «доктор – пациент», мы определили, что в качестве *субъекта* оценки выступает доктор, *основанием* оценки является комплекс его профессиональных знаний и психологических установок; *предикатом* – способы выражения оценки, а в качестве *объекта* оценки выступают:

- действия пациента на приеме,
- образ жизни пациента,
- поведение пациента в процессе лечения,
- физическое состояние пациента,
- результаты исследований и анализов,
- прогноз заболевания,
- лекарственные средства и методы лечения,
- личностные качества пациента,
- личностные и профессиональные качества других врачей.

Анализ диалогов показал, что способы и средства выражения оценки в речи врача зависят от следующих переменных: возраст пациента, его физическое и психическое состояние в момент общения, уровень коммуникативной компетенции. Так, наблюдается количественная корреляция индикаторов оценки в речи врача в зависимости от возраста пациента: большее количество оценок физического состояния, результатов исследования, лекарственных средств адресовано взрослым пациентам; оценка поведения и личностных качеств – пациентам-детям.

Оценивая предметы или явления, субъект опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту (субъективная оценка), а с другой – на стереотипные представления об объекте и шкале оценок, по которой расположены присущие объекту признаки (объективная оценка). По этим основаниям можно условно разделить объекты оценки в речи врача на два типа: объекты, которым дается *субъективная оценка* (личностные качества пациента, действия пациента на приеме, поведение пациента во время лечения, другие врачи); к объектам, которым дается *объективная оценка* по шкале «норма – не норма» или «высшая степень качества» – «отсутствие качества». Объективной оценке подвергаются лекарственные средства, прогноз заболевания, результаты анализов, физическое состояние пациента, образ жизни пациента.

Важным фактором в процессе оценивания является способ, который применяет говорящий, определяя свое оценочное отношение к объекту. Оценка в речи врача выражается явно (через слово) или скрытно (через

подтекстовую и содержательно-концептуальную информацию). Эксплицитными способами оценки, как правило, выступают лексико-грамматические средства с оценочным значением, которые представлены в речи врача двумя основными типами: общеоценочными и частнооценочными.

Общеоценочные значения реализуются с помощью прил. *хороший, плохой, прекрасный, нормальный* и др.; нареч. *хорошо, плохо, нормально* и др. Частные оценки многочисленны и разнообразны (рационалистические, сравнительные, эмоциональные и др.), они содержат значения, дающие оценку с определенной точки зрения. В семантике предиката заключены такие показатели оценки как ее знак, или качество (положительность, отрицательность, плюс-минус положительность, нейтральность), и количество (степень интенсивности). В речевой партии врачей преобладают эксплицитно выраженные оценки с общеоценочным значением и положительным знаком. Это объясняется стремлением доктора к позитивизации информации для того, чтобы стабилизировать эмоциональное состояние пациента, или, по словам М.И. Барсуковой, дистанцировать негатив [2]. Среди частных оценок можно отметить наличие сравнительных оценок (*лучше / хуже, легче / тяжелее, меньше / больше* и т.п.). Например: *D: – **Bit better. Looks a bit better, doesn't he?*** В речи доктора сравнительные оценки выполняют функцию информирования пациента о положительной или негативной динамике течения болезни либо служат для сравнения методов и средств в процессе поиска оптимального варианта лечения.

Важную роль в выражении оценки играет интонация высказывания, невербальное поведение, а также комплексное использование перечисленных средств. Это позволяет выделить эмоциональные оценочные высказывания в речи доктора. На фонетическом уровне оценочные высказывания модифицируются просодическими средствами с различными вариациями:

- повышение тона, восклицательные интонации: *Д.: – Да какое там плохое! Это вы, наверное, уши посмотрели и надумали себе!;*

- растягивание гласных, например: *Д.: – **Молоде-ец!** // П.: – Мне вот интересно, когда он брал тест на хеликобактер, где он его проверял? / Д.: – Он брал кусочек **ма-а-аленький-ма-а-аленький**. Они его бросают в пробирку и через полчаса проверяют и всё ясно.*

На уровне предложения отмечается употребление особых синтаксических конструкций, парцелляции (*Д.: – То есть вы. В течение месяца. Капали називином?*), включений, предложений с противительным союзом, придаточных условия и уступки, разделительных вопросов (предложений с присоединительной вопросительной частью).

Имплицитное выражение оценки содержится в сопоставлении явлений или стадий развития процесса или внешнего вида пациента, в ритори-

ческих приемах, например, в иронических высказываниях. Например: *D: – So you toughed it out all week? P: – Yeah. D: – You're a tough cookie.*

Прагматические факторы выражения оценки в речи врача зависят от объекта оценки и стратегических / тактических целей субъекта оценки. Оценка конкретных действий пациента на приеме или его поведения в процессе лечения ставит своей целью изменение, коррекцию и формирование оптимальной модели поведения больного. Функции оценочных высказываний в данном случае соответствуют прагматическим интенциям: успокоить, похвалить, выразить одобрение, сделать комплимент, привлечь внимание, установить контакт, скорректировать физические действия пациента. В качестве примера рассмотрим микродиалог:

П: – Водку пила. Муж умер, и я пила. А после этого заболела.

Д.: – <...>Вы молодая красивая девушка, и вам надо жить, вы это понимаете?

В данном диалоге имплицитно представлено негативное отношение доктора к образу жизни молодой пациентки, но снижение категоричности достигается при помощи комплимента: эксплицитно выраженной положительной оценочной характеристики внешности женщины. Прагматический аспект высказывания – выражение упрека, с которым пациентка должна согласиться (для этого используется контролирующий вопрос); в когнитивном плане высказывание направлено на изменение картины мира пациентки и коррекцию ее поведения в будущем.

Попадая в непривычную ситуацию, пациент не всегда контролирует свои эмоции, может чувствовать себя подавленно и неуверенно в новой обстановке, он не всегда знает, как правильно выполнять команды специалиста при осмотре. В этом случае положительная оценка действий больного играет важную роль, так как не просто корректирует эмоциональное состояние и поведение пациента, но оказывает психологическую поддержку. Например, положительная оценка в речи врача призвана уверить пациента в правомерности или правильности его действий:

Р.: – Sorry to moan.

D: – That's all right. We all need a good moan sometimes. Open your mouth...that's good.

Если пациент получает одобрение своего поведения, то он чувствует себя свободнее и естественнее, что очень важно.

В свою очередь, отрицательная оценка поведения направлена на коррекцию поведения объекта оценки в соответствии с установленными институциональными правилами. Отрицательная оценка может быть также использована для привлечения внимания пациента к своему состоянию, указания на важность проблемы, например:

D: – What's goin' on today.

P: – I got bit by my neighbor's cat. Mhhhh (laughing)

D: – It doesn't sound like fun. How did 'at happen?

В диалогах на приеме часто встречается интерпретация и оценка доктором результатов анализов и исследований (*Д: – Консистенция плотная, ага, неперевариваемая клетчатка, жиры в норме, всё нормально*). Оценка физического состояния пациента в речи врача отмечается в комментариях при осмотре (*Д: – Ничего особенного я там не слышу: дыхание жесткое, но это максимум острый бронхит // D: – Sounds like you're uncomfortable / P: – Yeah one side of my throat hurts // D: – It's just a virus, not a bacteria; his lungs sound really good; throat looks uh little red; ear is just uh little slightly pink*). Прагматическая задача оценки физического состояния и результатов исследований – сообщить объективное мнение о настоящем состоянии пациента, успокоить его или, напротив, привлечь внимание к симптомам, которые могут свидетельствовать о серьезности заболевания; дать объективное обоснование предполагаемого лечения; продемонстрировать внимательное отношение к пациенту.

Вкратце рассмотрим оценочную составляющую прогноза заболевания в речевой партии доктора, а также оценок назначаемого лечения и лекарственных средств. Анализ диалогов выявил комплексное использование различных способов оценки при характеристике данных объектов. Как правило, оценка выражается на грамматико-синтаксическом уровне (сложные предложения со значением условия, уступки) с привлечением интенсификаторов и общеоценочной лексики (*Д: – Будете по диете жить – будет все хорошо // D: – It's got a cough suppressant, which'll make your feel better*); частнооценочных средств, например, сенсорно-вкусовых (*D: – They taste good, and you can chew them up*). Синтаксические конструкции со значением условия в речи доктора, на наш взгляд, указывают на стремление переложить часть ответственности за результат предполагаемого лечения и исход заболевания на пациента. Акцент на преимуществах или недостатках определенных лекарственных средств и методов лечения, выраженный при помощи оценочных средств, делает возможным сформировать положительное отношение пациента к лечению.

Сугубо субъективной следует считать оценку личностных качеств пациента и профессиональных качеств других врачей. Человек является не только субъектом оценивающим, но и субъектом оцениваемым. Людям свойственно давать оценку себе самим, своим собеседникам, а также третьим лицам, не участвующим в ситуации общения. В психологии выделяются три типа межличностных отношений с аксиологической составляющей: 1) сопереживающее (понимание, сочувствие, оправдание, сожаление, тревога); 2) одобряющее (симпатия, восхищение); 3) отвергающее (антипатия, осуждение, неприятие) [4].

В результате анализа диалогов мы отметили, что оценочная характеристика личностных качеств пациента в большинстве случаев соответствует первому и второму типам взаимоотношений, что позволяет сделать вывод о фасцинативном характере речи врача и нежелании провоцировать конфликтные ситуации. Также мы отметили, что оценочные характеристики личностных качеств чаще встречаются при разговоре с пациентом-ребенком в рамках реализации контактоустанавливающей стратегии. Это объясняется прагматической направленностью таких высказываний: похвалить, сделать комплимент для того, чтобы расположить к себе, установить/поддержать контакт, манипулировать поведением пациента. Реже встречается упрек, категоричность которого смягчается положительной характеристикой (Д: – *Ты хорошая девочка, а так плохо себя ведешь*). В случае оценочной характеристики коллег врачи часто прибегают к реализации тактики соблюдения корпоративной этики в профессиональной деятельности [3], давая другим врачам положительную оценку (Д: – *А вы не хотели бы обратиться к нашему хирургу? Он прекрасный специалист с многолетним опытом.* // Д: – *У нас здесь хорошие врачи, мы вам поможем*).

Подводя итог, следует отметить, что специфика медицинского дискурса как институционального вида общения во многом предопределяет выбор языковых средств при выражении оценки. Наблюдается стремление доктора к максимальной объективности в сообщении информации, в связи с чем субъективная оценка встречается относительно редко. Отмечается преобладание явно выраженных субъективных положительных оценок над отрицательными. Качественные и количественные показатели оценки в речи врача соответствуют психологическим и эмоциональным потребностям пациента. С одной стороны, наблюдается стремление к позитивизации информации для создания психологического комфорта пациента, а с другой – осторожность в высказывании негативных оценок, предельная эмоционально-оценочная отстраненность, позволяющая выбирать адекватные способы организации общения.

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М., 1988. – 346 с.

2. Барсукова М.И. Коммуникативная компетенция врача как фактор предупреждения рисков в общении с пациентом / М.И. Барсукова // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч.тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. – Вып. 14. – С.124-133.

3. Барсукова М.И. Тактика соблюдения корпоративной этики в профессиональной деятельности врача / М.И. Барсукова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – Саратов: Изд-во: Наука и инновации. – Т. 3. – №3. – 2013. – С. 636-637.

4. Маркелова Т.В. Семантическая структура модального значения неодобрения как соотношение ментального, эмотивного, перцептивного, волитивного модусов / Т.В. Маркелова, М.В. Петрушина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – №5. – 2007. – С. 125-136.

5. Хорешко О.Н. Жанровый аспект положительной оценки лица: дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Хорешко. – Саратов, 2005. – 126 с.

Е.А. Маклакова (Воронеж)

О ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ

Проблема синонимических отношений в лексике, несмотря на пристальное внимание со стороны лингвистов, была и остается дискуссионной.

По мнению многих авторов, для понимания и объяснения синонимии, большое значение имеет понятие категоризации, связанное с процессом номинативной деятельности, в результате которого в том или ином объекте действительности выявляются определенные свойства и признаки, служащие основой для сопоставления его с уже известными другими объектами, т. е. для соотнесения его с какой-либо категорией.

Практически все исследования синонимии в языке сводятся к утверждению, что синонимы – это слова смежного, почти одного значения, что именно различия между синонимами обуславливают их жизнь в языке. При этом исследователи расходятся в понятии «близости» и «тождества» лексического значения, поскольку до настоящего времени нет однозначного определения последнего.

Кроме того, как показывают результаты психолингвистических экспериментов, в речи мы не оперируем значениями слов как устойчивой системой обобщенных значений, одинаковых для всех людей определенной нации, а используем «актуализированные значения» как отдельные значения слова, имеющие отношение к моменту речи, к определенной ситуации [5]. На установление сходства влияет не только субъективное восприятие, но также культурное и социальное пространство, которое окружает носителя языка.

Привычное представление о том, что синонимы, различаясь между собой по какому-либо признаку, образуют синонимический ряд в языке, члены которого дополняют, расширяют общее значение этой группы слов, а доминанта ряда обладает нейтральным общим значением, возможно и не потеряло своей объективности, однако требует уточнения и конкретизации на основе обработки результатов, полученных с применением современных методик исследования, а также некоторого переосмысления его сущности с позиций активно развивающихся в последнее время направлений лингвистики: семной семасиологии, семной лексикографии, психолингвистики.

Прежде всего, вызывает некоторое сомнение попытка выстроить линейный синонимический ряд из группы слов, поскольку их подавляющее большинство является многозначными лексическими единицами, что делает выявление единичной нейтральной доминанты общим для такой группы слов значением весьма проблематичным.

Результаты исследований, выполненных в русле семной семасиологии, в терминологическом инструментарии которой разграничены семантемы, семемы и семы, свидетельствуют о том, что семантические трансформации, прослеживаемые и выявляемые в лексических и фразеологических единицах на семном уровне (на уровне семантических признаков), приводят к изменениям в количественном составе семем в семантеме (отдельных значений одного и того же слова или фразеологического словосочетания). Иными словами, в процессе исторического развития проявляется производный характер номинативных единиц языка.

При этом между отдельными денотативными признаками различных семем одной семантемы существует определенная смысловая связь, позволяющая говорить о семантической преемственности производного и производящего значений, на основе которой и формируется новое значение:

фанатик

семема-1: лицо, мужской пол, отличается иступленной религиозностью, крайней нетерпимостью к другим верованиям;

семема-2: лицо, мужской пол, страстно предан какому-л. делу, какой-л. идее;

практик

семема-1: лицо, мужской пол, хорошо знает свое дело практически, накопил специальные знания путем практики;

семема-2: лицо, мужской пол, отличается практичностью и деловитостью;

пионер

семема-1: лицо, мужской пол, впервые проник в неисследованную страну, поселился в ней;

семема-2: лицо, мужской или женский пол, прокладывает новые пути в какой-л. сфере деятельности.

В отдельных случаях в производной семеме происходит актуализация периферийного признака и гашение интегрального тематического признака, что также может служить основой для превращения семем, служащих для обозначения одного родового значения, в семемы для обозначения разновидности другого рода:

жених

семема-1: лицо, мужской пол, имеет невесту, вступает в брак в настоящий момент;

семема-2: лицо, мужской пол, имеет невесту, намеревается вступить в брак через какой-то промежуток времени; тематический разряд «наименования лиц по семейному положению»;

семема-3: лицо, мужской пол, достиг или почти достиг брачного возраста; тематический разряд «наименования лиц по возрастному признаку»;

ребенок

семема-1: лицо, женский или мужской пол, детского или отроческого возраста; тематический разряд «наименования лиц по возрастному признаку»;

семема-2: лицо, женский или мужской пол, детского или отроческого возраста, сын или дочь по отношению к своим родителям; тематический разряд «наименования лиц по отношениям родства».

Изменение интегральных доминирующих сем тематических разрядов или групп приводит к образованию коллоквиальных значений, в частности:

1) **дедушка** и **бабушка** как обозначения «лицо, мужской / женский пол, по отношению к своим внукам» трансформируются в **дедушка** и **бабушка** со значением «лицо преклонного возраста»;

2) **отец** и **мать** как обозначения «лицо, мужской / женский пол, по отношению к своим детям» используются в неофициальном общении в значениях «лицо старшего возраста»;

3) **сын** и **дочка** как обозначения «лицо, мужской / женский пол, по отношению к своим родителям» интерпретируются в сфере неофициальной коммуникации с позиции семантической категории «лицо младшего возраста»;

4) **брат** и **сестренка** как обозначения «лицо, мужской / женский пол, по отношению к другим детям одних и тех же родителей» трансформируются в разговорной речи в наименования с семантической категорией «лицо примерно одного с номинатором возраста»;

5) **дядя** и **тетя** в значении «брат / сестра отца или матери при обращении к ним родственников младшего поколения» переходят при их использовании в неофициальной сфере в семантическую категорию «лицо старше, чем номинатор» и.т.п.

Следует добавить, что многие слова и устойчивые словосочетания исследуемой лексики и фразеологии в русском языке содержат в своей структуре окказиональные семы, которые в зависимости от индивидуального намерения и контекста употребления, становятся доминирующими. Примерами могут служить специфические обращения, которые не фиксируются как таковые словарными изданиями в их узуальных значениях: *шалопай*, *барбос*, *маленький лгунишка*, *граждане алкоголики* и *тунядцы*, *эксплуататор несчастный*, *пьянь подзаборная*,

великий исследователь, уважаемые отдыхающие, курортники, гости и т.п.

Кроме того, первичные и производные семемы одной и той же семантемы могут дифференцироваться не отдельным семантическим признаком (в примере ниже – признак *межличностные отношения*), а семными конкретизаторами:

подруга

семема-1: лицо, женский пол, состоит с кем-л. в дружеских отношениях;

семема-2: лицо, женский пол, состоит с женщиной в любовных отношениях;

В пределах одной семантемы мотивирующий признак производящего значения может переходить в семантику производного значения не в «чистом», а трансформированном виде. Этот тип семантических отношений характерен преимущественно для метафорически соотнесенных значений, связанных ассоциативной преемственностью семантических признаков:

снайпер

семема-1: лицо, мужской пол, владеет искусством меткой стрельбы, маскировки и наблюдения;

семема-2: лицо, мужской пол, занимается спортом, без промаха забивающий гол в ворота, корзину противника;

фокусник

семема-1: лицо, мужской пол, профессионально владеет искусством показывать фокусы;

семема-2: лицо, мужской пол, отличается ловкостью, способностью на неблагоприятные проделки; ср. *trickster, cheat, dodger*;

семема-3: лицо, мужской пол, отличается капризным, привередливым характером.

Переосмысление титулов *госпожа, принцесса, королева, аристократка, царица* или *леди* интерпретируется в семной семасиологии как дифференциация семем одной и той же семантемы на семном уровне (например, наличие в семеме-1 семантического признака *социальное положение* – «принадлежность к высшему или правящему сословию» и в семеме-2 семантического признака *характерное отличие* – «всегда безупречно одета, обладает изысканными манерами, отличается гордой и величественной осанкой» и т.д.).

При семантически смещенном употреблении наименований лиц, ранее употребляемых в качестве обозначения объекта по *социальной* или *профессиональной принадлежности*, происходит их перемещение в разряд наименований по характерным качествам, уровню профессионального мастерства, межличностным отношениям и т.п. Например:

король → лицо, мужской пол, является самым лучшим среди других, достиг совершенства в чем-л.; ср. *король экрана, король вальса*;

рыцарь → лицо, мужской пол, увлеченно занимается чем-л.; ср. *рыцарь правды и справедливости, рыцарь плаща и кинжала*;

раб → лицо, мужской пол, полностью подчиняется каким-л. условиям, обстоятельствам; ср. *раб моды, раб привычек*.

Профессорами и **академиками** при вторичной коллоквиальной номинации могут стать люди самых различных профессий, высококвалифицированно выполняющие свою работу: *сапожники, слесари, монтажники, спортсмены, рыбаки, охотники* и пр.

Следует также отметить, что отношения контрадикторности, свойственные некоторым наименованиям лиц и выявляемые на семемном уровне (на уровне отдельных значений одного и того же слова), можно интерпретировать как наличие в их семном составе некоторых общих сем, способных в условиях иного контекста трансформироваться в энантиосемические семы, что объясняет способность слова выражать полярно противоположные значения. Такие семантически биполярные образования обычно отличаются своей контекстуальной зависимостью. Примерами именовании с амбивалентной семной структурой, в рамках которой квалифицируемый статусный признак может быть как положительным, так и отрицательным, могут служить:

философ

семема-2: лицо, мужской пол, отличается склонностью к отвлеченным рассуждениям, размышлениям; *способность к философским рассуждениям не приводит к каким-л. реальным результатам*;

семема-3: лицо, мужской пол, отличается рассудительным отношением к жизни, спокоино, бесстрастно переносит ее невзгоды и превратности; *способность к философским рассуждениям приводит к спокойному отношению к трудностям*;

материалист

семема-2: лицо, мужской пол, относится к действительности рассудочно, практически; *материалистический взгляд на жизнь требует проверки чего-л. на практике*;

семема-3: лицо, мужской пол, оценивает все с точки зрения материальных выгод для себя; *материалистический взгляд на жизнь требует действий, направленных только на повышение личного благосостояния*;

потребитель

семема-1: лицо, мужской пол, потребляет продукты какого-либо производства, чьей-либо деятельности; *человек участвует в потреблении, которое рассматривается как процесс имущественно-правовых отношений в обществе*;

семема-2: лицо, мужской пол, стремится только для удовлетворения своих потребностей и ничего не производит сам; *человек участвует в*

потреблении, которое рассматривается как односторонний процесс получения благ без усилий и затрат и т.п.

Особенность семантики анализируемых лексических единиц связана с тем, что они являются продуктом речи, они – результат семасиологического процесса, непосредственно детерминированного коммуникативной сферой языка, что диктует необходимость их рассмотрения не только с позиций внутренней структуры значения, но и в совокупности с процессами их функционирования. При анализе семантики таких речевых единиц на первый план выступают отношения обозначения, то есть отношения между знаком и денотатом. Такие отношения непостоянны, поскольку один и тот же денотат в силу своих многочисленных характеристик может получить в речи различное обозначение.

Очевидно, что сходства и различия между значениями одного и того же слова могут быть эффективно и аргументированно выявлены и описаны по обоснованным в семной семасиологии принципам и апробированным в практике лексикографического описания методикам. В связи с этим думается логичным и перспективным приложить данного лингвистического опыта в сферу выявления и описания синонимических отношений между отдельными значениями разных лексем.

В этом случае семантическая «близость» или «тождественность» двух или более семем будет доказана реальными результатами семного трафаретного описания отдельных значений слов и выявлена не интуитивно на основе некоторого интегрального признака, а фактически при сопоставлении семных структур конкретных семем.

Например, выявление синонимических отношений слов *биолог, физик, историк, математик, филолог* и т.п. с другими словами (например, *ученый, учитель, студент* и т.п.) следует проводить после семного описания каждой из их семем (в данном случае на уровне денотативных макрокомпонентов значений):

биолог

семема-1: лицо, мужской или женский пол, обладает специальными знаниями в области биологии;

семема-2: лицо, мужской или женский пол, обладает специальными знаниями в области биологии, преподает этот предмет в школе;

семема-3: лицо, мужской или женский пол, обладает некоторыми специальными знаниями в области биологии, изучает этот предмет на биологическом факультете института, университета.

Наглядным примером тождественных отношений между значениями слов на уровне микрокомпонентов значения (сем) служат номинативные дублиеты:

бабуля = бабулька = бабуся = бабуня: лицо, женский пол, зрелого или пожилого возраста, по отношению к своим внукам;

задира = **задирала**: лицо, мужской или женский пол, пристаёт к кому-л., вызывает ссору или драку;

молодой человек = **юноша**: лицо, мужской пол, юношеского или молодого возраста;

чужеземец = **чужестранец**: лицо, мужской пол, является подданным другой страны, приехал из другой страны.

В данных примерах лексико-семантическая синонимия соответствует отношению равнозначности денотативных макрокомпонентов сопоставляемых на семном уровне семем, т.е. подтверждается *денотативной* тождественностью или *денотативной* синонимией.

Однако трафаретная модель описания значения слова включает и другие структурные аспекты его семантики. Необходимость привлечения для номинации дополнительного признака бывает обусловлена фоном, на котором используется данное наименование. Идентификация лица, входящего в однородную с ним совокупность или даже в круг людей, один из которых уже имеет такой же различительный признак, нуждается в дополнительном различительном маркере, который зачастую имеет коннотативную или функционально-стилистическую природу:

- *вор, ворюшка, тать, ворюга, гангстер, грабитель, на руку не чист;*

- *предок, прадед, праотец, прародитель, пращур, родитель, родич.*

Наглядный пример доминирования коннотативных компонентов в структуре значения выявляется в наименованиях лиц общего инвективного и общего мелиоративного характера: *ангел, аспид, гад, гадина, гангрена, гнида, дерьмо, добродетель, дрянь, дьявол, зараза, индивидуальность, козел, курва, молодец, личность, монстр, мразь, отморозок, орел, плесень, редиска* и т.п.

Оценочность представлена в данных примерах дихотомией «хороший – плохой». Выбор номинатором той или иной позиции обусловлен ценностной ориентированностью человека в окружающем мире, что также отражается в структуре семантики языковых единиц. Сигнализируя о ценностном отношении говорящего к объекту наименования, подобные единицы языка используются в качестве эмоционально-оценочной характеристики последнего, в чем проявляется не только суть коннотации как макрокомпонента семантики, являющегося продуктом оценочного восприятия действительности, но и одновременно его доминирующая роль в структуре значения.

Отличительной особенностью таких семем является наличие равнозначных по оценке сем в денотативном и коннотативном макрокомпонентах значения, а именно: *отличается крайне негативными качествами* (денотативная сема) и *неодобрительное* (коннотативная сема) или *отличается исключительно положительными качествами* (денотативная сема) и *одобрительное* (коннотативная сема).

При этом в семемах, содержащих в своей структуре семы с описанием коннотативных эмоционально-оценочных свойств, вследствие снижения их номинативной способности происходит перераспределение доминирующей функции между макрокомпонентами значения, которое приобретает направление от денотативных сем в пользу коннотативных.

Кроме того, большинство производных семем эмоционально-оценочного характера ряда словообразовательных гнезд русского языка довольно часто не имеет различий по структуре денотативного макрокомпонента значения, однако отличается от производящей семемы и друг от друга составом семантических признаков, формирующих коннотативный макрокомпонент значения:

- *дурак* – *дурачок*, *дурашка*, *дурачина*, *дуралей*;
- *дура* – *дуреха*, *дурища*, *дурочка*;
- *внук* – *внучек*, *внучонок*;
- *офицер* – *офицерик*, *офицеришка*;
- *папа* – *папенька*, *папочка*, *папуля*;
- *сестра* – *сестренка*, *сестричка*;
- *моряк* – *морячок*;
- *солдат* – *солдатик*;
- *хозяйка* – *хозяйюшка* и т.п.

Образованные подобным образом эмоционально-оценочные номинации не только свидетельствуют в пользу усиления доминирующей роли коннотативных сем в структуре однокоренных производных семем, но и представляют собой богатый материал для выявления и описания синонимических отношений между ними, например, в *коннотативных* синонимических рядах.

Как уже отмечалось выше, синонимичные значения характеризуются тем, что в их семных структурах не только фиксируются одинаковые интегральные семантические признаки, но и выявляются различительные дифференциальные или так называемые конкретизирующие признаки, а также возможны градуальные различия по степени одного и того же признака:

специалист: профессионально владеет какой-либо специальностью – ср. **профессионал:** сделал какое-либо занятие, деятельность своей профессией, хороший специалист;

знаток: обладает большими специальными познаниями в какой-либо области – ср. **универсал:** владеет всеми специальностями в своей профессии – ср. **практик:** хорошо знает своё дело практически, накопил специальные знания путем практики;

спец: умеет хорошо делать что-либо – ср. **искусник:** искусен в каком-л. деле, ремесле, занятии – ср. **умелец:** умелый и искусный работник, обычно о человеке, занятом ручным трудом – ср. **мастак:** искусный и опытный в каком-л. деле человек;

любител: занимается чем-либо не как профессионал, а из интереса, сочетая эти занятия с основным делом – ср. **дилетант**: занимается чем-либо, не имея специальной подготовки / систематических знаний.

Аналогично, равнозначность и специфика семантических отношений между членами синонимического ряда могут быть выявлены и описаны во фразеологической микросистеме языка:

отчаянная голова: лицо, женский или мужской пол, безрассудно смелый, связанный с риском;

сорвиголова: лицо, женский или мужской пол, отчаянно смелый, непредсказуемый;

о двух головах: лицо, женский или мужской пол, неосмотрительно смелый, рискующий головой.

Несомненно, что в закономерностях синонимического варьирования проявляются характерные для каждого языка формы концептуализации действительности, очертания отражаемой в данном языке наивной картины мира. Индивидуальный запас синонимических средств определяет разветвленность «зон выбора» в лексиконе языковой личности и, соответственно, свободу ее речевого поведения.

В исследовании этого многогранного и в то же время малоизученного феномена значительную роль играет действенный и современный методологический подход, дающий в руки исследователя мощный инструмент для познания истины. В данной статье была обоснована возможность применения методик семного анализа значения и описания слова на семном и семемном уровнях для решения проблем выявления синонимических отношений между лексическими единицами [1-4].

1. Маклакова Е.А. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика): монография / Е.А. Маклакова. – Воронеж: «Истоки», 2009. – 353 с.

2. Маклакова Е.А. Семное описание и контрастивный анализ значения слова: на материале наименований лиц в русском и английском языках: монография / Е.А. Маклакова. – Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 2013. – 224 с.

3. Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дис. ... док. филол. наук / Е.А. Маклакова. – Воронеж, 2014. – 367 с.

4. Маклакова Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е.А. Маклакова, И.А. Стернин. – 2-е изд. – Издательство: Директ-Медиа, 2015. – 457 с.

5. Литвинова Ю.А. Лексикографические, текстовые и психолингвистические методы семантической дифференциации синонимов / Ю.А. Литвинова // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Вып. 3. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 32-38.

ЛЕКСИКА ПРАВОСЛАВИЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ И ОБЩИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Современная лексикография развивается в условиях технического переоснащения, что порождает множество отраслевых словарей, ускоряет обработку данных и расширяет возможности поиска лексических и семантических единиц. Сказанное весьма важно не только для естественнонаучной мысли, но и для сферы религии. Последние десятилетия отмечены появлением множества лексикографических работ, посвященных терминам православия, однако нерешенными остаются многие серьезные теоретические и прикладные вопросы.

Несмотря на то, что среди исследователей отсутствует единство взглядов не только на статус языка верующих и его элементов, но и на соотношение в нем специальных и неспециальных номинаций, многие ученые выделяют в лексике русского языка отдельное терминологическое поле религиозной лексики, что представляется правомерным, в первую очередь, по отношению к богословской и богослужебной лексическим подсистемам [1; 2]. Ср., например, толкование изучаемых понятий в трудах профессора К. Кончаревич, по мнению которой, религиозная (сакральная) лексика – это «языковые единицы (выражения), имеющие форму как отдельных слов (молитва), так и устойчивых словосочетаний (читать / прочесть молитву), в том числе терминологического характера (заамвонная молитва, разрешительная молитва, молитва входа)» [6, с. 60].

Как известно, сложные духовные понятия православия обозначаются помимо исконных слов различными по происхождению единицами: старославянизмами, грецизмами, гебраизмами, латинизмами и др. Исследуемое терминологическое поле в русском языке формировалось в результате взаимодействия иноязычных элементов из названных языков и древнерусского народного языка. В современном русском языке многим словесным единицам данного поля могут соответствовать лексемы с совершенно иным смысловым содержанием, что обусловлено особенностями исторического развития различных форм существования национального русского языка [3; 10, с. 123].

Подобные формальные соответствия слов, тождественных по своему графическому и акустическому облику, но далеких по современной семантике, нередко встречаются в современном православном дискурсе. Например, слова *прелесть*, *теплота*, *анафора* активно употребляются в современном русском религиозном и светском дискурсах. Ср.:

Прелесть духовная – состояние ложного духовного самосознания, при котором тонкое действие собственных страстей (прежде всего тщеславия и блудной страсти) и воздействие на душу и тело паших

духов субъективно воспринимается человеком как Божественная благодать и, в крайней форме, как святость [8, с. 251].

Прелесть. 1. Обман, обольщение. 2. Блуждание, уклонение [13, с. 271].

Прелесть. 1. Очарование, обаяние, привлекательность. 2. Приятные пленяющие явления, впечатления. 3. О ком-чем-н. прелестном, чарующем. 4. мн. Внешние черты женской красоты: женское тело (устар. и ирон.) [12, с. 583].

Ср. также общенародное и терминологическое (церковное) значения слова *теплота*, представленные в различных словарях русского языка:

Теплота. 1. Кипение, пыл... пыл веры, исполненный Духа Святого. 2. Вода (кипяток), которая вливается в потир [13, с. 355].

Теплота. 1. Горячая вода, вливаемая в потир перед причащением. 2. Горячая вода (иногда подслащенная или с добавлением вина), которую дают причастникам вместе с кусочком просфоры непосредственно после причащения; заправка [14, с. 380].

Теплота. 1. см. теплый. 2. Форма движения материи – беспорядочное движение частиц тела; энергетическая характеристика теплообмена, определяющаяся количеством энергии, к-рое получает нагреваемое тело (отдает охлаждаемое тело) (спец.) 3. То же, что тепло (разг.) [12, с. 794].

Следует обратить внимание, что в современном православном дискурсе существуют термины, принадлежащие одновременно двум и более терминосистемам.

Например, слову *анафора* помимо литературоведческого термина соответствуют следующие церковные значения: *Ἀναφορά* литург. Евхаристическая молитва, центральная молитва Божественной литургии и *Ἀναφορά Ἀγία* Святое Возношение (одно из наименований Святых Даров, возносимых Господу в таинстве Евхаристии) [11, с. 35].

Анализ общих и специальных толковых словарей современного русского языка свидетельствует о том, что во многих общенародных лексикографических изданиях нередко отсутствуют значения слов, принадлежащих православной терминологической системе, и не поясняются семантические различия общенародных нейтральных слов и терминов [4; 5; 9; 15].

Думается, что важнейшим направлением лексикографической работы в исследуемой сфере станет разработка словарных статей, содержащих «светские» и «церковные» значения представленных многоплановых терминов. При этом формирование словника необходимо осуществлять с помощью частотных словарей. Например, словарь О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова на базе Национального корпуса русского языка позволяет выявить наиболее частотные леммы исследуемой тематической сферы: *любить, отец, образ, закон, бог, душа, любовь, служба, создание, брат,*

верить, небо, церковь, добрый, вера, надежда, дух, надеяться, любимый, святой и др. [7].

Очевидным представляется разделение подобной лексики на узкоспециальные термины и частотные общеупотребительные слова, которые, на наш взгляд, должны быть включены в общенародные толковые словари с необходимыми для точного понимания всех смыслов иллюстрациями и пояснениями.

1. Алексеева М.О. Когнитивные аспекты изучения терминологии русского православия / М.О. Алексеева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – №119. – 2009. – С. 197-202.

2. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов): дис. ... канд. филол. наук / Р.И. Горюшина. – Волгоград, 2002. – 180 с.

3. Загоровская О.В. Лексико-семантические особенности русского православного дискурса / О.В. Загоровская, И.К. Матей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 4 (58). – Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 122-125.

4. Загоровская О.В. Русская православная лексика как предмет изучения в современной русистике / О.В. Загоровская, И.К. Матей // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сб. научных трудов / [под ред. докт. филол. наук, проф. О.В. Загоровской]. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – Вып. 18. – С. 3-14.

5. Загоровская О.В. Семантическая многоплановость слова «совесть» в русском языке и русской духовной культуре (по данным лингвистических и энциклопедических словарей и справочников) / О.В. Загоровская, И.С. Шевченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 10(40). – Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 54-58.

6. Кончаревич К. Лингвокультурологическое комментирование как аспект лексикографической деятельности (применительно к учебному богословскому словарю) / К. Кончаревич, М. Радванович // Русский язык как инославянский. – Белград: Славистическое общество Сербии, 2012. – 163 с.

7. Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1112 с.

8. Маркичева О.Г. Православная энциклопедия. Обряды, таинства, посты, праздники: ок. 2000 статей / О.Г. Маркичева. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 383 с.

9. Матей И.К. Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей: дис. ... канд. филол. наук / И.К. Матей. – Воронеж, 2012. – 190 с.

10. Матей И.К. Особенности представления православной лексики в современных словарях / И.К. Матей // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Вып. 1(20). – 2016. – С. 6-10.

11. Назаренко А.А. Греческо-русский словарь христианской церковной лексики (с толковыми статьями): 4500 слов и выражений / свящ. А.А. Назаренко. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – 192 с.

12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.

13. Седакова О.А. Церковно-славянорусские паронимы: Материалы к словарю / О.А. Седакова. – М.: Греко-латинский кабинет И. М. Шичалина, 2005. – 432 с.
14. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры / Г.Н. Складаревская. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель АСТ, 2008. – 447 с.
15. Шевченко И.С. Русская православная лексика духовно-нравственного содержания: семасиологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / И.С. Шевченко. – Воронеж, 2016. – 283 с.

И.В. Милованова (Воронеж)

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Современная лексикография – это активно развивающаяся область языкознания, стремящаяся достичь всё более полного системного описания лексики языка.

Трудно назвать ту область языка, которая не была бы охвачена современной лексикографией. Издаются грамматические, словообразовательные, морфемные словари, словари ударений и сочетаемости слов, орфографические и орфоэпические словари, в которых описываются, систематизируются, нормируются практически все области языковой деятельности. Появляются новые типы словарей, которые рассматривают все или отдельные пласты лексики под каким-либо специфическим углом зрения. Таковы, например, частотные, обратные и ассоциативные словари. Задача частотных словарей – показать степень употребительности слов в речи. В обратных словарях слова располагаются в алфавитном порядке конечных букв, что важно для изучения продуктивности суффиксов. Ассоциативные словари строятся на основе изучения связей слов, ассоциаций, существующих между словами в сознании говорящих.

В последнее время лексикографы проявляют интерес к языку художественной литературы. Прежде всего, создаются словари языка отдельных писателей, включающие все слова, употребленные в сохранившихся текстах писателя. Например, созданы словари языка У. Шекспира, В. Гёте, А.С. Пушкина. Также издаются словари, отражающие особенности как языка художественных произведений, так и его лексики в целом, например, словари эпитетов («Словарь эпитетов русского языка» и др.).

Тип словаря иногда определяют в зависимости от расположения в нем материала – алфавитного или неалфавитного. Чаще всего в построении словарей используется алфавитный порядок расположения материала. К словарям с неалфавитным принципом расположения материала относятся

так называемые идеографические словари, в которых распределение слов осуществляется по классам понятий. Идеографические словари называют также тезаурусами. Первым современным идеографическим словарем считается «Тезаурус английских слов и выражений» П.М. Роже (1852). В этом словаре все понятийное поле английского языка было разбито на четыре класса: абстрактные отношения, пространство, материя, дух. Каждый класс делится на виды, каждый из которых распадается на группы – их всего 1000. Схема П.М. Роже позднее была применена при составлении идеографических словарей французского, немецкого, испанского и других языков.

Системность лексики находит свое отражение в словарях синонимов, антонимов, омонимов, в терминологических словарях, в словарях иностранных слов. Разделение словарного состава на лексику родного языка и иноязычную лексику представлено в словарях иностранных слов, включающих заимствованную лексику.

Широко распространены в лексикографической практике переводные, чаще всего двуязычные (например, русско-английский и англо-русский словарь), а иногда многоязычные словари. В них вместо толкования значений слов даются их переводы на другой язык или языки, то есть прослеживается эквивалентность лексики данного языка лексике других языков.

Говоря о типах словарей, часто выделяют словари общие и специальные, или дифференциальные. Общие словари охватывают общеупотребительную лексику или языковой материал, независимо от его профессионального, стилевого, диалектного, грамматического и подобного членения. Специальные словари выделяют лексику по какому-либо одному признаку – диалектному, профессиональному, грамматическому и т.д.

В терминологических словарях лексика того или иного языка классифицируется по отраслям знаний. Например, среди филологов популярен «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой и «Словарь литературоведческих терминов» Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева.

В процессе работы с научным текстом необходимость обращения к терминологическому словарю возникает в случае невозможности, в силу недостаточного владения значением употребляемых в тексте терминов, осуществлять синтез языковых средств, ведущих к конструированию смысла. В этой связи терминологический словарь, дающий первичное конкретное знание, открывает доступ к дальнейшей активной деятельности по извлечению информации из читаемого текста.

Одним из приоритетных направлений современной лексикографии является научно-техническая лексикография, в основе которой лежит терминоведение. Это направление терминологических исследований в работах разных ученых именуется по-разному. Его называют отраслевой

лексикографией, терминологической лексикографией [4], научно-технической лексикографией [2; 3] и терминографией.

Терминография определяется как наука о теории и практике составления специальных (терминологических) словарей. С.В. Гринёв утверждает, что терминография – это один из разделов лексикографии [4]. З.И. Комарова подчеркивает, что терминография является отдельной научной дисциплиной и в подтверждение этого выдвигает следующие аргументы [6]:

- теоретической основой терминографии является не лексикография, а терминоведение;

- как практическая деятельность по составлению словарей лексикография и терминография существуют параллельно;

- в истории отечественной лексикографии терминологические словари были и являются базой при создании общезыковых словарей русского языка. При составлении современных толковых словарей также используются все основные терминологические словари.

Терминография, как и лексикография, существует в единстве и взаимообусловленности практики, истории и теории, а теоретическая терминография складывается из двух основных элементов: теории и истории терминографии.

Терминологическая лексикография – наука молодая, только в XX веке стала активно набирать ритм и разрабатывать концепции создания теоретических научных и учебных словарей лингвистических терминов и понятий. Это можно объяснить тем, что сам репертуар языковедческих единиц в XIX столетии был еще не до конца систематизирован, многие термины устарели, а новые стали активно возникать и утверждаться в практике лингвистической и дидактической деятельности только на рубеже двух столетий.

Языки для общих и специальных целей взаимопроникают друг в друга, образуя область пересечения, содержащую терминологию. В национальном языке функционируют лексические единицы данного общелитературного языка и терминологика, которая, наряду с терминологией, формирует язык профессиональной коммуникации.

Информационные процессы ускорили создание всевозможных методик формализации языка, а также развитие тезаурусного моделирования.

А.В. Русакова выделяет признаки терминологических словарей. Терминологические словари, имея много общего с общезыковыми словарями, представляют собой всё же особый тип словарей, для которых свойственны некоторые отличительные признаки: они описывают терминосистему или терминосистемы; они иначе интерпретируют свои объекты, чем другие словари; они профессионально ориентированы. Основной задачей терминологического словаря является отражение системных связей между включенными в него единицами [7].

Современная терминология уделяет внимание и типологии словарей. Как справедливо отмечает А.В. Русакова, учитывая многоаспектный характер терминологических словарей, нельзя говорить о существовании какого-то одного критерия, способного лечь в основу такой типологии. Однако наличие нескольких возможных критериев не вызывает сомнения, при этом данные критерии могут носить как общелексикографический, так и сугубо специальный характер (критерий тематической ориентации, способ упорядочения словника, хронологическая ориентация, языковая ориентация и другие) [7]. Композиционные параметры терминологического словаря включают в себя два основных элемента: макро- и микроструктуру, первая из которых включает строение словаря как самостоятельной системы с ее внутренними связями и многоплановой организацией, а вторая представляет собой всю информацию, размещенную в рамках словарной статьи, с учетом ее формата, объема и структуры. Современная лексикография значительно расширила свои возможности благодаря внедрению электронных словарей, под которыми понимается любое лексикографическое произведение на машинных носителях, снабженное программами автоматической обработки и пополнения. Основными отличительными чертами электронных словарей являются гибкость, множественность, динамичность, обратимость, а также возможность использования мультимедийных средств. Электронный словарь представляет собой универсальное и удобное средство представления различной информации. В содержательном отношении словарь данного типа характеризуют как один или несколько словарных файлов (наборов данных, содержащих тексты или фрагменты словарных статей какого-либо введенного в ЭВМ или созданного в ней словаря), индексы к ним, описание макро- и микроструктуры этого словаря и система программ, обеспечивающих создание этой конструкции, ее поддержание в рабочем состоянии, ее преобразование и обращение к ней за справками.

В практике информационной работы большое распространение получили информационно-поисковые тезаурусы, главная задача которых – это единообразная замена лексических единиц текста стандартизованными словами и выражениями («дескрипторами») при индексировании документов и использование родовидовых и ассоциативных связей между «дескрипторами» при автоматизированном информационном поиске документов.

Все словари, которые относятся к терминологическим в широком смысле, объединяются все же в один, теоретически особый тип по трем основным признакам:

- 1) они должны описывать терминосистему или терминосистемы;
- 2) иначе интерпретировать свои объекты, чем другие словари;

3) быть профессионально-ориентированными во всех звеньях своей структуры.

По мнению Л.Т. Борисовой [1], основной задачей терминологического словаря является отражение системных связей между включенными в него единицами, иначе говоря, словарь должен раскрывать структуру терминосистемы, которая полностью зависит от структуры данной конкретной области знания. Однако при этом не стоит забывать о том, что сфера фиксации предметной области не тождественна ее терминосистеме.

Исходя из такого широкого понимания терминологического словаря как словаря особого типа, формируются следующие общие задачи составления словарей:

- содействовать распространению выверенной и унифицированной терминологии;
- предостеречь от употребления терминов, искажающих действительность и тормозящих овладение передовой техникой;
- содействовать повышению квалификации практиков и учащихся как объяснением отдельных терминов, так и указанием на их систему;
- помогать авторам учебников и преподавателям на деле внедрять единую терминологию;
- рационализировать деловую переписку;
- дать материал историкам науки и техники для объяснения исторических терминов (то есть терминов, вышедших из употребления);
- дать возможность создания аналогичных терминологий на национальных языках.

Конечно, для того, чтобы уметь объективно оценивать качество терминологического словаря, необходимо ориентироваться на определенные требования, предъявляемые к данному типу словарей. Обычно такие требования отражают специфические нужды пользователей, однако можно говорить о существовании и общих требований к терминологическим словарям:

- 1) адекватное описание лексики выбранной области науки и техники;
- 2) наличие всей необходимой информации;
- 3) отсутствие избыточной и ненужной информации;
- 4) унификация композиции и систем индексации подобных словарей с тем, чтобы облегчить переход от одного типа словаря к другому, поэтому в некоторых случаях создаются системы словарей или несколько словарей исходного типа, имеющие одну цель и одно терминографическое выполнение.

Что же касается типов терминологических словарей, то, по мнению С.В. Гринёва, проблема создания надежной типологии словарей специальной лексики является «первоочередной по отношению к общей проблеме выработки методологии создания словарей, так как определение и всесторонний анализ существующих словарей необходимы для

установления общих принципов их создания, учета особенностей реализации этих принципов при подготовке отдельных разновидностей словарей и выработки единообразных подходов к описанию специальной лексики в однотипных словарях» [4].

Я.Л. Донской также связывает проблемы подготовки специальных словарей с предварительным построением или принятием их типологии. По его мнению, «любую типологию (научную классификацию) словарей можно рассматривать как своеобразный информационно-поисковый язык, словарный состав и грамматика которого определяются его видом» [5].

Создание типологии словарей предполагает выделение определенных лексикографических характеристик, параметров, служащих основаниями для классификации, описания и оценки словарей, а также их проектирования. Выделение таких параметров дает возможность формализации и некоторого упрощения технологии создания словарей, а также унификации их композиционных средств. С.В. Гринёв подчеркивает, что такая унификация облегчает пользователям переход от одного словаря к другому, является одним из условий автоматизации процесса подготовки и издания словарей, позволяет облегчить процесс подготовки словаря и повысить его качество [4].

Исследователи указывают на весомый обучающий потенциал терминологических словарей. Обучающая функция, свойственная любому словарю (в том смысле, что он является справочным пособием, содержащим необходимую пользователю информацию и выполняет нормализующую функцию), особенно ярко проявляется в словарях учебной направленности.

Использование терминологических словарей имеет также большое значение для самостоятельной работы с текстами по специальности, причем не только в процессе обучения будущих специалистов в различных областях знаний, но и в профессиональной деятельности, в ходе которой им придется самостоятельно осуществлять поиск, переработку и практическое использование профессиональной информации. Самостоятельная работа с научной литературой предполагает высокую степень свободы в выборе стратегий и тактик чтения. Кроме того, обращение к словарю имеет воспитывающий характер, развивает потребность в работе со справочной литературой, приучает к вдумчивому, серьезному отношению к научному тексту, формирует мотив самостоятельного обращения к дополнительным источникам информации, что способствует становлению профессионального мышления будущего специалиста.

1. Борисова Л.Т. О системном подходе к представлению терминологии в отраслевом словаре / Л.Т. Борисова // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. – Горький: Горьковский ун-т, 1985. – С. 23-31.

2. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем) / А.С. Герд. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1986. – 72 с.
3. Герд А.С. Терминологический словарь среди других типов словарей / А.С. Герд // Современная русская лексикография. – Л., 1981. – С. 106-112.
4. Гринев С.В. Введение в терминологическую лексикографию: учеб. пособие / С.В. Гринев. – М.: МГУ, 1986. – 102 с.
5. Донской Я.Л. Словник в научно-технической лексикографии: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Я.Л. Донской. – Л., 2006.
6. Комарова З.И. Основные направления терминологической работы в России и за рубежом / З.И. Комарова // Лингвистический бюллетень уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 1995. – Т. 1. – С. 28-29.
7. Русакова А.В. Лингвистическая модель двуязычного электронного текстоориентированного словаря юридических терминов (на материале Конституции Российской Федерации, Конституции Французской Республики и Конвенции о защите Прав человека и основных свобод): дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 198 с.

Н.М. Орлова (Саратов)

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ

Тематическая таксономия лексики имеет длительную традицию, что служит несомненным свидетельством ее практической целесообразности. Так, еще в XVI в. до н.э. египтяне, классифицируя слова по группам, выделили в их числе названия нубийских крепостей, верхнеегипетских городов, масел, сортов хлебных изделий, видов зерна, фруктов, видов домашнего скота, частей человеческого тела. В конце XII в. до н.э. появляется «Ономастикон Аменемоне», содержащий 600 слов, расположенных по группам: небо, вода, земля, двор царя, должности, занятия, племена и народы, города Египта, постройки и их части, земельные участки, напитки и пищевые продукты.

Шумеры и вавилоняне систематизировали свои познания о языке в значительной мере за счет классификации по предметным группам, выделяя при этом наименования растений, животных, камней, профессий и др.

Арабские языковеды подвергли многосторонней классификации лексику арабского языка с учетом соотношенности слов с реалиями действительности; при этом они стремились ответить на вопрос, является ли слово знаком реальных предметов или знаком мысленных образов этих предметов.

В античном языкознании на проблему тематической классификации слов оказали влияние идея Логоса, а также диспут о «правильности имен». Большое значение имеют опыты античных ученых, касающиеся

практической классификации слов по различным основаниям, в том числе и по тематическому принципу.

Византийская лексикография, хотя и была беднее античной, тем не менее, решала вопросы тематической классификации слов, и без византийской традиции немислимо было бы появление тезаурусов европейских языков, т.е. одноязычных толковых или тематических словарей, максимально отражающих связь лексики с реалиями действительности.

Опыт византийских ученых, касающийся создания алфавитных энциклопедических сводов, нашли отражение в трудах Я.А. Коменского и явились первоосновой его лингво-педагогической концепции – сопровождать обучение языку информацией о разнообразных реалиях объективного мира. «Школа учит словам ранее вещей, – говорил Коменский. – Между тем, как вещь есть сущность, а слово – нечто случайное. Итак, слово нужно преподавать и изучать не иначе, как вместе с вещами» (цит. по: [11, с. 67]).

Позднее Г. Шухардт положил эту идею в основу своей теории – изучению истории слов в связи с обозначаемыми ими реалиями действительности. Итогом реализации идей Я.А. Коменского, касающихся тематической классификации лексики, явилось создание энциклопедического компендиума «Пансофический словарь вещей». Одновременно стремясь осуществить практическую идею учить не словам, а вещам, обозначаемым этими словами, Я.А. Коменский создает два практического руководства. В первом («Преддверии») он приводит около 1000 слов, объединенных в 437 кратких предложений, в свою очередь объединяемых в 17 тематических групп. В более позднем (расширенном) издании «Открытая книга языков» приводится 8 тысяч латинских слов, объединенных в 1000 фраз и 100 тематических разрядов [5, с. 46-48].

В Новое время проблема тематической классификации лексики не только не утратила своей значимости, но получила дальнейшее углубление за счет многочисленных небезуспешных попыток осмысления особого статуса этого вида классификационной деятельности – за счет разграничения принципов тематической классификации с лексико-семантической, ассоциативной, полевой и другими видами лингвистической таксономии, за счет реализации скорректированной методики классификационно-тематического описания различных пластов лексики разных языков, попыток связать классифицирующую деятельность с потребностями ономастологии, аксиологии и когнитивной лингвистики.

При филологическом анализе библейских текстов чрезвычайно важным является отбор представляющих филологический интерес объектов анализа – реалий, концептов, прецедентных феноменов, ключевых слов и т.п. [6, с. 8].

Мир Библии, т.е. жизненная сфера существования человека библейской эпохи, имел свою структуру и совокупность составляющих его ингредиентов, свои территориальные, природные, социальные, культурно-исторические и этнографические начала. Всё, что окружало человека, определенным образом влияло на его духовный облик, а это, в свою очередь, оказывало влияние на создаваемый им труд – Священное Писание, или Библию. Наиболее существенные из этих начал можно представить в виде тематических групп как объединений слов, основывающихся не на лексико-семантических связях, а на классификации предметов и явлений.

Существует ряд работ, в которых прямо или косвенно указывается на наличие тех или иных групп лексики в составе лексико-фразеологических библеизмов. Так, И.А. Королевой при анализе сакрально-богослужебной лексики выделяется лексика сакральная – «базирующаяся на понятии вера» [3, с. 12]; в пределах этого круга лексики могут быть выделены ЛСГ по степени «обладания высшим совершенством и сверхъестественной силой», а именно «Бог – дьявол», «Высшие существа», «Последователи – противники Бога». В состав богослужебной лексики включаются единицы, связанные с ритуалом, с совершением религиозных обрядов, с церковной службой, а ЛСГ (точнее, ТГ, тематические группы) выделяются в зависимости от степени связанности с религией и церковными обрядами – «Люди», «Место, строение», «Атрибутика» [3, с.12-16].

Г.Н. Склиаревская называет в словнике «Словаря православной церковной культуры» следующие группы: основные понятия вероисповедания и богословия; единицы, относящиеся к лексике христианской морали; названия церковных таинств; наименования Небесной иерархии; наименования иерархов церкви; элементы церковного календаря; формы, элементы и предметы богослужения, части православного храма; имена библейских персонажей, а также названия лиц, выделяемых по каким-либо качествам, одобряемым или порицаемым православной церковью [8]. О.А. Прохватилова выделяет тематические группы лексики в системе лексических средств проповеди и молитвы (наименования церковных праздников; наименования постулатов христианского вероучения, нравственно-религиозной этики; наименования важнейших понятий христианства и православия) [7]. Указания на наличие ряда тематических групп в составе лексики, связанной с Библией, содержатся в работах С.В. Булавиной [2], К.А. Тимофеева [10] и др.

Большие группы понятий и лексики, которая связана с их номинацией, выделены в книге Андре Шураки «Повседневная жизнь людей Библии» [12]. Выделение групп проведено на основе Библейских текстов, этнографического и археологического материала, что позволило автору создать картину повседневной жизни древнего Израиля в эпоху его расцвета – в царствование Самуила, Давида и Соломона. В соответствии с

сугубо антропоцентрическим подходом выделяются разделы «Человек и земля», «Человек и время», «Человек и небо». Некоторые группы обнаруживают близость близки к тематическим разрядам, выделенным нами («Сельское хозяйство», «Ремесла», «Питание», «Медицина»); другие в большей степени отнесены к отдельным образам Библии («Моисей»), к религиозным понятиям (глава «У истоков света» раздела «Человек и небо»: «Сакральное», «Место пребывания Господа», «Алтарь», «Ангелы», «Священники и левиты», «Любовь – основа этического монотеизма» и т.д.). Обычаи рассмотрены в главах «Череда дней» («Время и его значение», «Календарь», «Книги», «Обрезание», «Женщины Библии», «Трагедия и смех») и «Жить и продолжать свой род» («Предсказание будущего», «Мудрость», «Старость и смерть», «Молитва» и т.п.).

«Путеводитель по Библии. Ветхий Завет» Айзека Азимова [1] структурирован в полном соответствии с Книгами Ветхого Завета и не предусматривает тематической классификации, однако рассматриваемые в рамках «путеводителя» понятия в ряде случаев помогли нам в выделении лексики для включения в тематические группы. Ср., например, комментарий к Книге пророка Ионы, в котором рассматриваются четыре наиболее значимых объекта: *Иона*, *Ниневия*, *Большой кит*, *Растение* [1, с. 611]. Два из них включены нами в соответствующие тематические группы («География. Географические объекты» и «Животные»), все они – в том числе имя пророка и не имеющее наименования «растение» – могут быть подробно рассмотрены также в рамках precedentного текста «Иона пророк» [4, с. 7-8].

Нетрудно заметить, что все эти классификации проводятся с позиции определенного религиозного мировосприятия либо не решают лингвистических задач. Цель, поставленная нами, была несколько иной: очертить концептуальную картину мира народа, который явился создателем Библии, и выделить тематические группы в кругу номинантов концептов и прочих значимых понятий. Если можно говорить о довербальном уровне концептосферы, то это картина реального мира народа-создателя Книги Книг, которая объективируется в языке и сознании целого народа и каждого индивида, а на этой базе формируется концептуальная картина мира и усложняется структура концептов.

Таким образом, мы вычленим понятийный уровень концептов библейского истока, соотносимых с соответствующими денотатами, наименованиями физически осязаемых предметов вещного мира, географических объектов, обычаев и традиций, статуса человека и т.п. Концептуальная картина мира зиждется на этом предметном мире и его ценностях. Дальнейшее формирование концептов происходит в Библии, прежде всего в тексте Ветхого Завета, и представляет собой системность высшего порядка. Концептосфера колоссально расширяется за счет понятий религиозного толка, поскольку именно Библия отражает

важнейший перелом в сознании человечества: переход от многобожия к монотеизму (заметим, что уже в трактовке многих древнегреческих философов идея Логоса была родственна идее единого Бога, иными словами, магистральной философской идее человечества).

Тематическая классификация библейской лексики выполняет функцию подосновы концептуального анализа. Материальные и духовные ресурсы народа, явившегося создателем Библии, раскрываются на базе выделения следующих тематических групп: 1. География. Географические объекты. Этнические общности. 2. Климат. Природные явления. 3. Полезные ископаемые. 4. Растительность. 5. Животный мир. 6. Трудовая деятельность и ее результаты. 7. Строительное дело. 8. Торговля. 9. Медицина. 10. Военное дело. 11. Меры и средства измерения времени, расстояния, объема, веса, количества. 12. Социальное, экономическое, юридическое, семейное положение человека. 13. Культура. Искусство. Образование. Спорт. 14. Обычаи. Традиции. 15. Нравственные качества. Пороки и добродетели. 16. Внешний вид человека. 17. Одежда. Ткани. 18. Пища. 19. Письмо.

При отборе и минимизации материала для наполнения предложенной идеографической схемы мы ориентировались на активную часть библейской лексики и фразеологии, способной выполнять не только чисто номинативную, но и символическую, компаративную, метафорическую и другие функции, т.е. на ту часть лексики, учет и изучение которой позволяет решить поставленные задачи филологического комментирования библейских текстов. Ядром лексики, отобранной для классификации, явилась лексика Ветхого Завета с привлечением некоторых важнейших наименований из Нового Завета, тесно связанных с ветхозаветными понятиями. Номинанты, обозначающие такие понятия, содержатся, например, в тематической группе «Нравственные качества. Пороки и добродетели», поскольку многие из них окончательно сформировались в тексте Нового Завета («любовь», «милосердие», «надежда», «вера», «лицемерие», «смирение»). С другой стороны, лексемы «богохульство», «мщение», «чревоугодие» могут быть семантизированы на примерах из текстов как Ветхого, так и Нового Завета.

Представляя отдельные группы, мы стремились в большинстве случаев дать примеры прямого или косвенного участия компонентов тех или иных тематических групп в формировании прецедентных ситуаций и соответствующих концептосфер. При этом следует еще раз подчеркнуть, что реальная картина мира народа Библии в целом оказала огромное влияние на формирование концептуальной картины мира, представленной в Библейском тексте, а последний, в свою очередь, становится прецедентным феноменом и участвует в формировании большого количества общезыковых концептов.

Рассматривая предлагаемую идеографическую схему, которая включает 19 разделов, необходимо сделать замечание о кросс-тематических явлениях, подчеркнув, что они связаны преимущественно не с семантикой компонентов (как в лексико-семантических группах), а с близостью предметов и явлений, которая наблюдается во внеязыковой действительности. Стремясь реализовать принцип однородности предметной области, которую охватывает словарь, мы стремились также к полноте ее охвата. При этом неизбежно как перекрещивание тематических областей (поскольку реально существуют кросс-денотативные явления), так и разная глубина и подробность описания различных сегментов конкретной предметной области. В отдельных случаях перекрещивание актуализируется непосредственно в тексте Библии. Так, *жатва* и *бедность* коррелируют в контексте ситуации «Руфь», и взаимосвязь этих концептов регулярно воспроизводится в ряде текстов, обращающихся к данной ситуации [9, с. 93].

1. Азимов А. Путеводитель по Библии. Ветхий Завет / А.Азимов. – М.: Центрполиграф, 2005. – 639 с.

2. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: дис. ... канд. филол. наук / С.В. Булавина. – Воронеж, 2003. – 156 с.

3. Королева И.А. Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Королева. – Волгоград, 2003. – 186 с.

4. Орлова Н.М. Библейский текст как генератор прецедентности: Книга пророка Ионы / Н.М. Орлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 5-9.

5. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен / Н.М. Орлова. – Саратов, СГСЭУ, 2008. – 352 с.

6. Орлова Н.М. Книга книг. Филологический комментарий библейских текстов / Н.М. Орлова, М.В. Черепанов. – Саратов: Научная книга, 2006. – 380 с.

7. Прохвятилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: автореф. дис....д-ра. филол. наук / О.А. Прохвятилова. – М., 2000. – 46 с.

8. Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры / Г.Н. Складневская. – М.: Наука, 2000. – 278 с.

А.В. Пантелеева (Воронеж)

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Лексические единицы в качестве компонента семантики содержат темпоральные семы – компоненты, отражающие информацию, указывающую на период функционирования данной единицы в языке и социуме. Отсутствие темпоральной пометы в словаре свидетельствует о том, что слово функционирует в современном актуальном языковом

сознании. *Устаревшее, устаревающее* – значит, слово неактуально для современного языкового сознания, но употреблялось ранее; *новое* указывает на то, что слово появилось и вошло в употребление недавно.

Е.А. Маклакова и И.А. Стернин так характеризуют темпоральный компонент значения слова: «**темпоральный** микрокомпонент указывает на восприятие языковым сознанием слова как обладающего определенной временной характеристикой (*современное, новое, устаревающее, устаревшее*):

современное – антиквар, актер, ветеран, взрослый, врач, горожанин, гонщик, дама, дачник, девочка, иностранка, интурист, квартирант, консультант, космонавт, кочегар, курьер, лингвист, литературовед, лысый, мальчик, модница, музыкант, одиночка, офицер, правнук, подводник, плотник, проектировщик, работник, режиссер, садовод, сезонник, студент, сирота, француз, холостяк, японка;

новое – антиглобалист, даун-шифтер, террорист-смертник, наркобарон, ньюсмейкер, хакер, сноубордист, фрилансер, имидж-мейкер, креативщик, кризисник, спичрайтер, киллер, рекламист, коучер, пиарщик;

устаревающее – воительница, знакомица, лазутчик, матрона, нацменка, сватья, свояченица, сказительница, словесник, стряпуха, сударушка, супостат, сокласница, сподвижник, суженый, товарка, хлебосол;

устаревшее – государышня (дочь государя), драгоманша (жена драгомана – переводчика при посольстве или консульстве европейской страны в странах Востока), заводчица (владелица завода), нарпитовка (в СССР до 1930 г. – сотрудница системы нарпита), сарафанница (крестьянка), самоедка (представительница северных народов)» [2, с. 139].

Но могут быть и более конкретные темпоральные пометы, указывающие на конкретный временной период функционирования слова: *в петровскую эпоху, в царской России, в советское время* и под. Например: **нарпитовка** (в СССР до 1930 г.) – сотрудница системы нарпита; **шкряб** (в России в 20-е гг. XX века) – школьный работник; **лишенец** (в России 1920-1937 г.) – лицо, лишенное избирательных прав и под.

Представляет интерес наличие темпоральных компонентов в именах собственных. Возникает вопрос – указывают ли имена собственные на их преимущественное употребление в конкретный исторический период? Можно ли в связи с этим интерпретировать их как определенную возрастную характеристику их носителей (что важно для диагностической экспертизы текста в лингвокриминалистике)?

Методом сплошной выборки были выделены имена собственные из словаря «Толковый словарь языка Совдепии» В.М. Мокиенко [3].

Исследование показывает, что в период 20-30-х гг. XX века в России, а затем и в СССР, сформировалась традиция давать детям новые, искусственно придуманные имена, отражающие новую, революционную эпоху. В этот период родители старались отразить в именах своих детей

новые революционные процессы и явления. Слом прежних общественных устоев и традиций наречения именем, связанных, прежде всего, с обязательностью выбора имени для новорожденного по святцам при совершении обряда крещения, предоставил родителям большую свободу выбора имен детям.

Детям в 20-30-х гг. XX века, но иногда и позже, вплоть до 60-ых гг. прошлого века, давали имена, которые по происхождению могут быть подразделены на следующие группы.

Географические названия и времена года

По месяцу рождения: Декабрий, Декабрина, Ноябрьрина, Сентябрина, Февралин, Апрельна, Октябренок.

По наименованиям рек, городов и гор: Нева, Каир, Лима, Париж, Гималай, Алтай, Ангара, Урал и даже Авксом (Москва наоборот).

Природа и ресурсы: Дуб, Береза, Азалия, Оляха, Гвоздик.

Наука и техника: Алгебрина, Ампер, Гипотенуза, Нэтта (от «нетто»), Дрезина, Трактор, Ом, Электрина, Элина (электрификация + индустриализация); Гранит, Рубин, Радий, Вольфрам, Гелий, Аргент, Иридий.

Лозунги-аббревиатуры:

Дазвсемир – от «Да здравствует всемирная революция!»

Даздранагон – от «Да здравствует народ Гондураса!»

Даздраперма – от «Да здравствует Первое мая!»

Даздрасмыгда – от «Да здравствует смычка города и деревни!»

Даздрасен – от «Да здравствует Седьмое ноября!»

Далис – от «Да здравствуют Ленин и Сталин!»

Дамир(а) – от лозунгов «Даёшь мировую революцию!», «Да здравствует мировая революция» или «Да здравствует мир»

Дасдгэс – от «Да здравствуют строители ДнепроГЭСа!»

Дележ – от сокращения лозунга «Дело Ленина живет»

Делеор – от «Дело Ленина – Октябрьская революция»

Кравасил – от сокращения лозунга «Красная армия всех сильней»

Кукуцаполь – от сокращения лозунга времен правления Н. С. Хрущева «Кукуруза – царица полей»

Пячегод – сокращение от лозунга «Пятилетку – в четыре года!»

Новые идеологические понятия

Борец – от «борцов за правое дело революции»

Военмор – от сокращения словосочетания «военный моряк»

Гласп – предположительно от «гласность печати»

Кид – от сокращения словосочетания «коммунистический идеал»

Ревволь – от сокращения словосочетания «революционная воля»

Ревдар – от сокращения словосочетания «революционный дар»

Серп-И-Молот – сложносоставное имя; от советской геральдической эмблемы

Коммунэра – от сокращения словосочетания коммунистическая эра

Искра – от нарицательного существительного

Лаиля – от сокращения словосочетания «лампочка Ильича»

Люция – от Революция

Победа – от нарицательного существительного

Праздносвета – от сокращения словосочетания «праздник советской власти»

Реввола – от сокращения словосочетания «революционная волна»

Названия советских и международных учреждений и организаций

Автодор – от сокращённого названия «Общества содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог»

Агитпроп – от сокращённого названия (до 1934 года) Отдела агитации и пропаганды при ЦК ВКП (б)

Кармий, Кармия – от сокращения названия Красная армия

Ким – от названия организации Коммунистический интернационал молодежи

Национал – от сокращения слова интернационал

Вожди, революционные деятели и герои СССР

Как правило, новые имена составлялись из первых букв имени-фамилии, или же из фамилий нескольких человек, а иногда это была фамилия+лозунг:

Бестрева – от сокращения словосочетания «Берия – страж революции»

Бухарина – от фамилии Н.И. Бухарина

Будёна – от фамилии С.М. Буденного

Дзерж – по фамилии Ф.Э. Дзержинского

Дзефа – от фамилии и имени Дзержинский, Феликс

Коллонтай – от фамилии партийного и государственного деятеля Александры Коллонтай

Ледат – от Лев Давидович Троцкий

Мэлис (Мэлс) – сокращение от фамилий Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин

Орджоника – от фамилии Г.К. Орджоникидзе

Нисерха – от сокращения имени, отчества и фамилии Никита Сергеевич Хрущев

Юргоз – Юрий Гагарин облетел Землю

Валтерперженка – от сокращения словосочетания «Валентина Терешкова – первая женщина-космонавт»

ЛЕНИН

Варлен – Великая армия Ленина

Видлен – от сокращения словосочетания «великие идеи Ленина

Вил (а) – от инициалов имени, отчества и фамилии «Владимир Ильич Ленин»

Вилен (а) – сокращение от «Владимир Ильич Ленин

Виленор – от сокращения лозунга «В.И. Ленин – отец революции»
 Вилиан – от сокращения словосочетания «В.И. Ленин и Академия наук»
 Виливс – от инициалов имени, отчества и фамилии Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин
 Вилик – Владимир Ильич Ленин и Коммунизм
 Вилич – сокращение от имени и отчества Владимир Ильич
 Вилюр (а) – имя имеет несколько вариантов расшифровки: от сокращения словосочетаний «Владимир Ильич любит рабочих», «Владимир Ильич любит Россию» или «Владимир Ильич любит Родину»
 Винун – от сокращения лозунга «Владимир Ильич не умрет никогда»
 Замвил – от сокращения словосочетания «заместитель В. И. Ленина»
 Идлен – от сокращения словосочетания «идеи Ленина»
 Изаиль, Изиль – от сокращения словосочетания «исполнитель заветов Ильича»
 Лелюд – от сокращения лозунга «Ленин любит детей»
 Ленгенмир – от сокращения лозунга «Ленин – гений мира»
 Леннор (а), Ленора – от сокращения лозунга «Ленин – наше оружие»
 Нинель – от обратного прочтения фамилии Ленин
 Плинта – от сокращения словосочетания «партия Ленина и народная трудовая армия»

Иногда рядом с Лениным ставили и другие, не менее родные и знакомые советскому человеку, фамилии (некоторые из которых, правда, были впоследствии названы предателями):

Лентробух – от сокращения фамилий Ленин, Троцкий, Бухарин
 Лентрош – от сокращения фамилий Ленин, Троцкий, Шаумян
 Лес – по первым буквам фамилий Ленин, Сталин
 Лестак – от сокращения лозунга «Ленин, Сталин, коммунизм!»
 Лестабер – по первым буквам фамилий Ленин, Сталин, Берия
СТАЛИН

Количество имен, образованных от имени Сталина, значительно меньше, чем аналогичных – от Ленина. Тем не менее, все они звучат громко:

Сталбер – от сокращения фамилий Сталин и Берия
 Стален – от сокращения фамилий Сталин, Ленин
 Сталенберия – от сокращения Сталин, Ленин, Берия
 Сталенита – от сокращения фамилий Сталин, Ленин
 Сталет – от сокращения фамилий Сталин, Ленин, Троцкий
 Сталив – от сокращения фамилии и инициалов Сталин И.В.
 Сталик – от фамилии И.В. Сталина
 Сталина – также по фамилии Сталина

Заемствованные имена

Довольно популярным было называть детей в честь иностранных героев, имеющих отношение либо к делу революции, либо к искусству и науке.

Так, в СССР стали появляться девочки по имени Анджела (в честь американской правозащитницы Анджелы Дэвис), Зарема (заимствованное имя, которому приписали смысл «за революцию мира»), Роза (в честь Розы Люксембург), Клара – Цеткин. Мальчиков же называли Джон или Джонрид (по имени писателя), Юм – в честь философа Дэвида Юма, Равель (как французского композитора Мориса Равеля) или же Эрнст – в честь немецкого коммуниста Эрнста Тельмана [1, 26.05.2017].

Большинство имен советского происхождения – в особенности новообразованные – использовались редко и не прижились, оставшись скорее историко-лингвистическим курьезом; многие носители экзотических имен, достигнув совершеннолетия, подавали документы на изменение имени. Однако некоторые из этих имен, составленные удачно – например, *Владлен*, *Дамир*, сохранились и получили достаточно широкую известность [4].

Сравнивая списки имен, бытовавших в советское время и популярные на сегодняшний день, мы не находим совпадений. Значит, действительно, советские «креативные» имена не прошли проверку временем и сейчас не употребляются. Соответственно, мы можем их считать возрастными маркерами текста. Люди, носившие советские «креативные» имена, при их употреблении в тексте или в случае, если они подписали тот или иной документ, могут быть предположительно охарактеризованы по году их рождения, что дает возможность идентифицировать их возраст.

1. Дилетант: исторический журнал для всех. Кукуцаполь и Даздраперма: странные имена советских детей // <http://diletant.media/articles/25818549/> (дата обращения: 26.05.2017).

2. Маклакова Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е.А. Маклакова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – 227 с.

3. Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб: Фило-пресс, 1998. – 701 с.

4. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён / Н.А. Петровский. – М.: АСТ, 2000. – 390 с.

Е.А. Пляскова (Воронеж)

ДВУЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМИ КОММЕНТАРИЯМИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Роль фразеологических словарей при изучении национальной картины мира трудно переоценить, как и роль самих фразеологизмов, отражающих национальное мировоззрение, особенности быта, привычки, традиции народа.

Двуязычные фразеологические словари, по справедливому замечанию О.А. Корнилова, «это окно в чужую культуру, чужое мировидение, мостик, соединяющий разные языковые сознания» [1, с. 323]. Сопоставление фразеологизмов родного языка с фразеологическими единицами другого (особенно не родственного) языка помогает понять особенности восприятия мира носителями другого языка, национальную картину мира иной культуры, ведь «базовые понятия национальной культуры находят воплощение в символах, образах, концептах, а также в константах культуры, адекватное восприятие которых представителями другой культуры очень затруднено...» [6, с. 176].

Однако традиционные двуязычные фразеологические словари имеют существенный недостаток: в них в основном подбираются эквиваленты или аналоги фразеологизмов исходного языка. При наличии лакун дается словесный или описательный перевод и/или калькирование исходного фразеологизма. В этом случае словарь не дает представления о своеобразии картины мира другого народа, т.к. «за бортом» оказываются самые интересные национально специфические фразеологизмы иностранного языка.

О.В. Корнилов, разрабатывающий концепцию двуязычного словаря национальных языковых картин мира считает, что «для пользователя словарем должен быть очевиден не только смысловой инвариант фразеологизма, но его внутренняя форма, поэтому представляется нецелесообразным (и даже вредным) давать в словаре эквиваленты из родного языка. Такие эквиваленты чаще всего не симметричны в смысловом отношении и не дают представления об образности мышления носителей иностранного языка. Раскрытие внутренней формы иноязычного фразеологизма путём его дословного перевода снимает обе проблемы» [1, с. 324].

Двуязычный фразеологический словарь должен ориентироваться на максимально адекватное восприятие фразеологизмов неродного языка, поэтому основным принципом его построения должен быть «не распространенный в двуязычной лексикографии принцип подбора соответствий родного языка, а используемый в одноязычной лексикографии принцип толкования значений слов путем построения словарных дефиниций, стремящихся к максимально полному отражению плана содержания слова» [1, с. 306]. Таким образом, подобные словари должны совмещать в себе принципы двуязычных и толковых словарей и должны быть ориентированы на восприятие иноязычной фразеологии как отражения картины мира данного народа.

Задачи подобных двуязычных фразеологических словарей мы видим в том, чтобы: 1) эксплицировать интуитивные представления носителей языка об образах, лежащих в основе фразеологизмов и влияющих на

понимание их общего смысла; 2) давать представление об образах, лежащих в основе фразеологических единиц неродного языка.

Поставленным задачам подчиняется и расположение материала в словаре. Фразеологические единицы группируются в словаре по темам (понятийным сферам и идеографическим полям). Внутри каждого поля для удобства выделяются микрополя. Внутри каждого микрополя фразеологизмы объединяются по сходству (близости) или противоположности значения. Словарь зрительно делится на левую и правую части. В левой части даются русские фразеологизмы, в правой – иностранные. Если в одном из языков отсутствуют фразеологизмы, входящие в данное микрополе, то такого разделения может не быть.

Основным принципом построения словаря является не подбор к каждому фразеологизму эквивалента другого языка, а их группировка в зависимости от значения и ситуации употребления. Русские и иностранные фразеологизмы с одинаковым или сходным значением даются друг против друга и помечаются знаком = или ≈. Каждый фразеологизм, кроме значения, имеет лингвокультурологический комментарий, что позволяет представить фрагменты национальных картин мира, репрезентированных в данных фразеологизмах.

Особенности подачи лингвокультурологического комментария могут несколько различаться в зависимости от сходства или несходства образов, лежащих в основе фразеологизмов двух языков, или сходства или несходства мотивировки их использования.

Приведем примеры словарных статей микрополя «Здоровье» из русско-вьетнамского [3] и русско-немецкого фразеологических словарей компаративных фразеологизмов.

Русская и вьетнамская культуры развивались изолированно друг от друга. Культура Вьетнама является неотъемлемой частью культуры Восточной Азии, она развивалась на стыке культур двух цивилизаций: китайской и индийской. Русская культура развивалась в русле общеславянской культуры и европейской культуры в целом. Поэтому столь значительны различия в образах, лежащих в основе фразеологизмов.

≈ *Здоров, как бык просторечн. одобр.* «о здоровом, сильном мужчине». *Есть ситуации, когда здоровый, как бык, человек попадает в катастрофу или заболевание обрушивается на него молниеносно...*(СМИ).

Фразеологизм мотивирован отношением к быку в традиционной

≈ *Khỏe như vâm / voi* (сильный как слон) *разг. одобр.* «здоровый, сильный». О здоровом, сильном мужчине. *Anh này gât: tôi khỏe như vâm, yếu đau gì.* (Он раскричался: я сильный как слон, ничем не болею. Ле Кхам).

Во вьетнамском сознании сила и здоровье ассоциируется со слоном,

славянской культуре, где бык является олицетворением грубой и упрямой природной силы. В народном сознании сила и здоровье взаимосвязаны. Во фразеологизме бык является эталоном силы и, как следствие, здоровья.

≈ **Крепкий, как дуб** разг. одобр. «о здоровом, сильном мужчине». *Крепкий, как дуб, старичок вдруг ослаб и начал нет-нет да прилегать на постель, что с ним никогда прежде не бывало* (М. Каменская).

Фразеологизм мотивирован отношением к дубу в традиционной славянской культуре, где дуб – самое почитаемое дерево, символизирующее силу, крепость и мужское начало. Дуб считался самым крепким деревом: *За один раз дуба не сваишь*. Увидеть зеленый дуб во сне – к здоровью, богатству, долголетию. Дуб использовался также в различных религиозных обрядах славян, в дубовых рощах лечили людей. Считалось, что энергия дуба обладает силой, которая способна «и мертвого поднять». Образ фразеологизма восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – олицетворению неживого. Во фразеологизме дуб является эталоном силы, мощи и здоровья.

который был широко распространен во Вьетнаме.

≈ **Khỏe như Trương Phi** (сильный как Чыонг Фи) «очень сильный». *Cháu có biết rằng quân Nguyên thắng nào cũng khỏe như Trương Phi cả không?* (Ты знаешь, что все солдаты войска Нгуен сильные как Чыонг Фи? Нгуен Хи Тыонг).

В основе фразеологизма образ героя китайского романа «Троецарствие», генерала Чыонг Фи, который мог выступить один против десяти тысяч солдат. Популярность романа привела к тому, что главные герои закрепились в народной памяти как четкие эталоны тех или иных качеств.

Như hùm thêm cánh (как будто тигр получил крылья) «стать еще сильнее». О человеке, который стал физически или духовно сильнее. *Rồi ta cũng có cách kéo nó lại được. Để mất nó, như hùm thêm cánh... Потом мы его пытались тащить обратно. Но не смогли, он [сопротивлялся] как тигр получил крылья... Чу Ван).*

Тигр распространен в субтропических лесах горного Вьетнама. Были времена, когда это животное наносило большой вред человеку, поэтому в народном представлении он ассоциируется с грубой силой. Существует также выражение **khỏe như hùm** (сильный, как тигр). Подобный фразеологизм есть и в китайском языке. Образ фразеологизма содержит гиперболу: сильный тигр, получивший крылья, становится еще сильнее.

А теперь приведем словарные статьи из разрабатываемого «Учебного тематического словаря русских и немецких компаративных фразеологизмов (с лингвокультурологическими комментариями)».

≈ **Здоров, как бык** просторечн. одобр. «О здоровом, крепком мужчине». *Есть ситуации, когда здоровый, как бык, человек попадает в катастрофу или заболевание обрушивается на него молниеносно...* (СМИ).

≈ **Gesund / stark wie ein Bär sein** (здоровый / сильный как медведь) разг. одобр. «о здоровом, крепком мужчине». *Stark wie ein Bär, aber was heißt das schon! (umg.)*

Для характеристики здоровья часто используется образ животного, наделенного в сознании народа силой, т.к. в народном сознании сила и здоровье взаимосвязаны. Русский фразеологизм мотивирован отношением к быку в традиционной славянской культуре, где бык является олицетворением грубой и упрямой природной силы.

В немецком сознании сила и здоровье ассоциируются с медведем, т.к. медведь поражал своими размерами, мощью, силой. Ср.: *bärenstark* (сильный / здоровый как медведь), *die Bärengesundheit* (медвежье здоровье «богатырское здоровье»), *der Bärenkerl* «здоровяк, крепыш». Образ медведя очень значим для немецкой лингвокультуры. Медведь является символом Берлина, изображен на гербах других городов Германии. (Попова URL). Во фразеологизмах бык и медведь являются эталонами силы и, как следствие, здоровья.

≈ **Крепкий, как дуб** разг. одобр. «совершенно здоров». О здоровом, крепком мужчине. *Крепкий, как дуб, старичок вдруг ослаб и начал нет-нет да прилегать на постель, что с ним никогда прежде не бывало* (М. Каменская).

= **Gesund wie eine Eiche sein / ≈ Gesund wie eine Eichel sein** (здоров как дуб / желудь) разг. одобр. «совершенно здоров». О здоровом, крепком мужчине. *Die Loni, die Loni Fink von der Anlaufstelle an der Grenze treu wie Gold und stark wie Eiche!“ stellt der Stummel... das Mändel vor* (Chr. Wolf)

Для многих народов дуб является архетипом силы, т.к. считался самым крепким деревом. В традиционной славянской культуре дуб – самое почитаемое дерево, символизирующее силу, крепость и мужское начало: *За один раз дуба не свалишь*. Увидеть зеленый дуб во сне – к здоровью, богатству, долголетию. Дуб использовался также в различных религиозных обрядах славян, в дубовых рощах лечили людей. Считалось, что энергия дуба обладает силой, которая способна «и мертвого поднять» [5].

В древнегерманской культуре дуб (слово в нем. яз. женского рода – die Eiche) также был священным деревом. Считалось, что ветки дуба отгоняют злых духов и оберегают от болезней. Дубовые леса покрывали значительную территорию Северо-Германской низменности. Дуб олицетворяет стремление к развитию и устойчивости: *Von einem Streiche fällt keine Eiche*. На гербах многих городов изображен дуб. Считается, что не только дуб, но и его плоды имеет большую жизненную силу. В дубовых лесах издревле паслись стада свиней, для которых основной пищей были желуди. На немецких евроцентах изображены дубовые листья, которые символизируют прибыль [2, с. 36-37].

Образ фразеологизма восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – олицетворению неживого. Во фразеологизме дуб (и его плоды) являются эталоном силы, мощи и здоровья (хотя современные исследования биологов показали, что из лиственных растений дуб больше всего подвержен разным заболеваниям).

Gesund wie ein Fisch im Wasser sein (здоров как рыба в воде) «быть здоровым». О человеке, не имеющем проблем со здоровьем. ...*so steht das Schneiderlein ganz munter davor und ist gesund wie ein Fisch im Wasser* (Grimm).

В основе фразеологизма лежат онтологические свойства рыбы, которая дышит жабрами и поэтому прекрасно чувствует себя в воде, тогда как на суше находиться не может. Фразеологизм содержит метафору, в которой здоровый человек уподобляется рыбе, пребывающей в естественной для себя среде обитания.

Таким образом, данный тип фразеологических словарей направлен на отражение фрагментов национальных картин мира, репрезентированных во фразеологизмах, и может быть интересен, прежде всего, студентам-филологам, в том числе и иностранным, занимающимся проблемами сопоставительной фразеологии и лингвокультурологии.

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 4-е изд. – М.: КДУ, 2013. – 348 с.

2. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь / Д.Г. Мальцева. – М., 2000. – 292 с.

3. Пляскова Е.А. Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов (с лингвокультурологическими комментариями) / Е.А. Пляскова Е.А., Донг Тхи Тхань Там. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2014. – 147 с.

4. Попова А.И. Отражение зооморфного образа медведя в немецком языке / А.И. Попова: [\[Электронный ресурс\]](http://elibrary.ru/psvpcsl). – Режим доступа: http://sconference.org/publ/nauchno_prakticheskie_konferencii/filologicheskie_nauki/teorija_i_istorija_gosudarstva_i_prava_istorija_politicheskikh_i_pravovykh_uchenij/11-1-0-90

5. Славянская мифология [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slav.dtn.ru/>

6. Чан Тхи Нау Лингвокультурологический потенциал константы «береза» в курсе русского языка для вьетнамских студентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article> [дата обращения: 12.04.14].

А.А. Романов, Л.А. Романова (Тверь)

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКОВОМ ПРОЦЕССЕ (МЕМЫ И РЕГУЛЯТИВЫ)

Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть.
М. Кастельс

*Степень непредвиденности и неожиданности исторических
событий резко сократилась сравнительно с резко возросшей
степенью предсказуемости и запланированности.*
А. Зиновьев

Появление новых реалий в конце XX века, обусловленных безразмерным увеличением потока воздействующих коммуникаций и глобальным присутствием в информационно-коммуникативном пространстве («инфосфере») новых (нетрадиционных) ценностей и поведенческих норм, меняющих не только подход к пониманию информации, но и специфику культурно-национального, социально-экономического и политического взаимодействия, влияния и доминирующего превосходства в своей высшей форме проявления – информационно-психологическом давлении или «консциентальном воздействии и противостоянии» (от лат.: conscientia – сознание), есть факт признания того, что создаваемые в этом информационном пространстве коммуникативно-медийные события вызывают не только подлинные социальные перемены в обществе, например, череду «цветных» революций в мире или миграционные потоки беженцев и переселенцев, но и развивают в нем «новые» идеи культуры, мировоззрения, межличностных (в том числе и нетрадиционных, «трансгендерных») отношений, распространяя их с целью устойчивого циркулирования и внедрения («имплантирования») в сознание массового потребителя глобального информационного пространства.

В этом ракурсе созданные с определенной целью и «срежиссированные» в каком-либо удаленном медийно-сетевом центре коммуникативные практики, послания или события уже рассматриваются не просто как отдельные манипулятивные заготовки в виде «тройских коней», а, скорее, их «следует признать «медиа-вирусами», в трактовке Д. Рашкоффа [5, с. 10], осуществляющими, по В.М. Бехтереву (1908), «психическое заражение», микробы которого «хотя и невидимы под микроскопом, но

тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и *передаются через слова и жесты* окружающих лиц, через *книги, газеты* и пр., словом – где бы мы не находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными».

Неслучайно специалисты в области медийной манипуляции (метапсихологи, спин-доктора, тайм-менеджеры, PR-технологи, политехнологи, политконсультанты) рассматривают такую сферу как информационно-коммуникативное пространство, которое создается и обрабатывается глобальной системой коммуникативных практик всевозможных – печатных и электронных – СМИ, где своей самостоятельной жизнью живут запущенные и «запрограммированные» образы, идеи, вымыслы, слухи, анекдоты, ритуалы, мифы и легенды [11, с. 58-92; 15, с. 72-74; 20, с. 101-115; 18].

С этих позиций указанная инфосфера выступает в качестве «виртуальной реальности», «реальности медийной дискурсии» [10; 13; 19; 27], «виртуального лона», где зарождаются «новые мыслеформы, идеологические мутанты, монстры псевдорелигий», где «ум входит в соприкосновение с медиа-сферой всякий раз, когда он контактирует с современными системами коммуникации» [5, с. 8-9; 23, с. 57; 28].

Поэтому медийная сфера, опирающаяся на систему практик «дигитальной (электронной) коммуникации», является не только удобным пространством или «информационным полем игры с адресатом сконструированными извне коммуникативными практиками», но и эффективным каналом (медиумом) распространения «обманной коммуникации», способным тиражировать и позволять воспроизводиться обманным посланиям или медиа-вирусам [10; 11; 12; 16], о том, что не все коммуникативно-информационные послания относятся к разряду обманных коммуникативных практик [6; 13; 24].

В этой связи возникает потребность описать специфику успешности распространения «живущих идей» или «идей, прошивающих сознание» потребителей сетевой / дигитальной коммуникации и зафиксировать ее роль в формировании механизмов манипуляции медийными смыслами, способными «имплантировать» себя в сознание массового потребителя [6; 7; 8; 10; 16; 25].

Отправной точной в рассмотрении вопроса послужили два направления (два подхода), отражающие особенности распространения и тиражирования коммуникативно-информационных посланий: а) *биологический* и б) *регулятивный*, в рамках которых были выдвинуты идеи быстрого распространения и закрепления в сознании адресата информационных посланий, раскрывающих свое поведение в инфосфере подобно биологическим вирусам.

Исходным понятием биологического («вирусного»; ср. также термин В.М. Бехтерева «психическое заражение») подхода или направления явилась высказанная в конце 1970-х г. XX века Ричардом Докинзом идея о «самолюбивом / эгоистичном гене» в работе «The Selfish Gene») [4; 22], где автор, опираясь на механизм биологического распространения («поведения») вирусов, предложил рассматривать зарождение и распространение разнообразных и разнотипных феноменов в виде «вирусных, заразных *идей* или *мемов*», которые реализуют себя в информационно-коммуникативном пространстве как репликаторы, т.е. как самопорождающие (саморазмножающие) и самораспространяющие себя явления.

Автор также пришел к заключению, что использование термина «*мем*» имеет важное дополнительное значение в оценке культурной эволюции человека, а именно: культурная эволюция у людей через отбор имеющих приспособительную ценность идей (мемов) заменила биологическую эволюцию, идущую через отбор наследственных свойств. Поэтому использование теории мемов, считает Р. Докинз, позволяет исходить из того, что а) человечество в своем развитии находится в настоящий момент вне фазы генетической эволюции; б) сейчас человечество эволюционирует меметически; в) если раньше для развития сознания через генетическую эволюцию требовались миллионы лет, то теперь через мемы этот процесс может занимать десятилетия или годы.

В работах, посвященных феномену мемов и науке о них – «*меметике*», – основателями которой стали биолог из Оксфорда Ричард Докинз и программист Ричард Броди, – можно выделить ряд свойств, характеризующих как само понятие «мем», так и понятие «меметика». В их числе можно отметить наиболее частотные свойства данных понятий, а именно:

- слово «*мем*» аналогичен слову «*ген*» и уподобляет распространение идей распространению генов;

- *мем* – это сложное понятие, принимающее, в трактовке Д. Деннетта, характерный легкий для запоминания образ. Материальные проявления *мема* являются средствами его распространения;

- *мемы* являют собой *гены* когнитивистской, бихевиористской и интернетовской ограники;

- *мемы* – это ничто иное, как добавленная, программирующая информационная квантовая форма;

- *мемы* есть «спекулярные формы, располагающиеся внутри организма и способные отражать происходящее в нем;

- *мемы* содержат в себе программу, которую они без конца отражают и множат;

- *мемы* в своем реальном единичном проявлении – *меме* – не превращаются в действительность, а только функционально «служат машине, повторению»;

– *мемы* суть «имитация, или идеи, расположившиеся в одном мозгу и перемещающиеся от него к множеству других, создавая, таким образом, непрерывный процесс обмена мемами»;

– *мемы* – это метафоры, теория для понимания распространения разнообразных *идей*;

– *мемы* в указанной метафоричности сравниваются с вирусами, способными неожиданным образом возникать и размещаться в человеческом сознании;

– *мемы* не только метафорически, но и технически описываются как живые паразиты, питающиеся мозгами, так же, как вирусы питаются генетикой клетки;

– *мемы* как идеи инфицируют своих носителей так, что эти идеи всегда продолжают распространяться далее и способны к самовоспроизводству;

– *мемы* представляют собой сущности, имеющие происхождение в человеческой культуре, которые самовоспроизводятся подобно тому, как самовоспроизводятся гены в биологическом организме;

– *мемы* суть элементарные единицы, информационные кванты культуры, функционирующие в виде сформулированных идей, лозунгов, религиозных догм, моды на тот или иной стереотип поведения, музыкальных мотивов, литературных клише и оборотов и т.п.;

– *мемы* – это мыслительные цепи, размножающиеся и бюрющиеся за выживание в среде человеческой культуры;

– *мемы* есть базовые элементы культур, которые подобны машинам выживания, слепо запрограммированным сохранять себя посредством эгоистических сущностей, т.е. *мемов*;

– *мемы* представляют собой основные *строительные блоки культуры*, которые в макромасштабе суть строительные блоки культуры, языков, обществ, религий, а в микромасштабе они выступают в качестве *строительных блоков каждого человеческого сознания*;

– *мемы*, как и биологические вирусы, относящиеся к самой многочисленной группе живых организмов, способны к развитию (реплицированию) и приобретению дополнительных значений;

– *мемы* представляет собой идеи, которые попадает в приютивший их головной мозг и, вызывая определенные события, начинают воспроизводить копии самих себя, подключающиеся к другим умам;

– *мемы* есть живые сущности выживающих людей, способных пожирать человеческие мозги, по крайней мере, когда они не заняты взаимным уничтожением, «*меметическим канныбализмом*», становясь добычей друг для друга, наподобие переключающихся клеточных автоматов [2, с. 14-16; 21; 22; 26; 27].

Идея меметичности получила свое распространение и новое прочтение уже после выхода в свет работ Р. Докинза [22], Р. Броди [21], Д. Деннетта [3], А. Менегетти, а сами понятия «мем» и «меметика» уже включены с

1988 г. в Oxford English Dictionary – словарь, задающий нормативные категории научной и информационной сферы, ср.: «Meme: an element of a culture that may be considered to be passed on by non-genetic means, esp. Imitation». Примечательно, что позже такое определение получило широкое распространение во многих публикациях из области эволюционной биологии, психологии, а также когнитологии, в числе которых можно назвать работы Генри Плоткина, Дугласа Хофштадтера и Даниела Деннетта, занимающихся «исследованиями по подтверждению биологических, психологических и философских импликаций этой новой модели сознания и мысли» [1, с. 13; 3, с. 23-27].

Несмотря на то, что *меметика* – как наука о воздействии на общество информационных вирусов или мемов – обеспечивает, по мнению ряда исследователей, «основу для понимания эволюции общества до его сегодняшнего состояния» и «дает реальные инструменты для его изменения, а также технологию, с помощью которой мы можем строить наше будущее так, как мы хотим» [1, с. 6, 9-10, 35, 63, 70], тем не менее, важно понимать, что *меметика* не занимается всеми глобальными проблемами одновременно. В частности, *меметика* не занимается напрямую вопросами истинности – ложности переносимой в мемах информации, так как она не связана напрямую с исследованием чисто семантических проблем по описанию структуры значений лингвистических объектов, хотя в настоящее время в своих теоретических основах и перемешанных научных истоках меметика «представляет собой новую форму когнитивизма, которая еще полностью неизвестна самим когнитивистам» [9; 11; 12; 26; 27].

По этому поводу Антонио Менегетти скептически и даже критически отмечает, что «меметическая теория пока не преуспела в решении проблемы, ставшей камнем преткновения для различных специалистов по меметике», а именно – она «не нашла ответы на главные вопросы: «Откуда берутся мемы?» и «Кто их создает»? Поэтому можно сказать, что и по сей день *изучение мемов* не поставлено на *твердую почву*, опираясь лишь на плавучие пески. И каждый, кто пробовал говорить о меметике, *забивал свои саи в столь зыбкую основу*».

В рамках данной работы не ставится задача подробно описать историю традиционного интереса исследователей к феномену *меметичности* в различных научных направлениях, парадигмах и школах и критически оценить различные точки зрения и взгляды на природу меметичности, начиная с античных времен и до настоящего времени. Однако представляется целесообразным осмыслить существующий теоретический инструментарий меметики для того, чтобы учесть уровень его внедрения в мир эффективной коммуникации медийной инфосферы и обозначить условия успешного (целенаправленного, результирующего) взаимодействия ее участников. В этой связи уместно привести слова

Антонио Менегетти о том, что «меметика интересуется также тем, что именно мы передаем», т.е. меметику интересует *содержательная сторона коммуникативной передачи* информационных посланий. Другими словами, имея дело с меметикой как сферой обращения (распространения) мемов, важно не упускать из виду, что она через свойства своих функциональных единиц (мемов) не только интенсивно распространяет свое влияние на характер и специфику передаваемых в информационно-коммуникативном пространстве идей-посланий, но она также, например, контролирует уровень и *степень их жизнестойкости*, чтобы фиксировать в своей обратной связи, насколько передаваемые идеи живучи и как они принимаются в социуме. Кроме того, через реализацию репликационных свойств своих единиц меметика способна определять, насколько те или иные идеи-мемы ожидаемы и будут востребованы массовым или подготовленным через масс-медиа адресатом.

Поэтому предложение Р. Докинза считать какую-либо идею, информационно и коммуникативно оформленную в виде каких либо вербальных манифестаций (политических призывов, мотива песни, мелодийно-духовного песнопения, стиля одежды, архитектурного строения или проекта), направленных на массового адресата с целью своего *реплицирования*, дает возможность рассматривать такую идею в качестве медийного репликатора вторичных (или обманных) коммуникативных посланий, т.е. трактовать ее как медийный мем или медийный вирус, способный идейно и идеологически заражать информационную среду (подробнее о понятиях «обманная коммуникация», «меметическая коммуникация», «вирусная коммуникация» см.: [9; 10; 16; 19]).

Обозначив примерные границы возможного применения меметических свойств передаваемых в масс-медийной коммуникации «живущих идей» и отметив функциональную роль меметичности в проявлении механизма конструирования медиа-смыслов информационного пространства (в том числе и пространств информационных противодействий и консциентальных – от латинского *conscientia* / «сознание» – противостояний), следует отметить, что в лингвистической литературе понятие меметичности давно вошло в научный обиход. В частности, это явление нашло свое применение в области пресуппозитивной семантики и регулятивной динамики коммуникативно-дискурсивного (диалогического) взаимодействия [9; 11, с. 59-62, 101-110; 17, с. 34-37; 27, с. 322-325] и сегодня активно развивается, вопреки бытующим утверждениям о том, что лишь совсем недавно «появилась в когнитологии совершенно новое научное направление – меметика» (ср.: [2]).

В частности, примеры моделирования заразных или быстрораспространяющихся (меметических) идей в лингвистической сфере можно найти в теоретических работах, посвященных речевому воздействию, эффективной коммуникации, языковой суггестии,

медиалингвистике, интерактивной природе дискурса, а также в описании типовой модели регулятивного диалогического (дискурсивного) общения как согласованного взаимодействия, в котором участники коммуникативной интеракции строят свои «миры взаимопониманий и взаимоотношений» на основе базового синергичного понятия «регулятив» [14]. *Регулятив* или регулятивное действие в виде его единичного проявления рассматривается в данной модели как комплексная единица диалогорегулятивного взаимодействия, т.е. диалогоорганизующего, диалогоформирующего, диалогоконтролирующего, диалогонаправляющего, диалогпрогнозирующего и диалогпланирующего целевую связь и взаимосвязь коммуникативных действий в виде совокупности естественно-языковых практик всех участников диалогического обмена относительно друг друга.

В этом смысле «*диалогический регулятив*» представляет собой содержащуюся в «психосфере», по В. Гумбольдту, говорящей личности единицу информации, которая, попадая в определенные условия коммуникативно-социального взаимодействия, оказывает влияние на ход сценарно-обусловленных событий в процессе реализации типовой формы или сценарного фрейма дискурсивной интеракции (воздействия), способствуя тем самым как возникновению своих «копий» в умах участников такой интеракции, так и генерированию всей системы регулятивных единиц системы-дискурса, находящихся в «архиве» ментального пространства («вместилища») каждой говорящей личности и используемых индивидами в диалогической коммуникации по типовому (фреймовому) сценарию [11; 12; 14].

Материальным проявлением *регулятива* в семиотическом пространстве диалогической – в широком смысле этого термина – коммуникации выступают *средства его распространения* как на уровне языковой системы (языковые единицы), так и за ее пределами на уровне языкового сознания («языковой ментальности»). Поэтому «*регулятив*» как единица дискурсивной интеракции реализует себя в актах диалогической коммуникации комплексно: *на поверхностном уровне* эта единица репрезентирует себя в виде определенных (иногда готовых, шаблонных, стереотипных) языковых конфигураций или вербально-этнографических «лекал», по Р. Харре, и в виде типовых моделей речевого и неречевого поведения, а *на глубинном уровне* – в виде структурированного в психике говорящего субъекта функционально-семантического представления (ФСП) знаний об опыте (опытных образцах) реализации этих форм речевого и неречевого поведения в соответствующих (складывающихся, сложившихся и повторяющихся) ситуациях реального мира.

Как единица речевого и неречевого (в целом человеческого) поведения *регулятив* представляет собой своеобразный *шифр* жизнедеятельности говорящего субъекта, дающий *ключ* к пониманию сути проявлений как

общественной (политика, культура, трудовые и экономические отношения, управление и т.п.), так и психической организаций. При этом психическая составляющая регулятивного действия как единицы конкретной реализации типового регулятива предполагает внутреннее проявление соответствующей информации, приносящей определенные внешние результаты, в то время как языковая составляющая выступает в качестве маркировки целевых (речевых и неречевых) регулятивных действий участников коммуникативного взаимодействия.

В актах коммуникативного взаимодействия *регулятив* – это внутренняя «программная база» («программное обеспечение разума») говорящего субъекта, отражающая результаты речевого поведения всех участников коммуникативно-интерактивного процесса и способ репрезентации их влияния (воздействия) друг на друга. Вплетенные в систему коммуникативного семиотического пространства регулятивы «архивной системы-дискурса» взаимодействуют друг с другом согласно «сценарию» развертывания ФСП типовых актов общения (призывы, обвинения, обращения, самопрезентации и т.п.), порождая и передавая прагматическую информацию о других регулятивах и создавая тем самым систему *метарегулятивов*» (подробнее см.: [14, с. 6-26]).

Взаимосвязь между типовыми или конкретными регулятивами и метарегулятивами в такой системе осуществляется различными способами: от противопоставления, поддержки, указания «маршрута» связей, – реализация регулятивов поддержки, тематических, финальных и стартерных регулятивов до регулятивов конкуренции за место в системе и в сознании говорящего, а также регулятивов противодействия и соперничества (о типологии регулятивных действий см.: [14, с. 69-114; 12, с. 188-192].

В процессе функциональных проявлений указанных взаимосвязей в социально-интерактивном пространстве у коммуникантов складывается представление о формировании «*регулятивной реальности*» (сущности, регулятивном «мире») пространства диалогического (дискурсивного) взаимодействия, в котором и процесс речевого взаимодействия, и сама структура взаимодействия, и характеристики, и определения вещей и их свойств, а также формы поведения участников регулятивной коммуникации *становятся функциональной сутью* или деятельностью *регулятивов* и *метарегулятивов*. И тогда *любая прагматограмма* речевого – дискурсивного – взаимодействия, т.е. конкретная или типовая реализация собеседниками сценарного плана в виде совместных – парных – интерактивных действий с учетом их иллокутивного потенциала, коммуникативных стратегий, тактик и совместного вклада, раскрывающая специфику прагматического сцепления иллокутивных блоков в типовой структуре диалогического дискурса, может представлять собой определенный комплекс (цепочки) регулятивов, обслуживающих тот или

иной тип коммуникативного общения и соответствующий уровень синергии и взаимопонимания его участников.

Если сравнить истоки биологического направления меметической теории с положениями регулятивного (лингвистического) подхода и учитывать роль *мемов* и *регулятивов* в успешном (результативном) распространении информации в коммуникативно-медийном пространстве, то нетрудно заметить, что концепция регулятивности диалогического общения в рамках направления «*лингвистической, регулятивной меметичности*» опирается на фактор взаимного учета коммуникантами функционально-семантических свойств «*регулятива*» как диалогического «каузатора-репликатора» подобных себе образов действий. Регулятивный подход к генерированию подобных себе образов действий опирается на идею В. фон Гумбольдта о «процессе понимания участниками общения друг друга», в котором они достигают понимания и взаимодействия не потому, что «взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия», а потому, что они «*взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и початков внутренних понятий*» (т.е. «понятий» не в смысле *conceptus*, а концептов в смысле *conceptum* как «зародыш, зернышко», из которого произрастают все содержательные формы его воплощения – А.Р., Л.Р.), *прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы*». Очевидно, что «вспыхивающие в сознании» другого «соответствующие», «но не тождественные» оригиналу смысловые комплексы есть не что иное, как копии каузирующих регулятивов, которые могут не совпадать с оригиналом и могут (способны) видоизменяться в зависимости от условий их реализации и распространения.

Итак, отметив общность перечисленных выше подходов к определению функциональной роли репликационных единиц в виде «*мема*» и «*регулятива*» в коммуникативно-информационных процессах, важно отметить и зафиксировать то общее и отличительное в подходах к феномену меметичности вообще и специфике медийной меметичности (меметической информации) в частности, чтобы еще рельефнее очертить функциональное поле механизма и его принципы конструирования медиасмыслов с использованием выделенных репликационных единиц.

Перечисленные свойства мемов и регулятивов показывают, что отмеченные у *мема* свойства (информационность, реплицированность, каузативность возникновения копий, каузативность изменения внутреннего содержания и отношений между участниками коммуникативного процесса, «материальная» основа культуры и человеческого сознания), являются близкими в функционально-содержательном плане и для понятия «диалогического / дискурсивного регулятива». При этом «*диалогический*

регулятив» обладает рядом специфических, свойственных только ему дифференциальных свойств, а именно:

- *регулятив* есть теоретическая основа для а) формирования образной общности семиотического конструкта в виде типового функционально-семантического представления (ФСП) и б) понимания механизма его вербального распространения на основе иллокутивного потенциала набора («архива», «системы-дискурса») вербальных каузаций, отражающего идеи, взгляды, верования и эмоции, которые могут быть снабжены дополнительными значениями и которые готовы самостоятельно к активному распространению в социальной среде;

- в функционально-информационном плане *регулятив* опирается не на биологическую (генетическую, вирусную) природу, а на коммуникативную основу согласованного (т.е. не противоречивого), синергичного взаимодействия участников диалогической дискурсии в координатах «я – здесь – сейчас»;

- сценарно реплицируясь в информационном пространстве на основе типового ФСП, *регулятив* терминально участвует в построении новой коммуникативно-информационной – *регулятивной* – реальности участников общения с учетом той или иной разновидности – «анотического vs незнающего», «ноэтического vs знающего» и «автоноэтического vs знающего о себе» – опыта или сознания;

- *регулятив* есть своеобразный *шифр* жизнедеятельности говорящего субъекта, дающий *ключ* к пониманию сути проявлений как общественной, так и психической организаций участников дискурсивного обмена и учитывающий условия и специфику создания механизма «своего / личного понимания социального опыта»;

- *регулятив* – это внутренняя «программная база» («программное обеспечение разума») говорящего субъекта в коммуникативно-информационном обмене, отражающая результаты речевого поведения всех участников коммуникативно-интерактивного процесса и способ репрезентации их влияния (воздействия) друг на друга;

- функциональная эффективность и коммуникативная результативность *регулятивов* обуславливается стратегическими и тактическими задачами выбора участниками коммуникативно-информационного обмена конкретной типовой разновидности регулятивов и метарегулятивов в пределах того или иного типового ФСП;

- учет и знание функциональной специфики *регулятивов* в актах коммуникативно-социальной интеракции открывает широкие возможности для понимания многих процессов и проблем как при планировании речевого воздействия вообще и предотвращении нарушения нормативных норм и правил (любого порядка) речевого (и не только) поведения, так и в сфере глобального управления человеческими ресурсами, начиная от информационного воздействия отдельных сетевых центров до

развертывания массированного концентрированного влияния как комплексной формы воздействия (т.е. массового «психического заражения», по В.М. Бехтереву) на народ и государство в целом;

– вся совокупность диалогических *регулятивов* подразделяется в функциональном плане на три основных группы: а) *категориальные (или программные) регулятивы*, б) *стратегические регулятивы* и в) *ассоциативные регулятивы*; каждая из выделенных групп ограничена терминально;

– к *категориальным регулятивам* относятся такие регулятивы, при помощи которых говорящий субъект «режет мир» на куски, классифицируя, определяя и называя целевую программу взаимодействия (начиная с момента «старта», вступления в контакт). Именно эта группа относится к тем *регулятивам*, которые создают программы фиксации семантического пространства типового диалогического общения. *Регулятивы* данной группы задают «логику» взаимодействия партнеров и определяют схему коммуникативных отношений, в которой эти взаимоотношения и реализуются. Отсюда специфическая организация «сюжета» диалога, которая, безусловно, опирается на события и факты, однако в целом строится исходя из соображений достижения определенной цели. Мышление, таким образом, функционирует практически, имея перед собой некоторую цель и во многом подчиняясь этой цели, а не только законам логической последовательности и строгого необходимым связям. Основанием в таком процессе категоризации служит большей частью исторический и культурный опыт по освоению реальности, преломленный в системе ориентаций конкретного говорящего субъекта;

– *стратегические регулятивы* призваны отражать изменчивые правила поведения в широком понимании, показывающие, что делать в данной ситуации, чтобы совместно (синергично) добиться желаемого результата. Эта группа регулятивов функционирует при условии, что определенное поведение (коммуникативное, речевое и неречевое) приведет к определенному результату, т.е. будет иметь (выводить на) определенный или запланированный результирующий эффект. Чаще всего *регулятивы* этого порядка имеют *вид убеждающей психологической установки*, касающейся причин и следствий, которые программируют участников общения так, чтобы они подсознательно верили, что определенное поведение должно дать определенный результат.

Более того, одним из последствий такого поведения может быть серия событий, причастных к переносу этих регулятивов в ментальное пространство других субъектов, не участвующих напрямую в диалоге, но присутствующих при разговоре. Безусловно, мир изменяется, и люди преобразуются вместе с ним, что отражается на реформировании связей между причинами и следствиями. Установлено, что большинство

стратегий, касающихся общения с другими людьми, человек познает рано, до пятого года жизни. В зрелом возрасте эти стратегии в своем большинстве только модифицируются, и новые появляются в связи с особыми обстоятельствами жизнедеятельности человека;

- *ассоциативные регулятивы* осуществляют связь между разными регулятивами в ментальном пространстве («психосфере») говорящего субъекта. Функциональная специфика названных регулятивов обуславливает механизм, при котором результативное использование одного регулятива высвобождает соответствующую мысль или чувство, и вновь возникающий регулятив обуславливает появление изменений в речевом (и не только) поведении, что демонстрируется собеседнику;

- *регулятивная реальность* дискурсивного взаимодействия предполагает, что каждый говорящий субъект *обладает* – наряду с инвариантным – *собственным набором* (программой) *регулятивов* (т.е. набором *программирующих регулятивов*) в дискурсивной (диалогической) программе коммуникативного обмена от конкретного общения по типу «лицом к лицу» до массового взаимодействия. При этом возникает возможность при помощи ассоциативных (и также стратегических) регулятивов можно вводить в дискурсивную / диалогическую программу взаимодействия другого субъекта ложные и даже «вирусные» регулятивы, способные «заразить» (запрограммировать) собеседника (массового адресата) другими «живущими идеями», установками, убеждениями и привести его к таким результатам, которые он вовсе не планировал и даже не хотел достичь (ср., например, всяческие языковые ловушки, коммуникативные провалы, двусмысленные выводы и т.п.);

- *программирующие регулятивы* способны не просто влиять на перспективное поведение личности, генерируя (порождая) самореализующиеся побудительные (директивные) регулятивы, но также призваны образовывать метарегулятивы по типу «фильтра восприятия», просеивающего негативные восприятия, переживания. Например, с регулятивными «фильтрами восприятия» человек очень часто встречается в рекламе, когда его побуждают обратить внимание либо на расхваливаемые продукты, либо на ассоциацию с приятными ощущениями, связанными с этими продуктами. Аналогичная картина наблюдается и в политике: политик своими слоганами и красивыми, чувственными фразами желает навязать такие регулятивы, которые запускают программу, под влиянием которой люди идут голосовать за него.

Примечательно, что каждый тип регулятивов участвует в борьбе за представительство (существование и функционирование) в дискурсивной реализации типовых ФСП. Но эта борьба не является конкурентной борьбой, а является борьбой за представительство в сценарной реализации конкретного ФСП, потому что различные типы регулятивов не борются за свое существование: они функционально, тематически и содержательно

заинтересованы в репликационном процессе, чтобы выйти на конечный результат – результирующий эффект в рамках сценарной реализации типового ФСП. В этом процессе типовые регулятивы, скорее, поддерживают друг друга и часто наступают «совместным фронтом» на индивидуальное и массовое сознание адресата. Идея «рука об руку», они формируют при необходимости «стратегические кулаки», чтобы успешнее и результативнее подразделять коллективное и индивидуальное сознания на сферы влияния соответственно. В случае затруднения эффективной имплантации быстрых самораспространяющихся идей или сопротивления им со стороны коллективного адресата или индивида отправителем наносится стратегический регулятивный «удар» с целью преодоления («слома») сопротивления [17].

С учетом того, что в иллюкативном плане каждый тип регулятивов *характеризуется* своим индивидуальным способом воздействия и проникновения в ментальное пространство, схематически этот процесс можно представить следующей последовательностью этапов: а) каузативно-реплицированная генерация копии типового ФСП в ментальном пространстве Другого – б) адсорбирование (проникновение) ее в ментальное пространство Другого – в) подразделение на аноэтические, ноэтические, аутоноэтические и доксальные разновидности коллективного и индивидуального сознания Другого с учетом сферы влияния на них – г) момент транскрипции как отправной точки (как начало) реализации реплицированной информации непосредственно в сознании Другого – д) репликационная (т.е. умноженная) сборка типовых регулятивов сценарной реализации ФСП – е) выход новой регулятивной популяции из сознания Другого в инфосферу регулятивно-меметической реальности с целью дальнейшего «путешествия», т.е. переноса или распространения.

Очевидно, что процессуальная последовательность отмеченных этапов есть, – в понимании как представителей вирусно-биологического механизма распространения идей (Р. Докинз, Р. Броди, А. Менегетти), так и представителей динамической (синергичной) модели регулятивно-дискурсивного взаимодействия – *мем* или *регулятив*, которые представляют собой с точки зрения его функционирования в медийной инфосфере *информативное образование* (медийное послание), имеющее дополнительное предназначение – *целенаправленное программирование* [16; 27].

Процесс такого программирования, как его описывают сторонники вирусно-биологического (также: вирусно-психологического) и коммуникативного (также: регулятивно-дискурсивного) подходов, например, Р. Броди, А. Менегетти, Д. Деннетт, Г. Плоткин, А.А. Романов, может быть представлен в виде цепочки следующих *секвенций*:

1) логическо-историческое *Я* индивида, столкнувшись с идеей-мемом или стартерным регулятивом, перерабатывает полученную идею (мем,

регулятив), вытесняя таким образом ген и заменяя его готовой матрично-фреймовой структурой или типовым ФСП;

2) мем налагается на ген (или типовой регулятив) *и*,

3) по своему образу и подобию, производит новый универсум – матрично-фреймовый конструкт (типовое ФСП), *тем самым*

4) устанавливая (внедряя, имплантируя) его в ДНК (ментальное пространство, вместилище) любого типа (любого индивида) в виде информативного образования-послания, *где*

5) новость (информационное послание) вызывает (генерирует) иную реальность при условии, *что*

6) реальность не создает новость, *но*

7) новость учреждает (внедряется, охватывает и захватывает) общество (массовое сознание) *и* в результате

8) мем / регулятив определяет человека как его носителя и распространителя, что осуществляется весьма быстро, малозатратно, экономно и эффективно.

Итак, сравнивая в самом широком смысле биологический и регулятивно-дискурсивный подходы к формированию механизма меметическо-регулятивной реальности и распространения в ней меметических, быстрораспространяющихся идей и смыслов, можно исходить из того, что регулятивно-дискурсивный подход является в большей степени адаптивным для моделирования воздействующей дискурсивной реальности с целью реструктурирования ментального пространства (вместилища, мозга) человека и сделать его наилучшей «питательной средой» для своего проникновения, имплантации и обитания в нем. В этом плане целесообразнее не говорить о регулятивах как «вирусах сознания», а предпочтительнее рассматривать процесс (механизм) их воспроизводства (генерирования) в умах других как «путешествие» по планам (или появление в планах) их сознания с целью охвата не только индивидуального или массового сознания, но также и коллективного бессознательного.

В самом широком смысле меметичность как частное проявление сконструированной регулятивно-меметической реальности есть некое многократно-целевое (или многократно-повторяющееся, целевое) наложение усвоенного в социуме нозического, аутонозического и доксального (обыденного, привычного) знания условий жизнедеятельности индивида в виде шаблонов, стереотипов, повторяющихся ситуаций, моделей на дискурсивную (информативно-коммуникативную), сформированную созданную (сконструированную) для адресата посредством различных медиа-носителей реальность как реальность другого порядка с отсечением (отбрасыванием и выводом из поля внимания, фокуса) всех нюансов референциального пространства, чтобы с опорой на типовую схему этой ситуации (ФСП) сохранить в ней как

основные, так и привнесенные в нее самовоспроизводящиеся и самораспространяющиеся смыслы и способствовать их репродуцированию. В качестве функциональных единиц – носителей или сущностей социокультурного медиа-пространства могут выступать как мемы, так и регулятивы, способные не только транслировать меметические (привнесенные, манипулятивные) смыслы информационных посланий, но и самовоспроизводить себя в ментальном пространстве других индивидов, создавая при этом свою регулятивно-меметическую реальность.

1. Броди Р. Психические вирусы: Как защититься от программирования психики: метод. пособие для слушателей курса «Современные психотехнологии» / Р. Броди. – М.: Центр психологической культуры, 2001. – 201 с.
2. Григорьев В.Р. Информационные вирусы – новое оружие массового поражения / В.Р. Григорьев // Информационные войны. – 2008. – №3 (7). – С. 2-29.
3. Деннетт Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания / Д. Деннетт. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: АСТ: Corpus, 2012. – 512 с.
5. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 392 с.
6. Романов А.А. Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» / А.А. Романов, Е.В. Малышева // Жизнь языка в культуре и социуме – 5: материалы международной научной конференции. – М.: Канцлер, 2015. – С. 225-226.
7. Романов А.А. Матричная технология в манипулятивной Интернет-коммуникации / А.А. Романов // [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2014. – Режим доступа: <http://jfl.spbu.ru/conference/4279/4313.html><http://rus.jfl.spbu.ru/conference/3090/3107.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 17.03.14.
8. Романов А.А. Медийный дискурс политической угрозы в свете коммуникативного конструктивизма / А.А. Романов, О.В. Новоселова // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации-2: материалы международной научной конференции (Майкоп, 27-29 октября 2013 г.). – Майкоп Адыгейск. гос. ун-т, 2013. – С. 267-272.
9. Романов А.А. Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик / А.А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011. – №2. – С. 66-71. – Режим доступа: tverlingua.ru
10. Романов А.А. Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния / А.А. Романов, Л.А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №3. – С. 1-16. – Режим доступа: tverlingua.ru
11. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход / А.А. Романов. – М.- Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2002. – 191 с.
12. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения: к 20-летию авторской школы динамической (регулятивной) модели диалога / А.А. Романов // Романов А.А. Лингвистическая мозаика. Избранное. – М.: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2006. – С. 188-192.
13. Романов А.А. Роль меметической информации в формировании «обманных» медиа-смыслов [Электронный ресурс] / А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. – 2015. – №4. – С. 5-13. – Режим доступа: tverlingua.ru.

14. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Тверской СХИ, 1988. – 183 с.
15. Романов А.А. Специфика воздействия резонансной информации в актах политической коммуникации / А.А. Романов, Л.А. Романова // Политический дискурс в России – 5: материалы постоянно действующего семинара. 22 апреля 2001 г. – М.: ИЯ РАН; Российский новый ун-т, 2001. – С. 72-74.
16. Романов А.А. Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации / А.А. Романов // Язык, коммуникация и социальная среда – Language, Communication and Social Environment. Ежегодное научное издание. Вып. 13. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. – С. 87-116.
17. Романов А.А. Стратегический синтаксис как составная часть иллокутивной грамматики / А.А. Романов // Прагматический аспект грамматической структуры текста: тезисы докладов. – М.–Днепропетровск: Ин-т языкознания АН СССР; Днепропетровский гос. ун-т, 1987. – С. 34-37.
18. Романов А.А. Суггестивный дискурс в библиотерапии / А.А. Романов, И.Ю. Черепанова. – М.: Лилия ЛТД, 1999. – 128 с.
19. Романов А.А. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций / А.А. Романов, О.Н. Морозова, Л.А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №2. – С. 1-31. – Режим доступа: tverlingua.ru.
20. Романов А.А., Романова Л.А. Роль слухов как формы резонансной информации в формировании имиджа политика / А.А. Романов, Л.А. Романова // Проблеми іміджології. Том 3. Матеріали міжнародної конференції // Вісник Європейського Університету. Щоквартальний академічний журнал. – Київ, 2002. – №2 (2). – С. 101-115.
21. Brodie R. Virus of the Mind: The New Science of the Meme. – Seattle: Integral Press, 1996. – 192 p.
22. Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford: University Press, 1976. – 352 p.
23. Fiske J. Television Culture. – London and New York: Routledge, 1993. – 353 p.
24. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat-performatives // Procedia: Social and behavioral Sciences. 2015, 206. – P. 71-75. (XV International Conference «Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations», LKTI 2015, 9-11 November 2015, Tomsk; Russia).
25. Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26-28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 512-518.
26. Romanov A.A., Romanova L.A. Composite performatives as types of social semiosis’s cryptoclass // Collection: Modern Approaches to Linguistics, Literature and Cultural Studies. 2012a. – Vol. 2. – P. 207-214.
27. Romanov A.A., Romanova L.A. Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings. – Oradea: Editura universității Emmanuel in Oradea (Romania), 2012. – P. 322-325.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРОФЕССИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Цель данной статьи – исследование лексикографического значения наименований человека по профессии в русском языке.

Для анализа были выбраны 40 лексем, номинирующих человека по профессии в русском языке: *адвокат, актер, артист, архитектор, библиотекарь, бухгалтер, водитель, гастарбайтер, грузчик, дизайнер, директор, дирижер, журналист, кондитер, летчик, логопед, маляр, массажист, официант, охранник, парикмахер, переводчик, пилот, писатель, повар, пожарный, полицейский, почтальон, программист, продавец, режиссер, сварщик, секретарь, судья, токарь, филолог, фотограф, художник, экономист, юрист.*

Было проанализировано лексикографическое значение каждой лексемы. Под лексикографическим значением (ЛГЗ) слова мы понимаем значение слова, представленное в толковых словарях русского языка [2].

Лексикографическое описание значения слова как системный метод описания языковых единиц требует обобщения данных разных словарей. Поэтому для описания ЛГЗ использовались данные пяти толковых словарей: «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТС); «Малый академический словарь русского языка» (МАС); «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСОШ); «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (ТСЕ); «Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова (ТСУ). Все указанные словари содержат описание значений лексем, однако представлены они по-разному. Более полно и достоверно описание лексикографического значения слова может быть осуществлено методом обобщения словарных дефиниций. Этот метод направлен на получение максимально полного описания значения исследуемого слова в системе языка на базе всей совокупности имеющихся толковых словарей с дифференциацией современных и устаревших значений в его смысловой структуре. Метод основан на теоретическом принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга [1].

Представим интегрированное лексикографическое значение некоторых лексем, называющих человека по профессии. После каждой дефиниции указываются словари, в которых отмечены данные значения, а также вычисляется лексикографический индекс яркости семемы (ЛИЯС) – как отношение количества словарей, в которых встречается данная семема, к общему количеству проанализированных словарей (в нашем случае их пять). Семемы представляются по убыванию ЛИЯС. В скобках перечисляются все стилистические пометы, отмеченные в словарях.

АРХИТЕКТОР (греч.)

1. Специалист 1 в области архитектуры 0,80, по проектированию и сооружению зданий 0,20; то же, что зодчий 0,60. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Специалист в области архитектуры (БТС, ТСУ). Специалист в области архитектуры; зодчий (МАС). Зодчий, специалист по проектированию и сооружению зданий (ТСУ). Специалист по архитектуре, зодчий (ТСОШ).

Примеры использования: *Главный архитектор города. Архитектор-реставратор.*

2. Идейный вдохновитель, руководитель чего-либо (публиц.). БТС. ЛИЯС 0,20

Публиц. Об идейном вдохновителе, руководителе чего-л. (БТС).

Пример употребления: *Архитектор внешней политики государства.*

БИБЛИОТЕКАРЬ (греч.)

Работник библиотеки 1,00, осуществляющий обработку, хранение и выдачу книг читателям 0,80. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Работник библиотеки, осуществляющий обработку, хранение и выдачу книг читателям (БТС, ТСЕ). Работник библиотеки, на обязанности которого лежит обработка поступающих в библиотеку книг, их хранение и выдача их читателю (МАС). Служащий в библиотеке, на обязанности которого лежит заведование книгами и их хранение (ТСУ). Работник библиотеки (ТСОШ).

Примеры употребления: отсутствуют.

ВОДИТЕЛЬ (общеслав.)

1. Человек 1,00, кто управляет 1,00 каким-либо транспортным средством 0,40, машиной (автомобилем, автобусом, трактором, трамваем и т.п.) 0,80, самолетом 0,20; то же, что шофер 0,20, вожатый 0,20, пилот 0,20 (спец.). БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1.

Тот, кто водит автомобиль или др. транспортное средство (БТС). Тот, кто управляет каким-л. транспортным средством, машиной (автомобилем, автобусом, трактором и т.п.) (ТСЕ). Тот, кто управляет самодвижущейся машиной (МАС). Общее название для управляющих передвижающимися

машинами (шофер автомобиля, вожатый трамвая, тракторист, пилот самолета и т. п.; спец.) (ТСУ). Тот, кто управляет самоходной, наземной машиной (ТСОШ).

Примеры использования: *Водитель такси, автобуса, трамвая, троллейбуса, трактора, комбайна. Наложить штраф на водителя. Вниманию водителей грузового автотранспорта! Водитель транспорта.*

2. То же, что наставник 0,40, руководитель 0,20, покровитель 0,20, вождь 0,20, предводитель 0,20 (устар.). ТСЕ, ТСУ. ЛИЯС 0,40

Руководитель, наставник, покровитель, вождь (книжн. ритор. устар.) (ТСУ). Наставник (ТСЕ). устар. Предводитель (ТСЕ).

Примеры использования: отсутствуют.

ГРУЗЧИК (общеслав.)

Рабочий 1,00, производящий погрузку 1,00 и разгрузку 0,80. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Рабочий, производящий погрузку и разгрузку (БТС, МАС). Тот, кто производит погрузку и разгрузку (ТСЕ). Рабочий, производящий погрузку (ТСУ). Рабочий, занимающийся погрузкой и выгрузкой (ТСОШ).

Примеры употребления: *Портовые, железнодорожные грузчики. Грузчик аэропорта. Нанять грузчиков. Грузчики перетаскивали в пакгауз пшеницу рыбу хлопок, соль* (Вс. Иванов, Пархоменко).

ДИЗАЙНЕР (англ.)

Специалист 0,80 по художественному проектированию предметов 0,80, производимых промышленностью, а также интерьеров промышленных объектов, общественных зданий и жилья 0,20; то же, что художник-оформитель 0,20, художник-конструктор 0,40. БТС, ТСЕ, МАС, ТСОШ. ЛИЯС 0,80.

Специалист по дизайну (БТС). Художник-оформитель, специалист в области промышленного дизайна (ТСЕ). Художник-конструктор, специалист по художественному проектированию предметов, производимых промышленностью, а также интерьеров промышленных объектов, общественных зданий и жилья (МАС). Художник-конструктор, специалист по дизайну (ТСОШ).

Примеры употребления: *Работать дизайнером. Разработки дизайнеров.*

В ТСУ отсутствует.

ДИРЕКТОР (лат.)

1. Руководитель предприятия 1,00, учреждения 1,00 или среднего 0,20 учебного заведения 0,80; то же, что управляющий 0,20, начальник 0,20. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1.

Руководитель предприятия, учреждения или учебного заведения (БТС, ТСОШ). Руководитель предприятия, учреждения или среднего учебного заведения (ТСЕ). Руководитель предприятия, учреждения или заведения (МАС). Управляющий, начальник какого-н. предприятия, учреждения (ТСУ).

Примеры употребления: *Директор завода. Директор театра. Назначить директором. Кабинет директора. Директор фабрики. Директор училища. Директор банка. Красный директор* (директор завода из рабочих; нов.). *Наутро матушка, Аркадий Иванович и Никита пошли в гимназию и говорили с директором* (А.Н. Толстой, *Детство Никиты*).

2. Название членов коллегии, управляющей государством, директории, в некоторые исторические эпохи (полит.). ТСУ. ЛИЯС 0,20

В некоторые исторические эпохи – название членов коллегии, управляющей государством, директории (полит.) (ТСУ).

ДИРИЖЁР (франц.)

1. Человек 0,80, музыкант 0,20, который управляет 1 оркестром 1, хором 0,80, оперным или балетным спектаклем 0,40, давая свою трактовку музыкальному произведению 0,20; то же, что капельмейстер 0,20 (муз.). БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Лицо, управляющее оркестром, хором, оперным или балетным спектаклем (БТС, МАС). Тот, кто дирижирует оркестром или хором, давая свою трактовку музыкальному произведению (ТСЕ). Лицо, дирижирующее оркестром, капельмейстер (муз.) (ТСУ). Музыкант, управляющий оркестром или хором (ТСОШ).

Примеры использования: *Дирижер оркестра. Знаменитый дирижер. Играть под управлением дирижера. Под управлением дирижера нашего оркестра красиво и густо пел великолепный хор* (Скиталец, *Этапы*). *Оркестр без дирижера*.

2. Человек 1, руководящий танцами на балу 1,00 (устар.). ТСЕ, МАС, ТСУ. ЛИЯС 0,60

Распорядитель танцев на балу (*устар.*) (ТСЕ). Устар. Лицо, руководящее танцами на балу (МАС). Дирижер танцев (*устар.*) – лицо, руководящее танцами на балу (ТСУ).

Примеры использования: *Мы стали ожидать прибытия нашего начальника – главного дирижера бала генерал-адъютанта Струкова – Александр Петрович слыл в молодости одним из лучших великосветских танцоров* (Игнатъев, *Пятьдесят лет в строю*).

3. Служащий 0,20, следящий за движением канцелярских бумаг, за ходом канцелярской работы 0,20 (канц.). ТСУ. ЛИЯС 0,20

Служащий, следящий за движением канцелярских бумаг, за ходом канцелярской работы (*нов. канц.*) (ТСУ).

Примеры использования: отсутствуют.
В ТСОШ отсутствует.

ЛЕТЧИК (общеслав.)

Специалист 0,60, человек 0,20, умеющий управлять каким-л. летательным аппаратом 0,40, обычно самолетом 0,60, вертолетом 0,40, аэропланом 0,20; то же, что водитель самолета 0,20 (авиц.). БТС, ТСЕ, МАС. ЛИЯС 0,6.

Специалист, умеющий управлять каким-л. летательным аппаратом (обычно самолетом, вертолетом) (БТС). Специалист, управляющий летательным аппаратом (ТСЕ). Водитель самолета (МАС). Специалист, управляющий самолетом, вертолетом (ТСОШ). (авиц.). Лицо, самостоятельно совершающее полеты на аэроплане и управляющее им (ТСУ).

Примеры использования: *Военный летчик. Летчик-испытатель. Летчик поднял в воздух самолет. Опытный летчик. Учиться на летчика. Морской летчик. Летчик-испытатель. Летчик должен знать свойства воздуха, все его наклонности и капризы так же, как хороший моряк знает свойства воды* (Каверин, Два капитана). *Школа летчиков.*

МАЛЯР (нем.)

1. Рабочий 0,80, человек 0,20, занимающийся окраской зданий, помещений 1,00 и различных крупных предметов 0,20. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Рабочий, занимающийся окраской зданий, помещений (БТС, МАС, ТСОШ). Тот, кто занимается окраской зданий, помещений и т.п. (ТСЕ). Рабочий, специалист по окраске зданий, внутренних помещений и различных крупных предметов (ТСУ). Рабочий, занимающийся окраской зданий, помещений.

Примеры использования: *Работать маляром. Маляры развели краску. Кисть маляра. Маляры выкрасили полы и подоконники.*

2. Плохой живописец, художник 0,80 (разг., пренебр.). БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ. ЛИЯС 0,80

Пренебр. О плохом живописце, художнике (БТС, МАС). Плохой художник (обычно с оттенком пренебрежительности) (ТСЕ). О плохом живописце, художнике. Плохой живописец, художник (разг., презрит.).

Примеры использования: *Он маляр, а не художник. [Сальери:] Мне смешно, когда маляр негодный Мне пачкает Мадонну Рафаэля* (Пушкин, Моцарт и Сальери). *Он объявил, что мне необходимо заняться собственным образованием, без чего я останусь жалким маляром* (Репин, Далекое близкое).

В ТСОШ отсутствует.

МАССАЖИСТ (франц.)

Медицинский работник 0,20, специалист 0,80 по массажу 1,00, для больных 0,20. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Специалист по массажу (БТС, ТСЕ, МАС, ТСОШ). Медицинский работник, делающий массаж больным (ТСУ). Специалист по массажу.

Примеры использования: отсутствуют.

ПИСАТЕЛЬ (общеслав.)

Человек 1,00, который профессионально 0,20 занимается литературным трудом 0,40, пишет художественные литературные произведения 0,80. ТСУ, ТСОШ, МАС, ТСЕ, БТС. ЛИЯС 1.

Тот, кто профессионально занимается литературной деятельностью (БТС). Человек, пишущий литературные произведения (ТСЕ, ТСУ). Тот, кто пишет литературные произведения (МАС). Человек, к-рый занимается литературным трудом, пишет художественные литературные произведения (ТСОШ).

Примеры употребления: *Известный писатель. Скандальный писатель. Полузабытый писатель. Современный писатель. Объединение писателей. Писатель-романтик. Писатель-деревенщик. Исторический писатель. Встреча писателя с читателями. Талантливый писатель. Знайте, что быть писателем в наши дни – великое счастье... Союз советских писателей. Писатели 40-х годов. Библиотека русских писателей. Я люблю родину, народ, я чувствую, что, если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем (Чехов). Товарищ Сталин назвал наших писателей инженерами человеческих душ (Жданов). Писатели-классики. Писатели русского зарубежья. Изучать какого-н. писателя (его сочинения, биографию и т. п.).*

ПОЧТАЛЬОН (итал.)

1. Почтовый служащий 1,00, разносящий корреспонденцию адресатам 1,00; то же, что письмоносец 0,60, работник почты 0,20. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Почтовый служащий, разносящий корреспонденцию адресатам; письмоносец (БТС, МАС). Почтовый служащий, доставляющий корреспонденцию адресатам (ТСЕ). Почтовый служащий, разносящий корреспонденцию по адресам, письмоносец (ТСУ). Работник почты, доставляющий корреспонденцию по адресам (ТСОШ).

Примеры употребления: *Гаврик! У тебя отец чем занимается? – Почтальон, письма носит (М. Горький, Трое).*

2. В России до 1917 г. 0,20: почтовый служитель 0,60, сопровождавший почтовую карету 0,60 (устар., истор.). БТС, ТСЕ, ТСУ. ЛИЯС 0,60

В России до 1917 г.: почтовый служитель, сопровождавший почтовую карету (БТС). Устар. Почтовый служитель, сопровождавший почтовую карету (ТСЕ). Почтовый служитель, сопровождавший почтовую карету (*истор.*) (ТСУ).

Примеры употребления: отсутствуют.

РЕЖИССЁР (франц.)

Творческий работник 0,20, художественный руководитель 1,00, организатор 0,40 театральной 1,00, эстрадной 0,40, цирковой 0,40, кинематографической постановки 1,00 или радио- 0,60 или телепередачи 0,40, объединяющий всю работу по подготовке спектакля 0,20; то же, что постановщик 0,20. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Художественный руководитель спектакля, кинофильма, радиопередачи и т.п.; постановщик (БТС, МАС). Художественный руководитель и организатор театральной, эстрадной, цирковой, кинематографической постановки или радио- или телепередачи; постановщик (ТСЕ). Художественный руководитель театральной или кинематографической постановки, объединяющий всю работу по подготовке спектакля (ТСУ). Творческий работник, художественный организатор, руководитель театральной, кино- или телевизионной постановки, вообще зрелищных программ (ТСОШ).

Примеры использования: *Режиссер спектакля. Режиссер приходил на первую репетицию с готовым планом постановки. Я считаю, что для органического взращивания роли нужен не меньший, а в иных случаях значительно больший срок, чем для создания и взращивания живого человека. В этом периоде режиссер участвует в творчестве в роли повивальной бабки или акушера* (Станиславский).

СВАРЩИК (общеслав.)

Рабочий 0,80, человек 0,20, занимающийся сваркой 1,00 чего-либо 0,80, металлов 0,20. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1

Рабочий, занимающийся сваркой чего-л. (БТС, МАС, ТСОШ). Тот, кто занимается сваркой (ТСЕ). Рабочий, занимающийся сваркой металлов (ТСУ).

Примеры использования: отсутствуют.

ТОКАРЬ (общеслав.)

Рабочий 1,00, специалист 0,80, занимающийся токарным делом 0,40: механической обработкой металла, дерева 0,60, твердых металлов 0,40 и других материалов посредством обточка 0,60. БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ. ЛИЯС 1.

Рабочий, специалист по обработке металла, дерева и т.п. путем обточки (БТС, МАС). Рабочий, занимающийся механической обработкой металла, дерева и других материалов посредством обточки (ТСЕ). Рабочий, мастер, занимающийся токарным делом (ТСУ). Рабочий – специалист по механической обработке твердых материалов, по токарному делу (ТСОШ).

Примеры использования: *Токарь по металлу. Токарь по дереву. Токарь-фрезеровщик. Начинают, ни свет ни заря, свой ужасный концерт, припевая, токари, резчики, слесаря!* (Некрасов).

Наименования человека по профессии в русском языке в основном относятся к заимствованным единицам, их семантемы включают по одной семеме (небольшой процент лексем является многозначными словами).

Описание интегрированного лексикографического значения является важным (начальным) этапом при анализе контекстуального и психолингвистического значения данной группы слов, помогает уточнить значение слов (конкретизировать, развернуть дефиницию слова для фиксации в лексикографическом источнике и др.).

Данную методику можно использовать и при описании значений других групп слов.

1. Рудакова А.В. Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова / А.В. Рудакова // Вестник Дагестанского научного центра. – 2015. – №3(58). – С. 152-156

2. Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.

ТСЕ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [Электронный ресурс] // URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения 02.01.2017).

ТСОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. М.: А Темп, 2009. – 944 с.

ТСУ – Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm> (дата обращения 02.01.2017).

ВЕРБАЛЬНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Известно, что разного рода манипулятивные языковые техники стали изучаться в российской лингвистической науке сравнительно недавно. Активизация интереса к названному феномену обусловлена как собственно лингвистическими, так и общественно-политическими, историческими и культурными факторами. Современная речевая среда предполагает включенность человека в целый ряд сфер общественной жизни, постепенный переход бытового общения в поле публичного, массового взаимодействия (ср. коммуникацию в социальных сетях), что заставляет индивида осуществлять достаточно глубокую рефлексию над собственной языковой практикой и искать пути повышения эффективности своего взаимодействия с окружающими. Как известно, в тех случаях, когда речь идет о достижении каких-либо личностных или исключительно коммуникативных целей посредством общения, участник интеракции неизменно сталкивается с необходимостью использования приемов воздействия на своего собеседника (индивидуального или коллективного).

Манипулятивные техники не являются порождением современного общества, как считают многие носители т.н. обыденного коммуникативного сознания. Так, одной из первых работ, посвященных скрытому воздействию на собеседника, является трактат Аристотеля «О софистических опровержениях», где автор рассматривает приемы манипуляции, активно применявшиеся софистами, такие как: «использование слов, имеющих различный смысл; смешение многих вопросов в один; подмену тезиса; предвосхищение основания; смешение абсолютного и относительного» [13, с. 223]. Известно, например, также, что Цицерон в своих речах, призванных дискредитировать политических противников, активно пользовался целым рядом способов манипулирования сознанием слушателей – фальсификацией, искажением или тенденциозной трактовкой сведений, использованием эмоциональной и оценочной лексики, апелляцией к темам религии и патриотизма и др. [17].

Существующие сейчас в российском языкознании подходы к исследованию вербальной манипуляции во многом сформулированы западной гуманитарной наукой, в связи с чем разговор об истории изучения манипуляции российской лингвистикой неизбежно предполагает обращение к западному научному (лингвистическому и психологическому) опыту.

Развитие массовых коммуникаций в XX-XXI вв., несомненно, способствовало расширению области применения приемов манипуляции и, как следствие, повышению интереса к ее (манипуляции) научному

изучению. Современная традиция исследования манипуляции заложена в трудах по психологии, социологии, политологии (см.: [19, 22, 23]); несколько позже стали появляться собственно лингвистические труды по заявленной проблеме.

«Само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово *manus* – рука (*manipulus* – пригоршня, горсть, от *manus* и *ple* – наполнять). В словарях европейских языков слово толкуется как обращение с объектами с определенными намерениями, целями (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т.д.). Имеется в виду, что для таких действий требуется ловкость и сноровка. <...> Отсюда произошло и современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. <...> Заметим, что с самого начала это понятие ограничивает понимаемый как манипуляция набор способов управления – им обозначается только управление с *ловкостью* и даже *скрытое управление*» [9, 22].

Последовательную и фундаментальную классификацию и описание скрытых психологических игр предложена Э. Берном в известной работе «Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений». Игрой Э. Берн называет «серию следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных трансакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох» [1, с. 36].

О наличии скрытой мотивации у участников взаимодействия, содержащего манипуляцию говорит и российский психолог Е.Л. Доценко, определяя манипуляцию как вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [6].

Ряд специалистов различает позитивное и негативное скрытое воздействие в зависимости от целей, которые ставит перед собой воздействующий субъект. При этом термин «манипуляция» используется для обозначения воздействия негативного: «Скрытое управление адресатом против его воли, приносящее инициатору односторонние преимущества, мы называем манипуляцией» [21, с. 9]. Для номинации позитивного воздействия учеными нередко используются другие термины: «Однако чаще скрытое управление преследует вполне благородные цели. Например, когда родитель вместо приказов незаметно и безболезненно управляет ребенком, ненавязчиво побуждая его к правильным действиям. То же самое – во взаимоотношениях руководителя с подчиненными. В обоих случаях адресат сохраняет свое достоинство и сознание собственной

свободы. Такое скрытое управление не является манипуляцией. Назовем его позитивным скрытым управлением» [21].

Очевидно, что несмотря на различие подходов к определению манипуляции, в психологических работах довольно отчетливо выделяются такие признаки манипуляции, как наличие скрытых интенций по крайней мере у одного из участников коммуникации и попытка воздействовать на собеседника косвенными способами.

Говоря о способах и механизмах скрытого воздействия на собеседника, мы неизбежно обращаемся к необходимости выявления и описания коммуникативных стратегий и тактик, а также собственно языковых средств осуществления этого воздействия.

В российской лингвистической науке только формируется устойчивая традиция фундаментального исследования манипулятивных вербальных техник. Однако авторы большинства работ, посвященных проблемам речевого воздействия и языка массовой коммуникации, тем или иным образом касаются проблемы манипуляции. Понятие манипуляции появляется в текстах, исследующих язык как средство формирования массового сознания. Так, Н.А. Купина говорит о языковом сознании тоталитарного общества как результате «многовековой манипуляции общественным сознанием и речевым поведением людей» [11, с. 11], а М.Р. Желтухина и В.И. Шаховский рассматривают манипуляцию в политическом дискурсе как способ «завуалировать, скрыть свои истинные намерения, запутать, сбить с толку, обмануть адресата» [7, с. 101].

Большой интерес у современных исследователей вызывает и манипулятивные вербальные техники, используемые в межличностной коммуникации (см.: [3, 5, 12, 20]).

Языковое манипулирование в современной лингвистике рассматривают как «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [2, с. 99].

И.А. Стернин разграничивает речевое воздействие и манипуляцию, понимая под речевым воздействием «воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д.» [16, с. 56]. В то время как «манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению намерению» [16]. Основным критерием разграничения, как можно видеть, И.А. Стернин считает осознанность / неосознанность слушающим попытки воздействия на него.

Скрытость и открытость речевого воздействия является параметром выделения дифференциации манипуляции и прочих видов воздействия и в

концепции В.И. Карасика, который разделяет косвенное (неинтенциональное) и намеренное (интенциональное) воздействие, выделяя среди основных средств осуществления намеренного воздействия убеждение (аргументацию) и манипуляцию – маскируемую власть [10].

Близкие идеи высказывает О.С. Иссерс: «...если убеждение осуществляется преимущественно с опорой на сознание, разум реципиента, то внушение – с опорой на эмоции. Внушая определенную мысль, субъект речевого воздействия апеллирует, прежде всего, к эмоциям объекта речевого воздействия, стремясь тем самым привести его в нужное для целей говорящего психологическое состояние» [8, с. 38].

Лингвисты, как и психологи (см. упомянутую ранее работу В.П. Шейнова), предпринимают попытки классификации видов манипуляции. Так, в статье «О манипуляции и актуализации в речевом воздействии» К.Ф. Седов разграничивает «продуктивную манипуляцию и непродуктивную. Непродуктивная, или конфликтная, манипуляция представляет собой скрытое воздействие на сознание собеседника с целью вызвать у последнего чувство фрустрации, или психологического дискомфорта. Продуктивная манипуляция, согласно К.Ф.Седову, являясь основой психологии влияния и теории речевого воздействия, неизбежна в реальной коммуникации. Цель продуктивной манипуляции – расположить к себе партнера по коммуникации, используя его слабости» [15, с. 20-21].

Как можно видеть, в российской лингвистике присутствует относительно единодушие по вопросу разграничения манипуляции и прочих видов речевого воздействия. Определяющим признаком манипуляции является, таким образом, неявность речевого воздействия для объекта манипулирования.

Существует ряд работ, авторы которых изучают конкретные приемы языкового манипулирования. Диагностическим критерием определения того или иного языкового приема как манипулятивного является намерение автора текста «получить односторонние преимущества» [18]. К таким приемам относят, например: искажение информации, утаивание информации, имплицитная подача информации, намеренный выбор способа и момента подачи информации [4, 136-139], лесть [18], уговоры [8], т.н. софизмы, т.е. намеренные ошибки в доказательстве [14] и др.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что манипуляция как особый вид речевого воздействия является объектом пристального внимания лингвистов и представителей других областей гуманитарного знания. Есть основания полагать, что по мере развития средств массовой коммуникации и их дальнейшей интеграции в повседневную жизнь современного человека, интерес к изучению техник манипулирования будет возрастать, а в фокусе внимания прикладных исследований будет находиться вопрос эффективного использования механизмов скрытого воздействия на человека в различных сегментах общественной жизни.

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений / Э. Берн. – СПб. – М.: университетская книга, АСТ, 1998. – 398 с.
2. Быкова О.Н. Языковое манипулирование / О.Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник российской риторической ассоциации. – 1999. – № 1 (8). – С. 91-103.
3. Веретенкина Л.Ю. Лингвистическое выражение межличностных манипуляций (к постановке проблемы) / Л.Ю. Веретенкина // Предложение и слово: Доклады и сообщения международной научной конференции, посвященной памяти проф. В.С. Юрченко. – Саратов: СГПИ, 1999. – С. 291-292.
4. Гурочкина А.Г. Манипулирование в лингвистике / А.Г. Гурочкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2003. – Вып. № 5. – Том 3. – С. 136-141.
5. Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол наук / Е.В. Денисюк. – Екатеринбург 2003.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита / Е.Л. Доценко. – М.: ЧеРо: Юрайт, 2000. – 344 с.
7. Желтухина М.Р. Роль комического в дискурсивном портрете политика / М.Р. Желтухина, В.И. Шаховский // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 101-114.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. – Омск: Омский. гос. ун-т, 1999. – 258 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2015. – 464 с.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
11. Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры / Н.А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 176 с.
12. Кусяев А.Р. Приемы речевого воздействия в диалоге менеджера с клиентом / А.Р. Кусяев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – Вып. 37 (328). – С. 89-91.
13. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
14. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора / С.И. Поварнин. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 120 с.
15. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. – 2003. – Вып. 2. – С. 20-27.
16. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учеб. издание / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.
17. Сухарева Т. А. Приемы создания негативных образов политических соперников в речах Цицерона / Т.А. Сухарева // Реальность. Ретроспекция. Реконструкция: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). – Ярославль. – С. 46-53.
18. Тарасова И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие / И.П. Тарасова // Вопросы языкознания. – 1993. – №5. – С. 70-82.
19. Франке Г. Манипулируемый человек / Г. Франке. – М., 1964.
20. Чалый В.В. Коммуникативные элементы межличностной манипуляции в языковой структуре произведений А.П. Чехова / В.В. Чалый // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. –

Вып. 10. – С. 96-98.

21. Шейнов В.П. Психологическое влияние / В.П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2007. – 639 с.

22. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М.: Мысль, 1980. – 64 с.

23. Шостром Э. Анти-Карнеги / Э. Шостром. – М.: Поппури. 2005. – 400 с.

И.А. Стернин (Воронеж)

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КОРРУПЦИОННОГО ТЕКСТА

Проект реализуется на средства "Проект-победитель" Грантового конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2016/2017".

Борьба с коррупцией в нашей стране имеет и ярко выраженный лингвистический аспект – для лингвокриминалистического анализа коррупционных текстов необходимо инвентаризовать лексические единицы, устойчивые словосочетания, фразеологические единицы, развернутые обороты речи, которые могут нести коррупционный смысл.

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О противодействии коррупции» определяет коррупцию следующим образом:

«Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе.

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

1. коррупция:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

Федеральным законом №97-ФЗ введена статья 19.28 КоАП РФ, устанавливающая административную ответственность за незаконную передачу, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление

имущественных прав за совершение в интересах данного юридического лица должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации действия (бездействия), связанного с занимаемым ими служебным положением. Поведение, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки, является неприемлемым для государственных служащих, поскольку заставляет усомниться в его объективности и добросовестности, наносит ущерб репутации системы государственного управления в целом.

Используется термин «преднамеренное испрашивание преимущества».

Очевидно, что коррупционные действия – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп – имеют вербальную составляющую, они обсуждаются сторонами, и как побуждение к даче взятки, так и предложение взятки осуществляются в языковой форме.

В нормативном подзаконном акте Минтруда РФ «Рекомендации по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки» (2013) обращается внимание на то, что в соответствии с действующим законодательством предметом взятки или коммерческого подкупа наряду с деньгами, ценными бумагами и иным имуществом могут быть выгоды или услуги имущественного характера, оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате (предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи и т.п.).

Под выгодами имущественного характера следует понимать, в частности, занижение стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими ссудами (пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взятничестве и коммерческом подкупе»).

Рассматривается также понятие незаконного вознаграждения от имени юридического лица. В соответствии со статьей 19.28 КоАП РФ под незаконным вознаграждением от имени юридического лица понимаются незаконные передача, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав за совершение в интересах данного юридического лица должностным лицом, действия (бездействие),

связанного с занимаемым ими служебным положением.

Также указывается на участие родственников в получении взятки, поскольку имущественные выгоды в виде денег, иных ценностей, оказания материальных услуг могут быть предоставлены родным и близким должностного лица с его согласия либо если он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяткодателя. В этом случае действия должностного лица квалифицируются как взятка.

Под вымогательством взятки понимается требование должностного лица дать взятку либо передать незаконное вознаграждение в виде денег, ценных бумаг, иного имущества под угрозой совершения действий, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина либо поставить последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку либо совершить коммерческий подкуп с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов (пункт 15 Постановления Пленума ВС РФ №6 от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взятничестве и коммерческом подкупе»).

В вышеназванных «Рекомендациях» указывается на ряд вербальных маркеров коррупционного поведения – определенные темы, поднимаемые в общении (например, служащий ведет переговоры о последующем трудоустройстве с организацией, которая извлекает из его решений; родственники служащего устраиваются на работу в эту организацию, служащий говорит о своей низкой зарплате, отсутствии работы у родственников и под.), а также некоторые слова, выражения, которые могут быть восприняты собеседником как просьба (намек) о даче взятки («вопрос решить трудно, но можно», «спасибо на хлеб не намажешь», «договоримся» и др.).

Все описанные слова, выражения и темы беседы являются потенциальными маркерами коррупционного содержания текста.

Список коррупционных языковых маркеров не исчерпывается приведенными выше примерами, в реальности он гораздо шире, и необходимы исследования в данной области для составления достаточно репрезентативного списка потенциальных коррупционных маркеров.

Это целесообразно делать по двум направлениям: маркеры испрашивания преимущества (взятки) и маркеры предложения преимущества (взятки). Например:

Испрашивание преимущества должностным лицом:

как будем решать вопрос?

вопрос решить трудно, но можно

думаю, мы договоримся

я вижу, с вами можно договариваться (решать вопросы)

мне нужны более веские аргументы

нужно обсудить параметры
 спасибо на хлеб не намажешь
 мы спасибо не пьем
 вы думаете, эту проблему решить просто?
 как будем решать нашу проблему?
 ну что делать будем?
 давайте где-нибудь встретимся, посидим и обсудим наши проблемы
 у меня сейчас есть проблемы, которые мне надо решать
 я вам помогу, если вы поможете мне
 у меня сын в институт поступает
 у меня сейчас дочь (жена) без работы
 никак не могу съездить в отпуск на море
 мы при желании, возможно, сможем предоставить вам скидку
 а вы можете помочь нашему фонду?
 а вы можете помочь нам сделать ремонт в классе, где моя дочь
 учится?
 и у меня к вам просьба – воспользуйтесь услугами фирмы N и под.

Предложение преимущества должностному лицу:

мы можем помочь вам решить вашу проблему
 мы можем пригласить к нам на работу вашего сына
 мы можем помочь вам с отдыхом
 мы будем вам, разумеется, очень благодарны
 наша благодарность вас приятно удивит
 за нами не заржавеет
 у нас есть возможность вас поощрить
 мы имеем возможность поощрить вас за ваши усилия
 мы вам дадим премию
 мы можем помочь вам получить кредит
 у нас есть (предусмотрены) свободные средства для поощрения наших
 партнеров
 мы подумаем о том, чтобы наши отношения были взаимно выгодными
 вы поможете нам, а мы поможем вам
 и под.

Важно при этом, чтобы контекст спорного текста подтверждал коррупционную направленность выявленных выражений, поскольку многие фразы могут быть истолкованы в буквальном смысле – например, мы будем вам благодарны может иметь и чисто этикетный смысл.

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(исторический взгляд)

Изменения в лексической семантике связаны, прежде всего, с общественными процессами. С этой точки зрения представляет интерес семантика наименований лиц по принадлежности к духовенству русской православной церкви.

В связи с возросшей за последние полвека воцерковленностью российского населения даже зрелые люди испытывают затруднения при общении со священно- и церковнослужителями, не знают, как обратиться к священнику, как назвать того или иного служителя церкви. Еще сложнее паломникам, впервые приехавшим в монастырь. Все эти затруднения описываются на многочисленных православных сайтах и форумах в сети Интернет, где в 2010-х гг. зафиксировано множество поисковых запросов: «Как обратиться к священнику?».

Следует отметить тот факт, что данная лексика, к которой впервые обращаются наши новообращенные и воцерковленные современники, отнюдь не нова. В традиционном укладе церкви иерархия духовенства не претерпевала никаких изменений за последние сто пятьдесят лет. Изменились ли значения этих слов?

Исследование проводилось в двух аспектах: с точки зрения семантики и с точки зрения функционирования. Общее количество исследованных единиц – около 100.

С точки зрения семантики представляется возможным вычленение в исследуемой лексике единиц нейтральных, неоценочных, своеобразных терминов, и оценочных единиц.

Мы сравнили основные неоценочные наименования и пришли к выводу, что за изучаемый период не произошли какие-либо существенные изменения в их семантике. Большинство наименований отражено в словарях иностранной лексики и имеет греческое или латинское происхождение, напр.: *архидиакон*, *архиепископ*, *архиерей*, *архимандрит*; *иерей*, *иеродьякон*, *иеромонах*; *пресвитер*, *протодьякон*, *протоиерей*, *протопресвитер*; *схиархимандрит*, *схиеромонах*, *схиигумен*, *схимник* / *схимонахиня*; *экзарх* и др.

Семантика этих наименований тесно связана с их происхождением. Продemonстрируем это на нескольких группах.

Так, в словаре-справочнике «Аффиксоиды русского языка» Н.А. Козулиной, Е.А. Левашова и Е.Н. Шагаловой нами выявлены следующие аффиксоиды: ...**АРХ** (*патриарх*, *иерарх* – с. 27), **АРХИ**... (*архиепископ*, *архиерей*, *архисвятой* – с. 28-29), **ИЕРО**... (*иеросхимник*

– с. 101), **ПРОТО...**(протопресвитер, протодьякон, протопоп – с. 199-200), **СХИ...** (схиигумен – с. 234) [4].

«...**АРХ**, а, м. (<греч. archos – правитель, военачальник) – глава самостоятельной церкви или отдельной церковной области:

[Царь:] Владыко патриарх, Прошу тебя пожаловать в палату: Сегодня мне нужна твоя беседа. А.С. Пушкин, Борис Годунов. После 1801 года... было решено подчинить духовенство... синоду и экзарху. История СССР (под ред. М. Начкиной), 1955. Но чем отчетливее вырисовывается облик полуголодного ересиарха., тем более расплывчатым кажется контекст. Независ. Газета .12.1999. Иерарх» (с. 27).

«**АРХИ...**(<греч. archi – главный, старший) – являющийся старшим в церковном чине:

Не нужно напоминать вам имя архипастыря, который много лет подвизался на пользу подвластным нам американских племен. И. Гончаров, Фрегат «Паллада». Возгласами архидьякона наполнялся... весь собор. А.Н. Толстой, Петр Первый. В Севастополе все знают историю своего героического города и гордятся ею. А как же не гордиться Малаховым курганом., церковью святого архистратега Михаила. Известия 13.1.1965. Архиепископ, архиерей, архисвяtitель» (с. 28-29).

«**ИЕРО...** (<греч. hieros – священный) – являющийся монахом в указанном далее сане:

Так прожил Касатский в первом монастыре, куда поступил, семь лет. В конце третьего года он был пострижен в иеромонахи с именем Сергия. Л. Толстой, Отец Сергей. Одним из многих спутников моих по скитаниям был московский иеродьякон, путешествовавший по «святых местам». И. Соколов-Микитов, голубые дни. Именно тогда переехал туда [в Вырицу] иеросхимонах Серафим. Смена 11.3.2001. Иерокирикс, иеросхимник» (с. 101).

«**ПРОТО...**(<греч. prōtos – первоначальный, первичный) – занимающий в церковной иерархии более высокое положение, чем то, которое указано в слове далее; старший:

За черным катафалком... очень медленно шагали... церковные чины в фиолетовых камилавках, протопресвитеры. В. Беляев, Кто предал? (Молодая гвардия, 1961, 12). На амвон вышел... протодьякон в белой серебряной ризе. С. Скиталец, Октава. Одновременно было указано о производстве его в протоиереи, или, по-простонародному, в протопопы, - звание, наивысшее для священника из белого, не монастырствующего духовенства. Н. Вирта, Вечерний звон» (С. 199-200).

«**СХИ...** (<схима) – такой, который принял схиму (о лице монашествующего чина):

Схимонах Мардарий жил в землянке у церковной стены сзади алтаря. М. Горький, Исповедь. На кладбище сохранились две игуменских могилы – игумена Ионафина.. и схиигумена Маврикия. Б. казанков, Тропами Валаама, Путеводитель, 1994. Когда-то будущий схиигумен маврикий побывал в иерусалиме и привез оттуда частицу Гроба господня, которая была вмурована в тяжелую гранитную плиту. СПб ведомости 18.7.2007. Схимонахиня (с. 234).

Выделяются и словарные единицы старославянского, древнерусского происхождения, такие как инок / инокия; причт / причетники; чернец / черница, черноризец и др. Традиционное деление на белое (женатое или в целибате) и черное (монашествующее) духовенство порождает названия, типа чернец / черница, черноризец.

Группа оценочной лексики (как положительной, так и сниженной) представлена единицами, преимущественно русского происхождения, ср.: *батюшка / батя, батька; матушка; долгогривый* (устар. прост. ирон.); *жеребьячья порода* (устар. прост. ирон.); *из колокольного звания* (устар. прост. ирон.); *кутейник* (устар. прост. ирон.), *кутья с патокой* (устар. прост. ирон.); *личность колокольного происхождения* (устар. прост. ирон.) [1, с. 115].

Данные оценочные наименования относят нас к реалиям жизни семинаристов и бурсаков XIX в. Эти прозвища учащихся духовных учебных заведений связаны с отношением к ним в обществе как к недалеким и неразвитым людям, чему зачастую способствовала и обстановка их обучения и воспитания (подробнее см. об этом: [2]).

С точки зрения употребления все словарные единицы мы подразделили на три группы: 1) наименования в 3-м лице; 2) самоименования лиц; 3) именованья-обращения к лицу.

Протоиерей Андрей Ухтомский отмечает, что «существует три степени священнослужителей:

1. **Епископская.** Носители этой степени священства: *патриарх, митрополит, архиепископ, епископ.*

Обращение к патриарху: «*Ваше Святейшество...*» или «*Святейший владыко...*», к митрополиту и архиепископу: «*Ваше Высокопреосвященство*» или «*Высокопреосвященнейший владыко...*». Если титул Митрополита носит Предстоятель Церкви и он также имеет эпитет «*Блаженнейший*», то обращение к нему будет «*Ваше Блаженство...*» или «*Блаженнейший владыко...*» (такое обращение подобает Митрополиту Киевскому и всея Украины). Обращение к епископу: «*Ваше Преосвященство...*» или «*Преосвященнейший владыко...*». Эти обращения употребляются также в официальной переписке и в официальной обстановке. Есть народное, «теплое» обращение: «*Владыко...*». После слов обращения следует имя того, к кому мы обращаемся. Носителей епископской степени именуют «*владыко*» потому, что в их ведении находятся все остальные степени священства, и они владычествуют над всем церковным клиром.

2. **Иерейская.** Носители этой степени священства: *протопресвитер, протоиерей, архимандрит, игумен, иерей, иеромонах.*

Обращение к протопресвитеру, протоиерею, архимандриту, игумену: «*Ваше Высокопреподобие, отец (имя)...*», к иерею, иеромонаху: «*Ваше преподобие, отец (имя)...*» Есть народное, «теплое» обращение: «*батюшка...*». Иногда этот эпитет употребляют только по отношению к своему духовнику.

3. **Диаконская.** Носители этой степени священства: *архидиакон, протодиакон, диакон, иеродиакон.*

Обращение к архи-, протодиакону: «*Отец архи-, протодиакон (имя)...*», к диакону, иеродиакону: «*Отец (имя)...*».

[...] Самому священнику незачем именовать себя: «я, отец (имя)». Обычно, священники и диаконы, говоря о себе в третьем лице, так и называют себя «*я священник (протопресвитер, протоиерей, архимандрит, игумен, иерей, иеромонах) такой-то*» или «*я диакон (архидиакон, протодиакон, иеродиакон) такой-то (имя)*».

Говоря в третьем лице о священнослужителе, называют его сан.

Кроме священнослужителей в Церкви есть лица, которые избрали путь монашеской жизни: *игуменья, монахи, монахиня, послушник, послушница*.

Обращение к игуменье: «*Матушка (имя)...*», «*Досточтимая матушка (имя)...*» Обращение к монаху, не имеющему сана, и послушнику: «*Честной брат (отец) (имя)...*», к монахине, послушнице: «*Сестра (имя)...*»

К женам священников и диаконов принято обращаться «*Матушка (имя)*». Когда я был пономарем, то сказал совершавшему службу настоятелю о незамужней певчей, назвав ее «матушка», на что настоятель спросил: «Почему она матушка? Где же ее батюшка?» [5].

Особо отметим наименование *поп*. Данное слово мы встречаем еще в Толковом словаре В.И. Даля: «**ПОП** м. а в стар. иногда **попин** – священник, иерей, пресвитер; человек поставленный, посвященный, помазанный, рукоположенный в духовный чин или сан пастыря душ. *Черный поп*, стар. – иеромонах. *Поп, папа*, конечно общего корня, отец; поминается у нас впервые в Песнословии Пророков, 1047 г. *Купить попа*, стар. – облюбовав попу из чужого прихода, давали туда вклад, или на богадельню. || *Поп*, в игре в городки, рюхи, чушки – выбитая из кона чушка, ставшая опять торчком или *на попу*, что говор. и о бочке, или тюке; стойком, торцем, торчмя; в игре в козны, бабки, при конании, то же, стоячее положение бабки. *Поп да петух и не евши поют. У попу не карманы, а мешки. Поп да девка, да порожние ведра – дурная встреча. Будешь на том свете попу в решетке возить. Родись, крестись, женись, умирай – за все попу деньги подавай! Смелого ищи в тюрьме, глупого в попах. Стоит поп на копне, колпак на попе; копна под попом, поп под колпаком* – скороговорка. *Поповские земли* – церковные. *Поповы детки, что голубые кони: редко удаются. Ты дочь попова, да я и сам игуменов сын!* – не проведешь. *Попова курица* – ворона. *Попова собачка* – мотылек из сумеречников, вернее, мохнатая гусеничка его. Попово гуменце, попова скуфья – растение хасимова трава, одуванчик, дикий (желтый) цикорий и пр. *Кто попу, кто попадью, кто попову дочку* – любит. *Житье – хуже поповой собаки. Это попова дочка: где кормят, туда и ходит. Поповщина* ж. собир. – попы; весь причт; все поколение духовенства. || Все раскольничьи толки, признающие попов, а с ними и таинства; но требуя отречения от нынешних обрядов служенья, поповщина принимает

только беглых попов, переправляя их. **Попадья, попадейка**, ж. – жена или вдова попа, матушка. *Я говорю про попа, ты про попадью, а он про попову дочку. Вдовая попадья всему миру надокучит. Как попадья, задом места ищет!* – почетного, т.е. тискасясь. **Поповник** м. – растение пастернак, борщ, козелки» [3, с. 234].

С точки зрения языка это слово нейтральное, обозначающее священнослужителя, однако контекст словоупотребления, представленный уже у В.И. Даля, позволяет говорить об ироническом использовании этого наименования.

Такие примеры мы находим как в фольклоре (пословицы, поговорки, загадки, сказки, былины), так и в произведениях XIX в. (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев «Поп») и др. И не случайно именно единица *поп* претерпевает ряд изменений в семантике на протяжении всего XX в. и в наше время приобретает в контексте окраску от иронической до уничижительной. Пример из НКРЯ:

«Будет не так, как хотят они, а будет так, как хочет Бог», – убежден предстоятель Русской православной церкви, которого встретила не только его паства, но и противники церковного единства с Москвой, украинские националисты, выкрикивавшие: «Геть московского попа» [Патриарх призвал духовенство Украины принимать с любовью раскольников// РИА Новости, 2009.08.03].

Данная цепочка *патриарх – предстоятель Русской православной церкви – поп* демонстрирует сниженную коннотацию этой номинации на фоне нейтральных.

Изменению семантики способствует и создание производных с помощью суффиксов *-ик*, *-ишк-*, а также употребление в речи прецедентных имен (*поп Гапон*). И не случайно священнослужители рекомендуют прихожанам воздержаться от этого наименования в наши дни.

Таким образом, семантика неценочных наименований не подверглась изменениям, изменения затронули только оценочное наименование *поп*.

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов / З.Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.

2. Анищенко О.А. Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода / О.А. Анищенко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 280 с.

3. Даль В.И. Большой иллюстрированный словарь русского языка: современное написание: ок. 1500 ил. / В.И. Даль. – М.: Астрель : АСТ: Транзиткнига, 2006. – 348 с.

4. Козулина Н.А. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова; Отв. ред. Е.А. Левашов. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 288 с.

5. Ухтомский А. Как правильно обращаться к священнослужителям? / А. Ухтомский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravlife.org/content/kak-pravilno-obrashchatsya-k-svyashchennosluzhitelyam> (20.05.2017).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАНЦУЗСКИХ СЛОВ-ЗООНИМОВ

Метафоризация как средство формирования наименований часто используется в различных языках, в том числе и во французском, особенно для реализации экспрессивной функции, ведь, как отмечает В.Г. Гак, «метафора – первая форма абстрактного мышления в филогенетическом плане, но и в том смысле, что именно к ней прежде всего обращается сознание человека в акте номинации» [1, с. 454].

Перенос наименований по сходству – неоспоримая семантическая универсалия, по-разному проявляющаяся в языках. Один из видов переноса наименования – метафорические переносы названий животных, птиц, насекомых, рыб, пресмыкающихся и т.д. Это довольно распространенное явление во французском языке.

Названия животных могут переноситься на неодушевленные предметы и становиться наименованиями различных приспособлений, механизмов, технических сооружений, например: *araignée* (f) (*наук*) – рыболовная сеть, кошка; *chien* (m) (*собака*) – стопор; *chèvre* (f) (*коза*) – козловой подъем; *loup* (m) (*волк*) – щипальная машина; *mouton* (m) (*баран*) – баба для забивки свай; *cigogne* (f) (*аист*) – коленчатый рычаг.

Но более интересный и показательный тип метафорического переноса – это использование названий животных для обозначения человека. В большинстве языков мира названия животных регулярно используются для наименования человека, его внешности, способностей, черт характера, отношений с другими людьми. Любопытное замечание сделала З.Е. Фомина: «Человек – продукт живой природы, составная часть живого мира – ищет параллели в живом мире, мире себе подобных, в мире фауны...» [4, с. 117].

Очевидно, что в результате метафорического переноса наименования животных на человека в семантической структуре первых происходят значительные изменения, то есть помимо прямого значения появляется переносное. Поэтому в лингвистике четко разделяются два термина: «зооним» – прямое номинативное значение (собственно название животного) и «зооморфизм» – переносное значение, используемое для характеристики человека. Как правило, зооморфизмы связаны не с понятием об определенном животном, а с вызванными ассоциациями.

Во французском языке можно выделить два типа зооморфных характеристик. С одной стороны, это реальные признаки животных, присущие им как биологическому виду и переносимые на человека, например, физическая сила быка *bœuf* (m), выносливость и работоспособность лошади *cheval* (m), смелость льва *lion* (m), большие

размеры слона *éléphant* (*m*), звонкий голос соловья *rossignol* (*m*), черный цвет оперения вороны *corbeau* (*m*), хорошее зрение кошки *chat* (*m*). С другой стороны, существуют признаки, условно приписываемые животным языковым коллективом, безотносительно к реальным биологическим характеристикам. Французы называют глупца ослом *âne* (*m*), индюком *dindon* (*m*) и лягушкой *grenouille* (*f*); невежду – карпом *carpe* (*f*); ветреного человека – воробьем *moineau* (*m*); жадного – собакой *chien* (*m*); злого – молю *teigne* (*f*).

На семантическом уровне любое слово конструируется из совокупности сем, формирующих семему.

Определение семантической структуры зоонимов мы проводили на базе словарных дефиниций и отметили ряд особенностей:

1. В толковых словарях французского языка прямые значения зоонимов содержат не всю исчерпывающую информацию о животных.

2. В толкованиях основных значений зоонимов нет никакого намека на их возможности выполнять характеризующую функцию по отношению к человеку.

3. Не у всех названий животных выделен метафорический лексико-семантический вариант.

Вышесказанное можно объяснить следующим образом:

- ограниченным объемом словарей, фиксирующим самые распространенные значения;

- устойчивыми ассоциациями, вызываемыми животными у носителей языка и не нуждающимися в аттестации словарем;

- своеобразным видением животного мира французским народом, обусловленным историческими, культурными, религиозными, природными особенностями и условиями.

По нашему мнению, с помощью метода компонентного анализа структуру лексического значения зоонима можно представить в следующем виде:

Архисема «живое существо» (категориальная сема)

Дифференциальные семы (S)

S1 «представитель фауны»

S2 информация о типичных чертах и менее явных признаках животного

Потенциальные семы (Sp)

Sp1 сема подобия

Sp2 «человек, обладающий свойством животного»

Sp3 «свойство животного, присущее человеку»

Sp4 «интенсивность свойства»

Sp5 «оценка»

На наш взгляд, представленную схему семантической структуры слова-зоонима можно считать общей для ряда языков, в частности для

французского и русского. Архисема обязательно присутствует в семемах всех зоонимов. Набор дифференциальных сем аналогичен, поскольку эти семы содержат информацию о животных как биологических существах. Что касается потенциальных сем, то они являются источником межъязыковых различий в переносных значениях названий животных, что объясняется различием культур.

Одна из особенностей семантической структуры зоонима заключается в том, что все потенциальные семы антропоморфичны. Во французском языке разработана целая система метафорических значений названий животных, автором которой является Пьер Гиро [5, с. 50]. Во-первых, П. Гиро выделяет два больших класса метафорических значений, общих в отношении мужчин и женщин и дифференцированных по половому признаку, например:

abeille (f) (пчела) – искусный, ловкий человек;
crocodile (m) (крокодил) – лицемерный человек;
hérisson (m) (ёж) – человек с тяжелым характером;
oie (f) (гусь) – глупый человек;
tortue (f) (черепаха) – медлительный человек;
vipère (m) (змея) – коварный, изворотливый человек, гадюка;
bouc (m) (козел) – неприятный мужчина;
cochon (m) (свинья) – грязный мужчина;
dindon (m) (индюк) – глупый мужчина;
étourneau (m) (воробей) – ветреный мужчина;
lapin (m) (кролик) – энергичный мужчина;
renard (m) (лис) – хитрый мужчина;
teigne (f) (моль) – злой человек;
paon (m) (павлин) – горделивый, чванливый мужчина;
bécasse (f) (бекас) – глупая девушка, дуреха, тетеря;
colombe (f) (голубь) – чистая девушка, голубка;
fauvette (f) (славка) – женщина с приятным голосом, хорошая певунья;
guenon (m) (обезьяна) – некрасивая женщина, уродина;
cigogne (f) (аист) – высокая и худая женщина.

Во-вторых, кроме рассмотрения конкретных видов животных П. Гиро пытается вычленировать родовые метафорические значения.

Птицы символизируют глупость: *linotte (f)* (коноплянка); *perruche (f)* (волнистый попугайчик); *bécasse (f)* (бекас); *oie (f)* (гусь); болтливость: *perroquet (m)* (попугай); *pie (f)* (сорока); излишнюю важность: *paon (m)* (павлин); *dindon (m)* (индюк); простодушие и наивность: *pigeon (m)* (голубь); *poule (f)* (курица).

Пресмыкающиеся опасны, злы, неуловимы: *crocodile (m)* (крокодил); *vipère (m)* (змея).

Наименований большей части членистоногих ассоциируются с вредом, грязью, опасностью для здоровья: *roui (m)* (вошь); *puce (f)* (блоха); *teigne (f)* (моль).

Группа млекопитающих разнообразна, их метафорические значения индивидуальны, и П. Гиро находит невозможной их классификацию.

На основании этих примеров можно сделать выводы о тех общечеловеческих, мужских и женских качествах, которые высоко ценятся французским обществом или, наоборот, порицаются им и даже высмеиваются.

Мы провели небольшой сравнительный анализ метафорических употреблений зоонимов в русском и французском языках. В результате этого анализа нами были выявлены три основные группы названий животных в двух языках.

Первая довольно обширная группа включает зоонимы, имеющие одинаковые метафорические употребления в данных языках:

волк / loup (m) – жадный человек;
медведь / ours (m) – неловкий, грубый человек;
лев / lion (m) – сильный человек;
овца / brebis (f) – смиренный человек;
осел / âne (m) – глупый, упрямый человек;
сорока / pie (f) – болтливый человек;
курица / poule (f) – безвольный, слабохарактерный человек;
черепаха / tortue (f) – медлительный человек;
лошадь / cheval (m) – выносливый, неутомимый человек;
змея / vipère (f) – изворотливый человек.

Ко второй группе относятся те названия животных, которые различаются некоторыми метафорическими смыслами в языках, например:

собака – злой, жестокий, преданный, выносливый человек;
chien (m) (*собака*) – злой, жестокий, преданный, выносливый, скупой, безвольный человек;
свинья – грязный, неаккуратный человек;
cochon (m) (*свинья*) – грязный, неаккуратный, пьяный человек;
обезьяна – подражающий человек;
singe (m) (*обезьяна*) – подражающий, уродливый человек.

Третью группу составляют зоонимы, иноязычные аналоги которых не подвергаются метафоризации, например:

кабан – грузный, полный человек;
стрекоза – живой, непоседливый человек;
chat (m) (*кот*) – неблагодарный человек;
chameau (m) (*верблюд*) – трезвый человек;
grenouille (f) (*лягушка*) – глупый человек;
carpe (f) (*кап*) – глупый человек.

Мы предполагаем, что различия в метафорически употреблении русских и французских зоонимов объясняются особым представлением о животных, о «соизмеримости» человека и животных, существующих у каждого народа.

1. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1989. – 921 с.

3. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981.

4. Фомина З.Е. Слова с метафорической оценкой в мотивном лексиконе немецкого и русского языков / З.Е. Фомина // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков: тез. докл. науч. конф. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. – С. 116-117.

5. Guiraud P. Structures étymologiques de lexique français. – P.: Librairie Larousse, 1967. – 211 p.

6. Le petit Larousse illustré. – P.: Larousse, 1995. – 1784 p.

РЕЦЕНЗИИ

В.А. Буряковская (Волгоград)

КОНСЮМЕРИЗМ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО СОЗНАНИЯ

Рецензия на: Ильин А.Н. Наше потребительское настоящее: монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. – 332 с.

Вышедшая в 2016 г. монография А.Н. Ильина «Наше потребительское настоящее» выполнена в духе критического осмысления сегодняшней культурной и социальной реальности, характерной для современного постиндустриального общества. Консюмеризм как феномен этой реальности – главная тема монографии.

В рецензируемой работе представлен детальный анализ современных паттернов социального поведения (в том числе и коммуникативного), характерных для консюмеристского сознания. Несмотря на то, что работа выполнена в философской парадигме, она будет небезынтересна и психолингвистам.

Исследование А.Н. Ильина, несомненно, характеризуется актуальностью, поскольку высвечивает те культурные явления, которые на первый взгляд незаметны обывателю и одновременно не ускользают от проницательного взгляда ученого, пытающегося вскрыть ту опасность, которую таит в себе безудержная погоня за соответствующим образом жизни, навязанным кем-то извне. Кроме того, чувствуется обеспокоен-

ность автора тем легкомысленным и бездумным «заимствованием» западного опыта, который в русской культуре приобретает гротескные и причудливые формы, убивая хорошее – «свое» и взращивая уродливое – «чужое».

Автор подробно останавливается на таких понятиях, как *потребление* и *потребительство*, *практики антипотребления* и *перепотребление*, *телесность* и *мода*, *культура потребления* и *самопрезентация*.

Интересен и психолингвистический аспект данной работы: А.Н. Ильин предлагает рассматривать потребление как текст, который «читается». Кроме того, автор подробно останавливается на дискурсе потребления, который реализуется в первую очередь через рекламу: «Потребитель представляет собой выставленный напоказ текст для Другого, которому предлагается прочесть его, а сам метод чтения подчиняется правилам социокультурного пространства данного места и времени» (с. 15).

Автор утверждает, что рекламный дискурс вытесняет нерекламные виды дискурса, почти полностью заполняя собой информационное пространство. По сути, автор ведет речь о рекламе как креолизованном тексте: рассматривается роль фотографии и анализируется язык брендинга. Каков же язык рекламы? Насколько он сложен? Насколько стратагемен и манипулятивен? Почему употребление иноязычной лексики так престижно и привлекательно для массовой аудитории? На эти и другие вопросы автор дает ответы, анализируя конкретные примеры хорошо известных рекламных слоганов.

Одним из вопросов, рассматриваемых в монографии, является вопрос о специфике коммуникации посредством мобильного телефона. Это относительно новый вид коммуникации, который притягивает к себе взоры ученых. Как изменилось общение людей с появлением разного рода гаджетов? В чем опасность упрощенного дискурса? Рассуждения автора на эти темы проливает свет на основные аксиологические векторы консюмеристской философии.

Монография изобилует интереснейшими замечаниями о роли брендов и лейблов в нашей повседневной жизни, о засилье псевдообразов, о гламуризации массового сознания. Язык монографии достаточно эмоционален, чувствуется некоторая идеологическая предвзятость автора – книга пропитана антикапиталистическим, по сути, марксистским пафосом. Но это и рождает ее открытость к дискуссии. Автор утверждает, что «культура потребления – свойственный современному капиталистическому укладу тип культуры, в которой ценностно-смысловым ядром выступает символизм вещей, стимулирующий поведенческие практики демонстративной самопрезентации» (с. 7). Означает ли это, что буквально все индивиды в таком обществе подвержены поведенческим практикам демонстративной самопрезента-

ции? Навязываются ли индивидам данные практики целенаправленно или они – результат капиталистического устройства общества?

Автор, ссылаясь на З. Баумана, утверждает, что «культура потребления предполагает индивидуализм» (с. 16). Так ли потребление индивидуально в массовом обществе? Способен ли современный человек избежать давления философии консюмеризма? Где грань между разумным и неумеренным потреблением?

Означают ли идеи, высказанные автором, что современное российское общество полностью вестернизировано и представляет собой сегодня не что иное, как общество потребления?

Безусловно, монография адресована не только ученым в области гуманитарного знания, но и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами состояния современной культуры и социума в целом.

СОДЕРЖАНИЕ

Психолингвистические исследования

Акованцева Н.В. (Воронеж) Ассоциативный кластер «ОТДЫХ» в русском языке	4
Борисова Л.М. (Воронеж) Психолингвистические аспекты текстопорождения (на примере романа Кристи Вольф «Образы детства»)	6
Бубнова Н.В. (Смоленск) Прецедентные имена смоленских поэтов в составе общенациональных фоновых знаний (данные ассоциативного эксперимента) ...	11
Виноградова О.Е. (Воронеж) Формулирование психолингвистической дефиниции слова с применением комплекса различных методов описания значения	20
Забалуева М., Соломаткина С. (Воронеж) Идеалы и кумиры (по материалам опроса студентов электромеханического колледжа Воронежского филиала МИИТ)	25
Коваленко С.В. (Воронеж) Семантическое сходство собственных имен	27
Колесникова Е.И. (Воронеж) Гендерная специфика семантики слова (слово «общественный» в мужском и женском языковом сознании)	32
Колпакова А.С. (Борисоглебск) Метаязыковая характеристика слов русского языка по критериям «нравятся»/«не нравятся», «являются новыми»	35
Косова Е.В., Игнатова М.В., Захарова Е.С., Латышев О.Ю. (Воронеж) Возможности прикладной психолингвистики в области описания расстройств аутистического спектра у детей	38
Лемакина Н.А. (Воронеж) Образ России и языка в сознании младшего школьника	45
Литвинова Ю.А. (Воронеж) Интегрированное психолингвистическое описание значений лексем <i>столица</i> и <i>capital</i> по данным САЭ и НАЭ	48
Малышева Е.В. (Тверь) Особенности восприятия информации посредством невербальных систем взаимодействия	51
Попова В.С. (Калининград) Размышление о взаимосвязи философско-логических и психолингвистических вопросов	59
Попова Н.С. (Воронеж) Субъективный аспект в восприятии объективного времени	64
Разумкова А.В. (Калуга) Содержание ассоциативного поля «Ценности и пристрастия» поволжских татар (на материале направленного ассоциативного эксперимента)	67
Рудакова А.В., Вальтер Н.В. (Воронеж) Психолингвистическое значение местоимения «мой» в русском языковом сознании	76
Рудакова А.В., Вальтер Н.В. (Воронеж) Психолингвистическое значение служебного слова (на примере предлога «с»)	82
Старостина Е.В. (Саратов) Изучение возрастной динамики вербальных ассоциаций: проблемы и перспективы	87
Талицкая А.А., Шаманова М.В. (Ярославль) Особенности освоения компьютерной лексики современным языковым сознанием	96
Токарев Г.В. (Тула) Процесс понимания художественного текста (результаты проведения психолингвистического эксперимента)	101
Третьякова Д.В. (Тольятти) Комплексная методика описания значения слова (словари, тексты, психолингвистический эксперимент)	103

Черкашин А.Н. (Курск) Психолингвистическое значение слов – наименований лиц по национальной принадлежности (на примере лексем «даг», «дагестанец», «чеченец»)	113
Чугунова С.А., Залипаева Ж.П. (Воронеж) Стратегии понимания идиоматических выражений с темпоральной семантикой на родном и иностранном языках (результаты эксперимента)	120

Лексикографические и семантические исследования

Виноградова С.А. (Мурманск) Трудности лексикографирования семантики относительных прилагательных английского языка	128
Дьякова Л.Н. (Воронеж) Уместность словоупотребления (на материале телевизионной речи журналистов)	131
Карагашева Э.Х. (Воронеж) Контекстуальное значение имен собственных в русском языке (на материале лексем «Италия», «Венеция»)	135
Литвинова Л.А. (Воронеж) Историко-этимологический аспект слова «деревня» в русском языке (на материале словарей русского языка XVIII-XIX вв.)	138
Майборода С.В., Кочергина Л.В. (Симферополь) Средства и способы выражения оценки в речи врача	141
Маклакова Е.А. (Воронеж) О проблеме выявления синонимических отношений в лексике	147
Матей И.К. (Воронеж) Лексика православия в специальных и общих толковых словарях	156
Милованова И.В. (Воронеж) Актуальность создания терминологических словарей как один из аспектов современной лексикографии	159
Орлова Н.М. (Саратов) Тематический словарь библейской лексики: принципы составления	165
Пантелеева А.В. (Воронеж) Темпоральная характеристика имени собственного	170
Пляскова Е.А. (Воронеж) Двухязычные фразеологические словари с лингвокультурологическими комментариями как отражение фрагментов национальной картины мира	175
Романов А.А., Романова Л.А. (Тверь) Ментальные репрезентации в языковом процессе (мемы и регулятивы)	181
Рудакова А.В., Назаренко В. (Воронеж) Лексикографическое значение наименований человека по профессии	197
Самахер Хасан Давуд (Багдад) Вербальная манипуляция: история вопроса ...	205
Стернин И.А. (Воронеж) Языковые маркеры коррупционного текста	210
Третьякова Д.В. (Тольятти) Семантика наименований духовенства русской православной церкви (исторический взгляд)	215
Шепилова Т.А. (Воронеж) Семантическая структура французских слов-зоонимов	220

Рецензии

Буряковская В.А. (Волгоград) Консюмеризм как феномен современного сознания	224
---	-----

ООО «Издательство РИТМ»

Подписано в печать 14.08.2017. Формат 64x80/16
Бумага офсетная Ballet. Гарнитура Times New Roman.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,2

Тираж 150 экз. Заказ № 2017-08-11-002

Текст и иллюстрации предоставлены автором.

Текст печатается в авторской редакции.

г. Воронеж, Солнечная, д. 17, офис 20

<http://www.i-ritm.ru>

Тел.: 8(473) 290-24-53